4° P.o.russ. 4°/2

W 27

СОЧИНЕНІЯ

Князя Шаликова.

V. 45

Pq 177 | 98013

EX DONO D. HENRICI CAILLOUÉ
IHS
BIBLIOT. S.J.
283

СОЧИНЕНІЯ

Князя Шаликова.

Часть вторая.

СТИХИ.

Qu'il est doux de se dire à soi-même :
Je n'ai point d'ennemis ; j'ai des rivaux que j'aime !

Voltaire.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1819.

ÉTUDES IHS BIBLIOTHÈQUE

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Января 20 дня 1819 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Ценсоръ Михаилъ Снѣгиревъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посланія.

		Стран.
I.	Къ Доктору, другу моему, Е. И. Андреевскому. - - - -	7
II.	Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву.	11
III.	Къ одной изъ Читательницъ Аглаи. - - - - -	15
IV.	Къ сосѣду. - - - -	19
V.	Къ А*** П*** Б—й, которая прислала мнѣ въ подарокъ Лицей, желая чтобы я узналъ стихи ея, напечатанные въ семъ Журналѣ. - - - - -	26
VI.	Къ***. - - - - -	29
VII.	Къ К. И. М. Долгорукому, на смерть дочери его. - - -	37
VIII.	Къ нему же. - - - -	40
IX.	На новоселіе Б. К. Бланка. - -	44
X.	Къ женщинамъ - судьямъ стихотворства. - - - - -	46
XI.	Къ А. С. Телепневой. - -	49
XII.	Къ N. N. Изъ Симферополя. -	52
XIII.	Къ В. Л. Пушкину. - - -	57
XIV.	Къ моей хижинѣ. - - -	62
XV.	Къ Философу рѣки Услы. - -	65
XVI.	Къ другу. - - - - -	68
XVII.	Къ нему же. - - - -	70
XVIII.	Къ М. И. Невзорову. - - -	73
XIX.	Къ Темирѣ. - - - -	75
XX.	Къ путешественнику въ Пол. Рос.	78
XXI.	Къ Эльвирѣ. - - - -	80
XXII.	Къ ней же, въ то время, когда она была у обѣдни. - - -	82

Стран.
XXIII. Къ ней же, когда она была въ театрѣ. - - - - - - 84
XXIV. Къ А И. Полетикѣ. - - - 87
XXV. Къ В. А. Колобову. - - - 91
XXVI. Къ достопочтенному сосѣду, Петру Николаевичу Жеребцову. 94
XXVII. Къ Тончію. - - - - - 97
XXVIII. Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву на новоселье. - - - - 100
XXIX. Къ Б* К* Б*, крестному отцу моей дочери. - - - - - 104
XXX. Къ моей подругѣ. - - - 107
XXXI. Къ К* Д* Д* Ц—ву, подарившему меня сочиненіями г—на Батюшкова. - - - - 110

Смѣсь.

Стихи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ. - - - - - - 115
Стихи Его Сіятельству, Графу Сергею Михайловичу Каменскому. - - 118
Поэтъ. - - - - - - - - 121
Гостепріимство. - - - - - - 126

Гимны.

I. Гимнъ человѣколюбію, пѣтый въ день годичнаго торжества въ Страннопріимномъ Домѣ Графа Шереметева. 128
II. Гимнъ смиренію. - - - - - 130
III. Гимнъ красотѣ. - - - - - 132
IV. Гимнъ лѣности. - - - - - 135
Стихи на годичное торжество въ Страннопріимномъ Домѣ Графа Шереметева. 136
Стихи на поднесеніе Папѣ твореній Н. М. Карамзина въ переводѣ на Италіянскій языкъ г-мъ Чеппи. - - 139

Стран.

Къ Б* К* Б***. На рожденіе сына. - - 140
Сосѣдка. - - - - - - - 143
Алина за пяльцами. - - - - 145
Къ Резедѣ. - - - - - - 149
Пиръ. - - - - - - - 151
Призываніе Апрѣля. - - - - 154
Въ моей любимой аллеѣ. - - - 156
Къ Юліи. - - - - - - - 159
Въ день имянинъ сестры моей, при подаркѣ простымъ золотымъ колечкомъ. 160
Весна - - - - - - - - 161
Стонъ при гробѣ моего К***. - - - 165
Къ другу моего сердца. - - - - 167
Роща. - - - - - - - - 169
Къ моей розѣ. - - - - - 171
Надежда. - - - - - - - 172
Къ Эльминѣ, на подарокъ перьями. - - 174

Элегіи.

I. На смерть А*** Е*** М—й. - - 177
II. На смерть Н*** А*** Х—й. - - 179
III. На смерть родной. - - - - 181
Другу души моей въ день рожденія. - - 183
О дружбѣ къ Дельфирѣ. - - - - 184
На концертъ Ромберга, когда онъ игралъ пѣсню: Ахъ! чтожъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишъ. - - - - 186
Къ Е*** Г*** П—й, при посылкѣ, переведенной мною, Исторіи Генриха IV. —
Тріолетъ Наташѣ. - - - - - 187
Къ моему садику. - - - - - 188
На причащеніе А* Ф* Т***. - - - 191
На кончину Князя Николая Васильевича Репнина. - - - - - - 193

Портреты.

I. Всеслава. - - - - - - 196
II. Зелія. - - - - - - —

Стран.

III. Онъ. - - - - - - - 197
Къ К. Н. И. Куракиной, при посылкѣ моихъ романсовъ, для которыхъ она желала сочинить музыку. - - - —
Чувство при извѣстіи о награжденіи, опредѣленномъ Россійскою Академіею за новую трагедію М. М. Хераскова, по смерти его. - - - - - 198
Экспромтъ на игру несравненнаго віолончелиста Ромберга. - - - - —
На благородный спектакль Катерины Владиміровны Апраксиной, въ день ея рожденія. - - - - - - 199
Къ Н*** П*** Г — й. - - - - 200
Къ О*** М*** С — й, въ день ея рожденія. 201
Власть гармоніи. - - - - - 202
Къ берегамъ Прѣсненскихъ прудовъ. - - 204
Къ Г*** С*** А*** П — й, которую Авторъ не узналъ-было въ ея новомъ для него нарядѣ. - - - - 205
Я помню. - - - - - - 206
Къ Исторіографу Имперіи. - - - 207
Къ госпожѣ Семеновой, въ роли Клитемнестры. - - - - - - —
Отвѣтъ на вопросъ Темиры: Отъ чего весною грустно? - - - - 208
Скука. - - - - - - - 210
Сонъ. - - - - - - - 211
Николаю Михайловичу Карамзину на полученіе Ордена. - - - - 212
Глазному оператору Позину. - - - 213
Тяжба. - - - - - - - 215
Добро. - - - - - - - 217
Весна. - - - - - - - 219
Измѣнчивость надежды. - - - - 223
Женщина. - - - - - - 224
Къ Алинѣ. - - - - - - 226

Стран.

Печаль и радость. - - - - - - 227
Слава. - - - - - - - —
Успѣхъ. - - - - - - - 228
Экскромтъ. - - - - - - —
Изъясненіе. - - - - - - 229
Туалетъ. - - - - - - —
Разница. - - - - - - - —
Вопросъ. - - - - - - - 231
Вопросъ и отвѣтъ. - - - - - —
На ежегодное брачное торжество М. М. и Е. Л. Сонцовыхъ. - - - 223
Къ Н. Д. И.-Писареву, при полученіи мною въ подарокъ экземпляра сочиненій его и переводовъ. - - - —
Къ В. Л. Пушкину, въ день его рожденія 27 Апрѣля. - - - - - 232
Къ М. Ф. Ленской, при подаркѣ ларчикомъ, въ день ея рожденія. - - —
Дѣйствіе лѣтъ. - - - - - 233

Басни.

I. Жизнь и Щастіе. - - - - 236
II. Орелъ, Сороки и Вороны. - - 237
III. Бумага и Перо. - - - - - 238
IV. Талантъ и Характеръ. - - - 239
Къ Дельфирѣ, при посвященіи ей моихъ романсовъ. - - - - - - 240
Романсы. - - - - - - - 242

Стихи для Альбомовъ.

I. Любезной дѣвицѣ, которую зовутъ Вѣрою. - - - - - - 251
II. Е*** П*** О—й. - - - - 253
III. Новой знакомкѣ. - - - - 254
IV. В* И* К***. - - - - - 255
V. Н. Д. И.—Писареву. - - - 257
VI. Е*** А*** Н—й. - - - - 258
VII. Для моего Альбома. - - - - 259

Стран.

Надписи.

I. Къ портрету ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ. - - - - - - 262
II. Къ бюсту Жан-Жака Руссо. - - 263
III. Къ портрету К. П. И. Баграціона. —
IV. Къ солнечнымъ часамъ. - - - 264
V. Къ портрету К. П. Д. Цицiанова. —
VI. Къ его же портрету. - - - 265
VII. Къ Силуэту Эльвиры. - - - —
VIII. Къ портрету Алины. - - - 266
IX. Къ портрету. - - - - - —
X. Къ портрету Б. Е. Герсеванова. - 267
XI. Къ саду Графа К. Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ. - - - —

Эпитафіи.

I. Елисаветѣ Васильевнѣ Херасковой. 268
II. Гаврилѣ Романовичу Державину. - —
III. П. М. Рымскому-Корсакову. - - 269
IV. К. П. А. Баграціоновой. - - —
V. Смнскму. - - - - - 270
VI. Младенцу. - - - - - —
VII. Родной. - - - - - - 271
VIII. Благотворительной женщинѣ. - - —
IX. Юной дѣвицѣ. - - - - 272
X. Ему. - - - - - - - —

П о п р а в к а.

На стран. 215, *въ* 9 *стихѣ, напечатано:* науки; *должно:* наукѣ. *Если найдутся и другія буквальныя ошибки; то да поправятъ благосклонные Читатели сами.*

ПОСЛАНІЯ.

I.

Къ доктору, другу моему, Е. И. Андреевскому.

Богиня здравія, даръ дружбы, прелесть Музъ:
Вотъ неразрывный нашъ, щастливѣйшій союзъ!
Могуль безъ сладкихъ чувствъ, безъ пламенныхъ движеній
О незабвенной той минутѣ вспоминать,
Когда ты мнѣ предсталъ, какъ благотворный Геній,
Чтобъ въ горестной душѣ вновь радости питать?
Рожденный сердцемъ жить въ другомъ, ему подобномъ,
Я съ первой юности позналъ пріятну власть
Святаго дружества; но рокъ въ совѣтѣ злобномъ
Мнѣ предписалъ познать тогдажъ и горьку часть —
И я закрылъ глаза трепещущей рукою
Тому, кто на зарѣ моихъ безвѣстныхъ дней
Былъ для меня во всѣхъ дѣяніяхъ душою;
Предметомъ, существомъ былъ нераздѣльнымъ съ ней
И въ тихихъ радостяхъ, и въ краткихъ огорченьяхъ

Невинной юности! . . . Ахъ! гдѣ щастливый слѣдъ,
Когда она текла въ творимыхъ *приключеньяхъ*
Воображеніемъ цвѣтущихъ пылкихъ лѣтъ, —
Текла какъ быстрый токъ, но чистой, но прозрачной,
Въ тѣни кустарниковъ, среди долины злачной!

Печальныхъ опытовъ жестокая рука
Снимала съ глазъ моихъ волшебну перевязку;
Я начиналъ считать щастливу жизнь за сказку;
Въ душѣ моей была глубокая тоска;
Но ты предсталъ — и вдругъ, какъ солнце озаряетъ
Уединенный миртъ подъ мракомъ черныхъ тучь,
Такъ сердцу моему надежды кроткій лучь
Среди унынія и горести сіяетъ!
Уже въ объятіяхъ моихъ ты — и навѣкъ!
Надежда въ ложную мечту не превратилась;
Отрада и душѣ и сердцу возвратилась. —
О даръ благихъ Небесъ, *любезный* человѣкъ!
Съ бальзамомъ дружества, цѣлебнымъ, чудотворнымъ,
Пролитымъ въ грудь мою изъ сердца твоего,
Ты озаботился съ усердьемъ непритворнымъ
Возстановленіемъ здоровья моего,
Которымъ перву дань, оставивши ученье,
Я долженъ былъ принесть Отечеству, Царю,

Мы всѣ должны принесть къ священну олтарю
Священной пользы все: здоровье, жизнь, имѣнье.
Награда? — въ мысли: „Я исполнилъ вѣрно то,
Чѣмъ былъ, какъ гражданинъ, обязанъ передъ свѣтомъ!“
Не въ почестяхъ: онѣ мишурный блескъ, — ничто;
Бываютъ происковъ и подлости предметомъ.
Заслуги — вотъ вѣнецъ нетлѣнной, золотой!
Онъ часто скрытъ отъ глазъ людскихъ въ тѣни густой;
Но тѣмъ лучи его прекраснѣе, ярчѣе;
Но тѣмъ чело подъ нимъ любезнѣе, милѣе!

Съ здоровьемъ, дружбою, отрадой и тобой
Возобновилася и страсть моя къ ученью.
Среди трудовъ и нуждъ (*) мы часъ свободной свой
Не скучной праздности, но посвящали чтенью.
Невѣжды грубые подъ Марсовымъ щитомъ,
Къ нещастью, много ихъ! . . . насъ явно презирали;
Добра — лишь добрые взаимно намъ желали:

(*) Связь наша, щастливая и долговременная, началась еще въ службѣ, въ походахъ.

Невѣжды злы; но мы не думали о томъ,
И шли своимъ путемъ похвальнымъ, благо-
родным ъ:
Не стану говорить съ притворствомъ, мнѣ
несроднымъ.
Херасковъ, Карамзинъ, Державинъ и
Петровъ
Изъ рукъ у насъ тогда почти не выходили,
Плѣняясь красотой, талантомъ сихъ твор-
цовъ,
Мы съ ними райское веселье находили.
Словесность Рускую всѣмъ сердцемъ полюбя,
Мы стали наконецъ испытывать себя —
Ты въ прозѣ, я въ стихахъ. . . . Успѣхи
не велики!
Пусть не включаютъ насъ въ писатель-
скіе лики;
Но мы за то въ числѣ не многихъ тѣхъ
людей,
Которыхъ ставитъ свѣтъ примѣромъ для
друзей.
Дымъ славы стоитъ ли сердечнаго бла-
женства?
Мудрецъ Монтань сказалъ, о другѣ говоря:
Онъ — я; я — онъ. И мы, судьбѣ благодаря,
Быть можетъ, въ дружествѣ достигли со-
вершенства.
Пускай дѣлятъ судьбы, моря и земли насъ;
Но въ памяти, въ душѣ мы вмѣстѣ каж-
дый часъ!

II.

КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

Не разъ, къ нещастію, потупя томный
взоръ,
Я слушалъ о себѣ жестокой приговоръ:
„Поэтъ" . . . Кто именемъ Поэта не гор-
дится?
Кто славою его въ душѣ не веселится?
Но слушайте со мной: „Поэтъ есть вѣчный
лжецъ,
Нескромный Селадонъ, опасный самый
льстецъ."
Вотъ какъ честятъ, увы! чадъ Фебовыхъ
на свѣтѣ! . . .
За то что въ пѣсенкѣ, въ романсѣ, въ
тріолетѣ
Поэтъ красавицу Кипридой назоветъ,
А милую свою — Кипридѣ предпочтетъ;
Потомъ . . . вздохнетъ подчасъ, съ упре-
комъ за измѣну,
И справедливую вещамъ обьявитъ цѣну. . . .
„Ужасная вина!" бывало прошепчу
Съ печалью каждый разъ, и съ твердостью
молчу. —
Но самъ любимецъ Музъ, но самъ Поэтъ
за свѣтомъ

Безъ шутокъ говоритъ, что женщинѣ съ поэтомъ
Войти опасно въ связь; что при разрывѣ ихъ,
Пылая мщеніемъ, поэтъ въ стихахъ своихъ
Разскажетъ тотчасъ все, — и женщина страдаетъ,
И всякой по стихамъ ее легко узнаетъ....
Прости, терпѣніе!... Дерзаю отвѣчать,
И предъ Поэтомъ ставъ, Поэтовъ защищать....
Великій Аполлонъ! за чадъ твоихъ вступаюсь,
За славу ихъ — твою, и славою ласкаюсь!

Не правдаль, Дмитріевъ, что изо ста одинъ
Надъ чувствами души и сердца господинъ?
Другіе ихъ рабы, гремящіе цѣпями,
Въ которыя они заключены страстями. —
Кто оскорбленіе, обиду вдругъ проститъ?
Кто съ удовольствіемъ за зло двумя не мститъ?
Прощаютъ ли, не мстятъ любовницѣ невѣрной
На свѣтѣ вообще?... Въ свирѣпости чрезмѣрной
Обыкновенный духъ ужаснѣе всего!
Всѣ средства хороши ко мщенью для него.
Но нѣжный Фебовъ сынъ — что дѣлаетъ?... Стихами,
Для слуха, для ума пріятными словами
О горести своей, нещастьи говоритъ,

И въ самыхъ жалобахъ своей *жестокой*
льститъ.
„Какая смертная, какъ ты, была любима?“
Поэтъ взываетъ къ ней: „какъ ты бого-
творима?

Какая смертная была

И столь любезна, столь мила (*)?“
Вотъ все, что можете назвать въ поэтѣ
мщеньемъ! . . .
Невѣрная сама украдкой, съ восхищеньемъ
Разсмотритъ всѣ черты портрета своего,
И выронитъ слезу, — и болѣ ничего.
„Узнаетъ свѣтъ объ ней?“ О чемъ онъ
не узнаетъ?
Что тайной для него чрезъ день, чрезъ
два бываетъ? . . .
Не скроетесь ни въ чемъ отъ Аргуса сего!
Вашъ замокъ изъ стекла построенъ для
него.

Надменный сѣтуетъ, глупецъ шумитъ,
бранится;
Но умный, ошибясь, безмолвно удалится —
Сказалъ Лану; а онъ, извѣстно, былъ
Поэтъ:
Лану мнѣ правило сей истиной даетъ. —
И наконецъ ты самъ съ *печальною душою,*
*Бѣжишь въ дремучій лѣсъ забыть любез-
ну Хлою,*

(*) См. въ стихотвореніяхъ Карамзина: *Къ невѣрной.*

И съ сердцемъ тамъ своимъ лишь только горевать,
Винить жестокую, и вмѣстѣ — обожать!
Но нѣтъ! и въ Хлояхъ ты, какъ въ Граціяхъ, конечно
Былъ щастливъ, Дмитріевъ, безъ огорченій вѣчно:
Въ противномъ случаѣ не такъ бы ты судилъ,
И стонъ въ Элегіи поэту бы простилъ!...
Ахъ! если бъ не была отрадою мнѣ лира,
Кто знаетъ, какъ бы я отмстилъ тебѣ, Дельфира!

III.

КЪ ОДНОЙ ИЗЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ АГЛАИ (*).

Съ участіемъ любви нѣжнѣйшаго отца
Я веселюсь, когда ты дочь мою ласкаешь!
Ахъ! если бы она могла плѣнять сердца
У всѣхъ людей, какъ ты плѣняешь!
Благодарю тебя! . . . Довольно для нее:
Ты *милою* зовешь ее;
А *милое* тебѣ всѣхъ болѣе извѣстно:
Суди же, сколько ей сіе названье лестно!
Но именемъ одной изъ трехъ подругъ твоихъ
Украсивъ дочь мою, я тщательно старался
Примѣромъ ставить ей во всемъ тебя и ихъ!
Другими — признаюсь — отнюдь не занимался:
Фортуна не мое, по щастью, божество;
Спокойно на ея взираю торжество;
Не гнусь передъ ея златыми олтарями;

(*) Названіе журнала, который издавался мною.

Знакомства не ищу съ Лидійскими царями (*);
Ищу — достоинства; гдѣбъ ни было оно,
Когобы Небо имъ, когобъ ни наградило, —
Достоинство вездѣ священно мнѣ равно;
Къ нему обращено всегда мое кадило! —
Богатства, почести не ослѣпятъ вовѣкъ
Поникшихъ глазъ моихъ при ложномъ блескѣ славы —
Сей истинной сердецъ *ребяческихъ* отравы!
Въ чертогахъ и звѣздахъ порочный человѣкъ,
Рабъ знатности своей, тиранъ ему неровныхъ,
Друзей ли — именемъ, не болѣе! — иль кровныхъ,
Виновнѣе сто кратъ преступника въ цѣпяхъ,
Который, разсуждать не могши о *страстяхъ*,
Далъ волю имъ, — погибъ! О жертвѣ сожалѣю;
О жертвѣ грубыхъ чувствъ, превратнаго ума:
Невѣжество душѣ есть то, что зрѣнью тьма!
Но къ первому одну я ненависть имѣю.

И такъ достоинства прямыя лишь цѣня,
Украсить дочь мою желалъ я только ими;

(*) То есть съ Крезами.

Сравнить ее съ тобой, съ подругами твоими:
Другаго не было въ предметѣ у меня;
И вѣрно слѣдуя во всемъ своей методѣ,
Знакомилъ дочь мою со нравами людей,
Не отдаленныхъ, — нашихъ дней;
Знакомилъ съ обществомъ, покорнымъ
скиптру моды,
И съ тѣмъ, которое живетъ
Всегда подъ кроткими уставами Природы;
Знакомилъ съ узами, которыми гнететъ
Тщеславіе враговъ свободы;
Знакомилъ съ древними талантами, умомъ,
Съ пріятной лирою, съ блистательнымъ
перомъ
Безсмертныхъ мудрецовъ, любезнѣйшихъ
Поэтовъ,
Сихъ въ поприщѣ своемъ увѣнчанныхъ
Атлетовъ;
Знакомилъ съ красотой и прозы и стиховъ,
И съ духомъ языка почтенныхъ земляковъ;
Съ искуствомъ Таліи, Эвтерпы, Мельпомены,
Еще (признаемся) не славной Руской сцены;
Но болѣе всего знакомилъ дочь мою
Со благостью души, съ любовію ко ближнимъ;
Съ презрѣньемъ — ничего нимало не таю —
Къ надменнымъ титлами; знакомилъ съ
лаской къ нижнимъ,
Съ готовностью служить нещастному —
слезой,
Когда намъ въ золотѣ отказано судьбой.
Вотъ все, что дочери я далъ при воспи-
таньи,

Или желалъ бы дать! Въ отеческомъ стараньи
О добродѣтеляхъ, достоинствахъ дѣтей
Ужь есть заслуга, есть отрада для людей,
Богатыхъ чувствами, но бѣдныхъ сундуками!
Инагожь дать не льзя *руками;*
Но можно *сердцемъ* дать. Таковъ мой жребій былъ,
Когда я въ должности отцовской приступилъ,
Сколь трудной, ты довольно знаешь!
Успѣлъ ли въ ней? — молчу; но вижу, ты ласкаешь,
И слышу, *милою* зовешь
Мою смиренную *Аглаю*;
Ты за меня отвѣтъ даешь:
И такъ тебѣ, твоей любви ее вручаю!

IV.

КЪ СОСѢДУ.

Нашъ Пиндаръ громкими стихами
Воспѣлъ сосѣда своего,
И вмѣстѣ съ пышными пирами,
Съ богатствомъ, роскошью его,
Своей Поэзіи небесной
Богатство, роскошь съединилъ! . . .
О даръ божественной, чудесной!
Кто въ дань тебѣ не приносилъ,
Твоимъ огнемъ воспламененный,
Живыхъ восторговъ, нѣжныхъ слезъ! .
Но пѣть тебя, сосѣдъ почтенный! . . .
Я не Державинъ; ты — не Крезъ!
Не Крезъ! . . . Хвала судьбѣ! и смѣло
Цѣвницу скромную мою
Снимаю со стѣны, — пою.
Ни лесть, сердецъ порочныхъ дѣло,
Ни выспренность надутыхъ словъ,
Поэтовъ вывѣска холодныхъ,
Не *распестрятъ* моихъ стиховъ,
Всегда простыхъ, всегда свободныхъ!

Вертеповъ мраморныхъ, злашыхъ,
Шатровъ Персидскихъ дорогихъ,
Огромныхъ грудъ Китайской глины
И Альбіонскаго стекла
Капризная рука судьбины

Тебѣ, сосѣдъ мой, не дала!
Не слышны музыка и хоры,
Когда сидишь ты за столомъ;
Прелестныхъ дѣвъ не видятъ взоры
Съ Шампанскимъ, Мозельскимъ виномъ!
Въ укромномъ домикѣ, опрятномъ
Ведешь безпечно мирны дни,
И въ обществѣ твоемъ пріятномъ
Бываютъ лишь друзья одни.
Ты любишь съ ними посмѣяться,
Но не *Сардонскимъ смѣхомъ* (*) — нѣтъ:
Имъ шумный одержимъ лишь свѣтъ! —
А тѣмъ, которымъ забавляться
Подчасъ желаетъ и мудрецъ —
Аттическимъ, всегда любезнымъ,
Всегда отраднымъ и полезнымъ
Для добрыхъ, пламенныхъ сердцъ.
Ахъ! часто шуткой остроумной,
Какъ чародѣйствія жезломъ,
Нашъ рокъ тяжелой, мрачной, скудной
Предстанетъ съ яснымъ вдругъ челомъ!
Такъ бочку *Діогенъ* катая,
Себя щастливцомъ почитая,
Быть *Александромъ* не хотѣлъ —
За тѣмъ что вѣкъ шутить умѣлъ!

Но *шутки въ сторону*, и Музы —
Краса мятежной жизни сей,
Съ которыми такъ сладки узы! —
Займутъ собой твоихъ друзей.

(*) То есть принужденнымъ. Risus Sardonicus.

Безсмертны Геніевъ творенья
Для сердца, разума и зрѣнья,
Подъ кровомъ храмины твоей,
Несутъ отвсюду дань безцѣнну! . . .
О Музы! щастье и вселенну
Я съ вами позабыть готовъ! . . .
Потомъ дойдетъ и до стиховъ:
Свои *Пословицы* читаешь,
Посланья, Были — легкій плодъ
Ума, фантазій! . . . Ты сбираешь
Его безъ *авторскихъ* заботъ,
А такъ — рѣзвясь; и Метроманомъ,
Ушей безжалостнымъ тираномъ —
Ни изъ чего не можешь быть;
Не можешь. . . . ближняго морить.
Одинъ не можешь за обѣдомъ,
Какъ Мидъ, надъ блюдами зѣвать;
Но радъ съ гостями и *сосѣдомъ*
Пофилософски пировать.
Часъ лишній просидѣть — для спора
(Въ который ввѣкъ не входитъ ссора,
Дочь винныхъ, бѣдственныхъ паровъ!)
О томъ, кто лучше пишетъ оды,
Круглитъ искусно періоды
И вѣдаетъ всю тайну словъ.
А иногда твои родныя (*),
Подруги Грацій, Аонидъ,
Въ бесѣдѣ тутъ же. Ихъ простыя
Манеры, ласки, скромный видъ
На чувства дани налагаютъ,

(*) Племянницы.

Умы, сердца одушевляютъ,
И каждый въ обществѣ — поэтъ.
За круглымъ столикомъ въ *боскетѣ*,
Въ твоемъ ученомъ кабинетѣ,
Откуда изгнанъ *этикетъ*,
Усѣвшись, мысли обращаемъ
Къ тому, что лучшимъ для людей
Блаженствомъ въ жизни почитаемъ;
О чемъ мудрецъ съ клюкой своей,
И царь въ блистательной порфирѣ,
И нищій въ рубищѣ — всѣ въ мірѣ,
Мечтаютъ, спорятъ, говорятъ;
Чего всѣ смертные желаютъ;
Чѣмъ всѣ сердца въ груди горятъ;
Чему подчасъ цѣны не знаютъ,
Но съ чѣмъ и радость и печаль —
Одна гораздо намъ сноснѣе,
Другая во сто разъ милѣе,
И съ чѣмъ разстаться очень жаль! . . .
Любовь! . . . любовь, душа вселеной,
Посланница благихъ Небесъ
Въ юдоли скорбной, треволненной,
Для осушенья горькихъ слезъ! . . .
О сей богинѣ разсуждаемъ;
Ея всѣ свойства раздробляемъ,
И признаемся наконецъ,
Что человѣкъ пріемлетъ съ кровью,
Потребность жить, дышать любовью —
Единымъ щастіемъ сердецъ! . . .
Алина! сколь разъ съ тобою
Я то же, другъ мой, говорилъ!
Ахъ! еслибъ и навѣкъ судьбою

Я разлученъ съ Алиной былъ;
Но бывъ любимымъ страстно ею,
Прельщался бъ участью моею! . . .

Мечтамъ поклонъ отдавши свой,
Сосѣдъ! ты *истиной* доволенъ;
Живешь въ ладу съ самимъ собой.
Твое богатство — умъ, познанья;
Сокровища — любезность, честь.
Безумны обуздавъ желанья,
Желаешь лишь того, что *есть*,
И радъ свою ты долю славишь! —
Позволь сосѣду къ ней прибавишь
Одинъ усерднѣйшій обѣтъ:
Чтобъ ты былъ *вѣчно* мнѣ сосѣдъ!

V.

КЪ А*** П*** Б—й,

Которая прислала мнѣ въ подарокъ *Лицей*, желая чтобы я узналъ стихи ея, напечатанные въ семъ Журналѣ.

Я правъ! . . . и веселюсь удачей предсказанья,
И даже думаю, что вѣрно я пророкъ —
Не въ храмѣ *идоловъ*, но въ храмѣ *дарованья*:
Ты часто слышала изъ устъ моихъ свой рокъ!
По первымъ опытамъ руки твоей на лирѣ
Я назвалъ *Сафою* тебя,
И ждалъ, и говорилъ, что скоро, скоро въ мірѣ
Явишь ты Музою Лезбійскою (*) себя! . . .
Сбылось! . . . Небесный даръ! . . . Всѣ хитрости искуства
Ничто въ сравненіи съ тобой!
Одни души и сердца чувства
Имѣютъ сильну власть надъ сердцемъ, надъ душой!

(*) Сафо была названа *десятою Музою*.

Глазами жадными, рукой нетерпѣливой
Почти ужь до конца я пробѣжалъ *Лицей*,
Скучая на пути; вдругъ геній твой щасливой
Остановилъ меня, о Сафо нашихъ дней! —
Кто можетъ не узнать сіяющей Цинтеи
Среди мерцающихъ Плеядъ?
Чей слухъ не поразятъ пернатые Орфеи
При громѣ иволговъ, поющихъ съ ними въ рядъ? . . .
Я бросился къ твоей *Богинѣ сновидѣнья* (*),
Подобно страннику, который былъ томимъ
Унылостью песковъ и мукою терпѣнья,
И окруженъ потомъ семействомъ сталъ своимъ!
Меня прелестныя картины окружили;
Ихъ тѣни, свѣтъ и всѣ черты
Въ восторгъ живѣйшій приводили!
Я видѣлъ *наяву* чудеснѣйши *мечты*,
Которыя толпой съ крыла царицы ночи
Летятъ на смертнаго, къ улыбкѣ, иль слезамъ,
Когда съ отрадой онъ смыкаетъ томны очи,
Сказавъ: *до завтраго!* надеждамъ и трудамъ.

Такъ! все душой моей особенно играло;
Все мысли, сердце, умъ волшебно занимало!
Я съ чувствомъ истины *смотрѣлъ* на тѣ вѣнки,

(*) Лицей, Часть 18, книжка III, стран. 12.

Которые вокругъ *безпечнаго* постели
Лежали дѣйствіемъ невидимой руки ;
Внималъ , какъ онъ , ручью , свирѣли,
И *устремилъ глаза* на образъ милый твой,
Когда ты въ горести *спокойному* предстала;
Вздохнулъ сто разъ, когда ты съ нѣжностью
сказала
Богинѣ сновидѣнья : ,,Стой !
Вздохнетъ ли *онъ* хотя невольно ,
Исчезни , дивная ! . . . довольно !"
Ахъ ! *Сафо* не моглабъ любезнѣе сего ,
Нѣжнѣе, тонѣе, въ огнѣ безмѣрной страсти,
Льстить сердцу хладному *Фаона* своего ,
Ни лучше изъяснить законъ любовной власти!
Потомъ взглянувъ съ тобой на гробы тѣхъ
Царей (*) ,
Которые судьбой и щастіемъ людей ,
Подвластныхъ имъ , какъ Богъ , премудро
управляли ;
Которыхъ искренно любили , прославляли,
Я къ меланхоліи священной простиралъ
Объятія мои ; съ поникшей головою ,
Подобно какъ она , и томною рукою
Облокотясь на столъ , казалося , *взиралъ*
На урну Кронову и на черты богини ,
И *слышалъ* жребія на все одинъ отвѣтъ :
*Неложныхъ радостей для смертныхъ въ
жизни нѣтъ !*
Я находилъ себя среди глухой пустыни ,
Среди безмолвія блуждающихъ тѣней ,

(**) Тамъ же , стран. 14.

И *чувствовалъ*, какъ ты, всю бѣдность нашихъ дней!
Но къ *Джону милому* (*) ты мысли обращаешь,
И мракъ моей души *улыбкой* озаряешь!...
Дивлюсь безцѣнному таланту твоему!
Съ какою легкостью, искуствомъ переходишь
Къ различнымъ чувствіямъ, идеямъ — и всему
Слова, оттѣнки, тонъ приличные находишь!
Спрошу я въ очередь мою:
Гдѣ философію любезную свою —
Которая тебя ни въ чемъ не обманула —
Ты смѣлою рукой удачно почерпнула?
Какой Сократъ, Платонъ тебѣ
Все таинство открылъ о нашей здѣсь судьбѣ? —
„Въ чувствительной душѣ; а сердце наблюдало
Пружины участей людскихъ,
Надежды, радости, печали, скорби ихъ,
И голосомъ своимъ уроки мнѣ давало." —
Ты отвѣчаешь мнѣ?... Прекраснѣйшій отвѣтъ
Изъ устъ прекраснаго творенья,
Которымъ *славиться* моральной долженъ свѣтъ,
И безъ котораго нѣтъ щастья, утѣшенья!
Пусть *даромъ ничего Природа не даетъ*;

(*) Тамъ же, стран. 15.

Но давъ *подругу* намъ съ чувствительной
душою
И съ сердцемъ пламеннымъ, она *чету* ведетъ
Межь острыхъ терніевъ цвѣтущею тропою;
Она *улыбкою за слезы* насъ даритъ,
И съ рокомъ бѣдственнымъ, какъ доброй
другъ, миритъ!
Не ей ли *милый Джонъ* обязанъ тѣмъ *со-
юзомъ*,
Который съ *Промысломъ* навѣкъ имъ за-
ключенъ?
Не ею ль онъ подъ всѣмъ житейскимъ тяж-
кимъ грузомъ
Всегда чудесно облегченъ,
И съ *троицей* своей *живетъ безъ ссоры —
ладно?*
Не ей ли *Джономъ* (*) ты своимъ одолжена?
Не ею ли въ тебѣ та искра восжена,
Котораябъ могла согрѣть и сердце хладно
Въ груди у жителя покрытыхъ льдомъ
морей?
Не всѣмъ ли наконецъ и я обязанъ ей:
Любовью добрыхъ душъ и дружбою твоею,
Которою ласкать себя надежно смѣю? —
Такъ точно, повторю: Природѣ долженъ
всѣмъ,
Но щастію — ни чѣмъ.

(*) Тамъ же, стран. 16.

VI.

КЪ ***.

Поэтъ, котораго и дружбою и лирой
Обязанъ я равно; который отъ меня
Далеко странствуетъ съ любовью и Дельфирой,
И скучнаго душѣ не вѣдаетъ ни дня!
Хочу занять начасъ тебя, мой другъ, собою,
И дивнымъ вымысломъ безмолвно говорить
За тридевять земель; хочу передъ тобою
Въ бесѣдѣ искренней всѣ чувства обнажить.
Съ чего начать? — съ того, что сердцу веселѣе,
Что памяти милѣе
Изъ *бывшихъ нѣкогда* дней райскихъ проходить.
Подай же руку мнѣ — и выдемъ изъ жилища
Владѣнья твоего на холмы и луга,
Гдѣ ждетъ чувствительныхъ души и сердца пища,
Гдѣ даромъ смертнаго нога
Не ступитъ — если онъ Природой не отринутъ.
Тамъ взоры наши вновь окинутъ
Небесной дочери изящну красоту,

И порознь каждую разительну черту
Сіяющей *весны* съ Пуссенемъ разбирая,
Чудесны прелести найдемъ,
И духъ нашъ сердцемъ возвышая,
Съ Томпсономъ гимны въ честь богинѣ
воспоемъ;
Иль утренній пѣвецъ (*) намъ будетъ на-
ставленьемъ
Въ священныхъ похвалахъ, — примѣромъ,
вдохновеньемъ.
Оттуда медленно пойдемъ
Въ хранилище *живыхъ* растеній всей все-
ленной,
Въ которомъ царствуетъ щастливѣйшій
климатъ.
Тамъ гордая бамбу съ фіялкою смиренной,
И тысячи цвѣтовъ краса иароматъ
Прольютъ намъ въ душу восхищенье.
Потомъ насъ выманитъ твой юный ого-
родъ.
Я раздѣлю съ тобой пріятность, утѣшенье,
Съ надеждою трудовъ твоихъ увидѣть
плодъ,
И тѣнью липъ, березъ, тобою насажден-
ныхъ,
Горящее лице въ день знойный прохладить.
Ахъ! еслибъ сихъ минутъ блаженныхъ
Всю сладость мочный рокъ дозволилъ мнѣ
вкусить! —
Но пламенны лучи полудня заставляютъ

(*) Жаворонокъ.

Спѣшить подъ кровъ смиренный твой,
Гдѣ удовольствія еще насъ ожидаютъ,
Гдѣ обитаютъ вѣкъ отрада и покой,
Гдѣ съ милою твоей семьёю
Польется разговоръ у насъ, мой другъ, рѣкою —
О томъ, что видѣли, чѣмъ наслаждались мы;
Какъ занимали насъ таланты и умы. —
Блаженъ, кто у *себя* съ пріятелемъ, съ родными
Отъ сердца обо всемъ безъ скуки говоритъ;
Кто съ удовольствіемъ всегда внимаетъ ими,
И кто *домашній кругъ* бесѣдой веселитъ! —
Прохлада вечера насъ вызываетъ въ поле,
И мы всѣмъ обществомъ идемъ гулять туда,
Гдѣ сельскихъ прелестей находитъ взоръ нашъ болѣ,
Гдѣ свѣтлы ручейки и пестрыя стада,
Гдѣ зелень темная излучистой долины,
Гдѣ яркая эмаль несѣянныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ кисти Творческой раскинуты картины,
Гдѣ слышны наконецъ свирѣли пастуховъ. . . .
Безцѣнный даръ весны! . . . Но, ахъ! она проходитъ —
И другъ вашъ думаетъ печально о пути! . . .
Онъ словъ и красокъ не находитъ
Для выраженія тяжелаго — *прости*,
Которое сказавъ, разстаться долженъ съ вами!
Такъ имъ предпринято и рѣшено судьбами!

Одна изъ склонностей живыхъ,
Другимъ созданьямъ неизвѣстныхъ;
Черта, которою отличенъ столь отъ нихъ
Природы властелинъ и врагъ предѣловъ тѣсныхъ;
Стремленіе души, которому навѣкъ
Покоренъ мыслящій и дикій человѣкъ;
Источникъ щастія и скорби равномѣрно —
О любопытствѣ рѣчь: оно, мой друзья,
Ведетъ меня туда, гдѣ щастіе не вѣрно;
Оттуда, гдѣ не зналъ нималой скорби я!
Въ страну, блестящую искусства чудесами,
Игрою, геніемъ талантовъ и страстей.
Тамъ ясными на все очами,
На вещи и людей
Посмотритъ странникъ вашъ и скажетъ: „Нѣтъ! милѣе
Въ пріятной тишинѣ съ друзьями сердца жить!"
И возвратится къ вамъ какъ можно поскорѣе.
А между тѣмъ — увы! — пора каминъ топить!
Что нужды: для друзей и осень не скучнѣе
Весеннихъ, лѣтнихъ дней. Усѣвшись вкругъ огня,
Вы слушать будете внимательно меня,
Который вамъ навезъ, не меньше Одиссея,
Разсказовъ, повѣстей печальныхъ и смѣшныхъ;
Но дара украшать, какъ Грекъ сей, не имѣя,

Я буду простъ, какъ самъ, въ исторіяхъ
моихъ.
Ахъ! кто не испыталъ всю живость наслажденья
Сидѣть передъ огнемъ въ осенни вечера
Съ друзьями!... Одному ни въ чемъ нѣтъ
утѣшенья;
Одинъ все смотришь — со двора;
А съ ними, у камина!...
Нигдѣ не нахожу щастливѣйшихъ минутъ!
Какъ весело душѣ моей и сердцу тутъ!
Ссылаюсь на тебя, любезная Алина,
Съ которой нѣкогда, подобно какъ жрецы
Богини Весты, огнь мы пристально хранили,
И только въ обществѣ невинномъ нашемъ
были
Чистѣйшихъ склонностей наставники-
пѣвцы:
Предпочиталъ ли я веселью быть съ тобою
Концерты, ужины, собранье, клубы, балъ,
Куда *веселіе* не ступитъ и ногою,
И гдѣ довольныхъ лицъ я вѣчно не видалъ?
Пылающій каминъ и искренность святая
Пріятнѣе всего
Для сердца моего! —
Друзья! къ вамъ мысли обращая,
Напомню вашимъ все. — Бесѣдой утомясь,
И круга въ тишинѣ молчаньемъ освѣжась,
Мы принималися за чтенье книгъ отборныхъ:
Имѣя нѣжный вкусъ, не терпите вы вздорныхъ;

Потомъ работою, канвой займетесь вы;
А вашъ Поэтъ и я, не муча головы
Надъ одою перуно - звучной,
Читателямъ немного скучной,
Начнемъ посланія, романсы сочинять,
И Музамъ, то есть вамъ, тогда же все читать.
Вашъ судъ для насъ служилъ закономъ;
А сердце было намъ талантомъ, Аполлономъ.
Такъ нѣкогда весну и осень проводилъ
Съ друзьями нѣжный другъ! Онъ съ ними находилъ
Безъ терній алы жизни розы;
Не зналъ, что есть на свѣтѣ слезы;
Веселость на его сіяла лишь челѣ! — —
Когда уста мои замолкнутъ на землѣ,
Когда рука моя писать уже не будетъ;
Тогда — не прежде, васъ другъ вѣрный позабудетъ.
Ахъ! нынѣшней весной
И лѣтомъ былъ я сиротой!
Бродилъ вездѣ одинъ съ унылою душою,
Скучалъ во всѣхъ мѣстахъ, скучалъ самимъ собою,
И осень мрачную страшуся вспомянуть,
Подобно страннику, которой измѣряетъ
Воображеніемъ тяжелый, дальній путь,
И прежде времени все мужество теряетъ,
Тогда какъ, можетъ быть, найдетъ прохладный гротъ! . . .
Отъ грусти для меня единый *антидотъ*

Стихи твои, мой другъ! Когда я ихъ читаю,
И слышу имъ хвалы отъ лучшихъ знатоковъ,
То въ *Эльдорадѣ* вдругъ душею обитаю. . . .
Благословимъ же даръ божественный сти-
ховъ !
„Какъ! въ свѣтѣ живучи“ — вы скажете —
„скучаешь ?“ —
Свѣтъ холоденъ, друзья, для пламенной души,
И съ нею мирные сходнѣе шалаши !
А тамъ прискорбія одни почти встрѣчаешь!
Кто васъ, казалося, по склонности любилъ;
Кому вы нравились, кто вами занимался,
Кто вашимъ обществомъ всегда доволенъ
былъ,
Кто вамъ пріятелемъ *открыто* почитался:
Тотъ послѣ съ важностью обидной и
смѣшной
Насилу шляпу вамъ снимаетъ — безъ поклона,
Подобно какъ Моголъ рабамъ своимъ со
трона ! —
Чтожъ это значитъ ? — онъ на шляпѣ
грузной сей
Имѣетъ бѣлый пухъ, иль перья — какъ хо-
тите ;
Крестъ на стальной груди своей,
И мѣсто видное! — Теперь, друзья, скажите,
Не больно ль иногда смотрѣть на пузырей,
Надутыхъ случаемъ такъ точно, какъ
соломкой,
Которою дитя сто мыльныхъ пуститъ въ
часъ ?
Но что всего — всего прискорбнѣе для насъ,

О чемъ я не могу сказать безъ мысли горь-
кой —
Ахъ! это лютая измѣна отъ друзей,
Которы были вамъ утѣхой въ жизни сей;
Которыхъ вы всему, — себѣ предпочитали;
Которымъ всю любовь на дѣлѣ доказали! . . .
Лаиса гнусная въ минуту и навѣкъ
Васъ съ другомъ разлучитъ! Вы ей не уго-
дили,
Вы твари подлой сей презрѣнье изъявили. . . .
О свѣтъ, надменный свѣтъ! о слабый че-
ловѣкъ!

VII.

КЪ К. И. М. ДОЛГОРУКОМУ,

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ ЕГО.

Съ ударами судьбы жестокой, безразсудной
Знакомишься ль душѣ и сердцу твоему?
Въ первые ль протекать тебѣ путь смертныхъ трудной,
И дань платить слезой и горестьми ему?
Но сердцу нѣжному, душѣ, любить способной
Все то, что намъ Творцомъ въ предметъ любви дано,
Возможно ль съ твердостью, однимъ *Зенонамъ* сродной,
Сносить ударъ судьбы, когда имъ лишено
Существованіе надежнѣшей опоры
На зыбкомъ поприщѣ печальной жизни сей;
Холодною рукой закрыть навѣки взоры
Для сердца нашего безцѣннѣйшихъ людей?...
Ахъ, нѣтъ!... Но въ чемъ же *здѣсь* отрады, утѣшенья
Цѣлительный бальзамъ страдальцу находить?
Въ святой Религіи!.... Она *вѣнецъ терпѣнья*
Готова на чело невинныхъ возложить!...

И *тамъ* — за горести, за слезы — добродѣтель
Пить будетъ радости чистѣйшія рѣкой! — —
Ты вѣришь Божеству! въ томъ памятникъ свидѣтель,
Супругѣ нѣжныя воздвигнутый тобой!
Покорность волѣ Той, Которая всѣмъ править,
Въ изящной надписи его заключена (*)!
Душа великая всемощну руку славитъ,
Хранималь оною, или поражена!
Имѣй довѣренность и нынѣ къ Провидѣнью
При новомъ опытѣ твоихъ душевныхъ силъ:
Источникъ благости слезамъ и огорченью,
Равно какъ всѣмъ вещамъ, предѣлы положилъ!
Кому же памятникъ надгробный созидаешь
Близъ перваго? чей прахъ въ обьятія земли,
Сей общей матери, рыдая, опускаешь?
Прахъ дочери! . . . Увы! не отцвѣли
Щастливой юности прелестны сердцу розы --
И смерть скосила ихъ! Жестокая! постой!
Взгляни на горькія родительскія слёзы;
На скорбь подругъ! . . . Но ахъ! ударъ свершился твой! . . .
Ни красота души, ни умъ, ни дарованья,
Ни дружбы, ни родства жарчайшія мольбы,
Ни сиротѣющей любви самой страданья —
Ни что не трогаетъ безжалостной судьбы!

(*) Dieu retira son souffle, et Eugénie mourut (*такого-то года)* — вотъ вся надпись памятника Княгини Евгеніи Сергеевны Долгорукой. Онъ въ Донскомъ монастырѣ.

Уклонимъ же главу подъ скиптръ ея желѣзной!
Въ сопротивленіи успѣха, пользы нѣтъ!
Терпѣть съ надеждою, что тамъ, за страшной бездной,
Въ покойной пристани насъ Ангелъ щастья ждетъ;
И все, что было намъ въ сей жизни драгоцѣнно,
Съ улыбкой радости, восторга встрѣтитъ насъ;
Что будетъ, наконецъ, все это непремѣнно:
Вотъ непорочныя души священный гласъ!

VIII.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Пусть высохнетъ (*) перо, забытое Поэтомъ
Во время горестей — отравы нашихъ дней;
Пускай разстанется онъ съ чуждымъ грусти свѣтомъ,
И будетъ только *гость* средь щастливыхъ людей:
Но сердце то же въ немъ; оно не высыхаетъ
Въ чувствительной груди: чувствительность навѣкъ
Удѣломъ Фебовыхъ достойныхъ чадъ бываетъ.
Что есть любимецъ музъ? — изящный человѣкъ.
Иначе льзя ли быть? иначебъ не избрали
Въ служители себѣ богини къ олтарямъ. . . .
Онѣ въ своихъ жрецахъ подпору тверду дали
Всѣмъ добродѣтелямъ, отечеству, Царямъ. —
Невѣждѣ ль отвратить отъ насъ удары рока,
И горькую слезу любовью отереть?
Невѣждѣ ли спасти невинность отъ порока,
И въ юныя сердца добро запечатлѣть?
Невѣждѣ ли держать въ рукахъ вѣсы Ѳемиды,

(*) Любезный Поэтъ писалъ ко мнѣ однажды, что его перо *высохло*.

И пользу ближняго святыней почитать?
Невѣждѣ ль слабаго отъ наглости, обиды
Сильнѣйшаго мечемъ законовъ защищать?
Невѣждѣ ли предстать ко трону полной
Власти
Съ совѣтомъ истины, таланта и ума?
Невѣждѣ ль обуздать свои, чужія страсти?..,
Ахъ, нѣтъ! его удѣлъ — души и сердца тьма,
И свѣтъ постылъ ему! . . . Сова въ тѣни
таится
Какъ будто для того, чтобъ въ стаяхъ
птицъ другихъ
Смѣшнымъ твореніемъ Природы не явиться,
И безобразіемъ своимъ не тѣшить ихъ. —
Оставимъ мрачныхъ совъ, и слухъ нашъ
соловьями
Займемъ и въ бурный день; подъ тучею Орфей
Пернатыхъ долженъ быть внимаемъ болѣ
нами:
Тогда чудесенъ онъ въ гармоніи своей;
Тогда онъ самъ себя въ талантѣ превос-
ходитъ.
Такъ и Поэтъ: когда печаленъ сердцемъ онъ,
Тогда источникъ чувствъ живѣйшихъ въ
немъ находитъ. . . .
Въ лугахъ Адметовыхъ пѣлъ лучше Апол-
лонъ!
А Йонгъ, стенящій Йонгъ?... Но я благоговѣю
Предъ скорбію твоей, столь свѣжею еще,
И пѣсенъ требовать твоихъ, Поэтъ, не
смѣю,
Или бы требовалъ конечно ихъ вотще.

Ты положилъ перо за тѣмъ, чтобъ взять
другое,
И Граціямъ служивъ, сталъ истинѣ слугой;
Чтобъ быть для сограждан своихъ полез-
нымъ вдвое,
И щастьемъ ближняго украсить жребій
свой. —
Я былъ свидѣтелемъ участья, состраданья,
Которыми судьбу ты бѣдныхъ облегчалъ!
Я слышалъ вкругъ тебя сердечныя признанья,
Тогда какъ съ милою ты скромностью мол-
чалъ.
Ахъ! нѣжная душа — сокровище безцѣнно,
Святилище всѣхъ благъ, нужнѣйшихъ для
людей;
Добро, которое вовѣки неизмѣнно,
И безъ котораго все мертво въ жизни сей!
Душа перомъ твоимъ и водитъ и водила,
И для того всегда равно *любезенъ* ты
Поэтомъ и Судьею! . . . Ахъ! скоро заступила
Существенность твои прелестныя мечты!
Существенность — сей врагъ игры вообра-
женья;
Палящій сильный зной для сердца, для души;
Отрава нашего прямаго наслажденья! . . .
Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только
хороши!
Сатурнъ — который все въ бездон-
ную утробу
Своихъ желѣзныхъ ребръ съ поспѣшностью
кладетъ;
Который по шипамъ терновымъ насъ ко гробу

Рукою мѣдною съ угрозою ведетъ;
Который вмигъ твои похитилъ утѣшенья,
А съ ними сладкія минуты для друзей,
Дѣлившихъ все съ тобой: забавы, упражненья,
Среди любезныхъ Музъ, во храминѣ твоей —
Сатурнъ выводитъ насъ подчасъ и на долину,
Покрыту розами изъ цвѣтниковъ Армидъ,
И жизни горестной ужасную картину
Перемѣняетъ вдругъ на живописный видъ:
Быть можетъ, и Поэтъ, забывшій въ грусти лиру,
Съ которою во дни щастливѣйши пѣвалъ —
Такъ пламенно! — любовь, блаженство и *Глафиру*,
И въ нѣдра нашихъ чувствъ свои переливалъ,
Возметъ ее опять — не томною рукою,
Но съ живостью души, довольной наконецъ,
По бурямъ случаевъ, спокойною судьбою —
Сей милой пристанью, — желаньемъ всѣхъ сердецъ!
А между тѣмъ мое жарчайши возсылаетъ
Моленья къ небесамъ о щастіи того,
Который щастію другаго посвящаетъ
Всѣ силы генія и духа своего!

IX.

На новоселіе

Б. К. БЛАНКА.

Не съ вазой, съ бронзою, съ фарфоромъ дорогими
(Фортуна, Рокъ меня не одарили ими!);
Но съ чистой, искренней душой
Вхожу къ тебѣ на новоселье.
„Будь щастливъ" — говорю — „вовѣкъ своей судьбой!
Да радость, наслажденье
Покоемъ, жизнію съ любезными тебѣ,
Дни мирные твои всечасно украшаютъ!" —
И сердца пламенной мольбѣ
Правдивы Небеса внимаютъ.
Но кто украсилъ домъ прелестный, новый твой?
Кто положилъ печать пріятности волшебной
На каждомъ въ немъ шагу? кто нѣжною рукой,
Искуствомъ подкрѣпленной,
Поставилъ кажду вещь въ приличномъ мѣстѣ ей?...
То лаковый паркетъ, то мраморны камины,
То шитыя иглой Минервиной картины —

Сіи роскошные предметы для очей —
Попеременно ихъ и мысли занимаютъ,
И удовольствіемъ питаютъ.
Всего же болѣе взоръ съ сердцемъ веселитъ
Уборная твоей супруги:
Здѣсь Граціи, ея подруги,
Трудились сами дать всему прелестный видъ,
И тѣмъ любезныя богини доказали,
Что истину онѣ во всѣхъ вещахъ узнали:
Царицею должна супруга въ домѣ быть;
Царицѣ *Граціи* должны всегда служить....
Но ты молчишь — не отвѣчаешь!
Назвать Артистовъ не желаешь,
Украсившихъ твой храмъ? . . . Я самъ
узнаю ихъ:
Вкусъ, нѣжность, чувство, умъ — вотъ
имена твоихъ
Артистовъ несравненныхъ,
Всегда искусныхъ, совершенныхъ!

X.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ-СУДЬЯМЪ СТИХОТВОРСТВА.

О вы, которыхъ мнѣ улыбка одобренья
И строгій взоръ суда священнѣе всего!
Для васъ въ душѣ моей огонь пылаетъ ревенья
Къ успѣхамъ слабаго таланта моего!
Не вѣрьте мрачному поэту-мизогину;
Который говоритъ: „Я жить хочу въ вѣкахъ,
Не въ женскихъ вѣтренныхъ сердцахъ!"
Онъ тронуть не умѣлъ изъ женщинъ ни едину
Поэзіей своей, холодною какъ самъ;
И для того отмстить презрѣньемъ хочетъ вамъ,
И для того въ *вѣкахъ не жить* ему конечно!
Не вамъ ли нѣжный вкусъ и тонкій разумъ данъ,
Какъ прелести лица, какъ стройный, гибкій станъ?
Но часто суетность скажу чистосердечно:
Иначе не могу я съ вами говорить! . . .
Такъ, суетность, чтобъ вдругъ вниманье обратить —
Чтобъ ни стояло, безъ всякаго разбора,

Невѣжды ль, мудреца — на рѣзкость разговора,
Которымъ въ обществѣ предъ всѣми отличить
Себя вы захотите;
Чтобъ удивленіе въ одномъ,
Чтобъ хохотъ произвесть въ другомъ
(Не льстиву истину питомцу Музъ простите!):
Все это дѣлаетъ начасъ
Прекраснѣйшихъ вещей дурнымъ судьею васъ! —
И вы — безъ умысла отъ сердца веселитесь....
На собственный свой счетъ! . . . Вздыхаю и молчу!
Ахъ! мнимою ни въ чемъ удачей не гордитесь!
Совѣтомъ истины я вамъ служить хочу:
Вы любите стихи — и что же? тонкость чувства,
Гермонія идей, щастливый выборъ словъ,
Побѣда славная надъ трудностью искуства —
Всѣ, словомъ, красоты, достоинства стиховъ,
Въ минуту *слабости* нескромнаго движенья,
Не стоятъ вашего нимало уваженья!
Вы хвалите — на зло и вкусу и себѣ,
Хорошаго дурнымъ въ печальную замѣну —
Поэта жалкаго и людямъ и судьбѣ,
Который, напримѣръ, *промылъ слезою стѣну!* !
„Какъ это сказано! какой отмѣнный даръ!

Какая нѣжность, сила, жаръ!" —
Вы утверждаете . . . на эту только пору:
Я знаю, знаю васъ! — и нѣтъ причины
къ спору.
Но всѣ ли женщины литтературнымъ симъ
Капризамъ иногда подвержены бываютъ?
Нѣтъ! заключенiемъ моимъ
Пускай сего не почитаютъ!
Вамъ на Эмилiю спокойно укажу,
И съ твердостью того, что испыталъ,
скажу:
Она, читая, размышляетъ;
Въ оттѣнки тонкiя, въ искусныя черты,
Въ движенье, въ оборотъ стиховъ и фразъ
вникаетъ,
И ясно видитъ всѣ пороки, красоты,
И *мнѣнiемъ* своимъ вовѣки *не играетъ*.
Притче-марателя отнюдь не назоветъ
Россiйскимъ Лафонтеномъ,
Ни Пиндаромъ того, кто бредитъ, — не
поетъ,
Ни шута-риѳмача Синопскимъ Дiогеномъ.
За то судомъ ея другъ Феба дорожитъ!
Вотъ образецъ для васъ, Парнасскiя
царицы!
Послѣдуйте ему, и жертвы Аонидъ,
И громкiй лиры гласъ, и тихiя тонъ цѣв-
ницы,
И разумъ и талантъ — все посвятится вамъ,
Любезныя душѣ, прелестныя сердцамъ!

XI.

КЪ А. С. ТЕЛЕПНЕВОЙ.

Я видѣлъ тѣ мѣста, которыя тобою
Когда-то красились, въ которыхъ ты жила
Съ любовью, дружбою и съ мирною душою;
Гдѣ всѣми чтима ты была,
Гдѣ съ чувствомъ о тебѣ всегда воспоми-
-наютъ,
И гдѣ слѣды твои цвѣтами усыпаютъ....
Ахъ! какъ пріятно, сладко жить
Въ сердцахъ у добрыхъ и заочно!
Какъ щастіе любви небесной, чистой прочно!
Его не можетъ — нѣтъ! и время истре-
бить!...
Съ обыкновенными души моей мечтами
Ходилъ я по твоимъ слѣдамъ;
Безъ всякаго труда отыскивалъ ихъ самъ,
Или передо мной они являлись сами.
И могъ ли не узнать я ихъ?
И льзя ли было имъ уйти отъ глазъ моихъ?
Въ саду Армидиномъ (*), гдѣ дышетъ все
прохладой,
Надеждой, радостью; гдѣ съ томною Дріядой
Сильфъ пламенный любви и щастью гимнъ
поютъ,

(*) Въ Ораніенбаумѣ.

И щастье и любовь другъ другу въ сердце льютъ;
Гдѣ мысли въ области прошедшаго лѣтаютъ;
Гдѣ тысячи вещей
Воображеніе чудесно занимаютъ;
Гдѣ все душѣ моей
Служило пищею пріятною и новой:
Тамъ я угадывалъ мѣста, въ которыхъ ты
Одна, сама съ собой и съ Юліей Руссовой
Питала сладкія, щастливыя мечты;
Всѣмъ сердцемъ вѣрила блаженству нѣжной страсти,
Которую ни рокъ, ни всѣ на свѣтѣ власти
Не могутъ покорить подъ грозный скипетръ свой:
Ахъ! только страстію такой
Душа — не хладная, сухая —
Довольна можетъ быть,
И щастье вѣчное въ себѣ лишь находить,
Другому щастье сообщая!
„А здѣсь," я думалъ „столъ подъ тѣнью вязовъ сихъ
Съ *Китайскимъ нектаромъ* не разъ былъ поставляемъ,
И чай душистый разливаемъ
Хозяйкою въ кругу семьи, друзей своихъ."
Ахъ! какъ завидовалъ я наслажденью ихъ!
„Здѣсь ввечеру она гуляла вмѣстѣ съ ними,
Здѣсь бѣгала съ дѣтьми, здѣсь съ чувствами живыми
Смотрѣла на море, на флаги кораблей,
И думала съ Поэтомъ:

„Нѣтъ невозможнаго на свѣтѣ для людей! —
„И люди сдѣлались владыками надъ свѣ-
томъ.“
По каждой Англійской дорожкѣ золотой,
Казалось мнѣ, я шелъ тихонько за тобой;
Подъ каждымъ деревомъ кудрявымъ и тѣ-
нистымъ
Я воздухомъ дышалъ съ тобою свѣжимъ,
чистымъ,
И даже вслухъ тебѣ, забывшись, говорилъ
О томъ, что для себя прекраснымъ на-
ходилъ. . . .
Отвѣта не было! . . . Иль эхо за горою
Перекликалося, изъ жалости, со мною. —
„А тамъ. . . .“ Но можно ли бумагѣ передать,
Въ подобныхъ случаяхъ, всѣ наши впеча-
тлѣнья? . . .
Надеждой веселюсь изустно все сказать,
Все — все безъ исключенья.
Ужъ повѣстей отъ насъ не далека пора!
Приходятъ длинные осенни вечера;
Романы, Были намъ помогутъ ихъ убавить,
И время скучное улыбкою приправить.
Пылающій каминъ и сердца скромный жаръ
Улиссу твоему въ разсказахъ — но пра-
вдивыхъ —
Доставятъ *занимать* немного трудный
даръ. . . .
Съ какою жадностью жду сихъ минутъ
щастливыхъ!

XII.

КЪ N. N.

Изъ Симферополя.

Въ странѣ, любимой свѣтлымъ Фебомъ,
Подъ кроткимъ, мирнымъ, яснымъ небомъ,
При видѣ грозныхъ, мшистыхъ скалъ,
Долинъ смѣющихся, прелестныхъ,
Красотъ Природы повсемѣстныхъ,
Гдѣ я въ восторгахъ трепеталъ,
Гдѣ взоромъ дерзскимъ измѣряя
Пространство моря, цѣпи горъ,
И въ безконечности теряя
Ненасытимый, жадный взоръ,
Я находилъ въ себѣ два чувства,
Живѣйшихъ, новыхъ для меня, —
Какъ ночи мракъ и ясность дня,
Какъ даръ Небесъ и трудъ искуства,
Различныхъ такъ между собой: —
Ничтожности моей тѣлесной
И связи непонятно-тѣсной
Ея съ безсмертною душой!
Громадъ, пучинъ сихъ ужасаюсь,
Но ими жь райски наслаждаюсь;
И только въ смѣси чудной сей
Сокрыто щастье для людей! —
Въ странѣ, безцѣнной для поэтовъ

Мечтою, истиной предметовъ,
Прошедшимъ, настоящимъ, всѣмъ:
Въ очаровательной *Тавридѣ!*
При словѣ стихотворномъ семъ
Готова мысль объ Еврипидѣ,
Ифигинеи, двухъ друзьяхъ,
Союзомъ твердымъ знаменитыхъ,
И объ ужасныхъ олтаряхъ,
Невинной кровію облитыхъ!

Но время мнѣ уже сказать,
Что въ сей странѣ изящно-грозной
Я сталъ стихи твои читать (*) —
И вотъ на нихъ отвѣтъ мой поздной;
Читать не въ первый только разъ,
Но съ первымъ въ жизни наслажденьемъ
Такихъ минутъ, которыхъ часъ
Изгладитъ сладостнымъ забвеньемъ
Печали, скорби многихъ лѣтъ!
Прими, любезный мой Поэтъ,
Души моей благодаренье! . . .
Но кто опишетъ все движенье,
Весь жаръ щастливѣйшей души?
Ты самъ, мой другъ, сію картину
Въ воображеньи напиши.

Блажу, блажу мою судьбину!
Слети, фантазія, ко мнѣ
Съ холмовъ цвѣтущихъ, ароматныхъ,

(*) Напечатанные подъ заглавіемъ: *Майскій вечеръ въ отсутствіе друга*, и полученные мною во время моего путешествія.

И въ сихъ долинахъ благодатныхъ,
При вѣчной, радостной веснѣ,
Возьми свой скипетръ лучезарный
И покори подъ власть его
Всѣ чувства сердца моего,
И самый умъ, неблагодарный
Подчасъ за милости твои!
А вы, безцѣнные мои,
Друзья души нелицемѣрны,
Съ которыми сей жизни терны
Тупѣютъ подъ пучками розъ;
Съ которыми нѣтъ горькихъ слёзъ,
Меня собою окружите,
Мои восторги раздѣлите!
Одинъ я не умѣю быть
Довольнымъ, радостнымъ, щастливымъ;
Умѣю быть лишь терпѣливымъ
И скорби тотчасъ позабыть.
Охотно, искренно прощаю
Врагу, мнѣ сдѣлавшему зло;
Предъ каждымъ смѣло поднимаю
Мое негордое чело;
Предъ добродѣтелью единой
И безпорочною сѣдиной
Оно поникнетъ до земли.

Взгляните, милые, со мною
На эту сцену. Тамъ, вдали,
Волна стремится за волною;
На нихъ колеблется фрегатъ,
И лодка съ мачтою мелькаетъ:
Эвксинскій Понтъ напоминаетъ,

Что здѣсь былъ грозный Митридатъ,
Ужасный мужествомъ и флотомъ
Для самыхъ Римлянъ — сихъ царей
Надъ міромъ доблестью своей —
И былъ ихъ гордости оплотомъ.
Потомъ свой обратите взоръ
Къ симъ нѣкогда стѣнамъ цвѣтущимъ
И благо общества стерегущимъ,
Торговлей, славой — и позоръ
На ихъ слѣдахъ теперь прочтите;
Рукою варварскихъ временъ
Судьбу начертанну племенъ
Различныхъ, многихъ посмотрите;
Взгляните наконецъ туда,
Гдѣ сердце ваше улыбнется,
Гдѣ въ грудь восторгъ рѣкой прольется,
Гдѣ вы безъ всякаго труда
Найдете пищу и предметы
Для сладкихъ мыслей, чувствъ живыхъ —
И въ щастливыхъ мечтахъ своихъ
Готовы будете обѣты,
Подобно мнѣ, душей творить,
Чтобъ здѣсь вѣкъ цѣлый проводить
Съ Природой, другомъ и подругой —.
И полный, *истинный* романъ,
Воображенія услугой
На утѣшеніе вамъ данъ! — —
Мѣста, достойныя Руссовой
Безсмертной Элоизы Новой!
Почто я кистію сего
Любви Апелла не владѣю,
И съ сердцемъ, можетъ быть, его

Изобразить васъ не умѣю?
Но въ памяти, въ душѣ моей
Вы не изгладитесь конечно,
И будете отрадой вѣчно
Моихъ прискорбныхъ, грустныхъ дней!

Къ тебѣ опять, Пѣвецъ щастливый
Природы, дружбы и любви!
Я обращаю гласъ нельстивый;
Рви нѣжною рукою, рви
Цвѣты, которые срывали
Когда-то Геснеръ, Теокритъ;
Ихъ жаръ въ груди твоей горитъ!
Они бы сами увѣнчали
Тебя за кажду пѣснь твою! . . .
Ахъ! если бъ мирную мою,
О другъ! украсилъ ты могилу
Цвѣткомъ любви, и пѣснь унылу
Печальной дружбѣ посвятилъ, —
Я и въ могилѣ бъ щастливъ былъ!

XIII.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Un orgueil très méprisable, un lâche intérêt plus méprisable encore, sont les sources de toutes ces critiques dont nous sommes inondés.

Voltaire.

Защитникъ истины, таланта и ума,
О витязь бодрственный на поприщѣ искуства
Плѣнять сердца красой языка, мысли, чувства!
Въ Посланіяхъ твоихъ (*) гармонія сама —
Гармонія стиховъ стихъ каждый составляла,
И тщательно свою на каждомъ оставляла
Блестящую печать, которая для глазъ
Варяго-авторовъ несноснѣй во сто разъ,
Чѣмъ солнца яркаго лучи для птицъ Минервы!
Орудіемъ боговъ, Поэзіей, ты первый
Въ словесности расколъ ужасный поразилъ,
И Фебъ тебѣ вѣнокъ съ улыбкою вручилъ.
Враги *изящнаго* — враги добра и Феба!
Такъ дивно ль, что тебя, любимца своего,

(*) Къ В. А. Жуковскому и къ Д. В. Дашкову.

Онъ избралъ защищать дары благіе Неба,
И былъ ревнителемъ успѣха твоего?
Почтенный витязь мой! исторія *Пиѳона*
Есть подвиговъ твоихъ! Я вижу *Аполлона*
Въ творцѣ Посланій: ты цѣвницей золотой
Свершилъ, что онъ своей карательной
стрѣлой!
Но стрѣлы зависти и злобы не преста-
нутъ
Свистать на воздухѣ — противно для
ушей,
Безъ всякаго вреда! я знаю. Такъ Борей
Подуетъ, и цвѣты весенни не увянутъ —
Лишь только разольютъ свой дальше аро-
матъ.

Я нынѣ былъ въ странѣ, гдѣ нравы и
климатъ
Поэтамъ милую страну напоминаютъ
И душу сладкою отрадою питаютъ;
Я былъ, могу сказать, въ *Аркадіи* другой (*),
И чувствовалъ въ груди веселье и покой.
Средь мирныхъ жителей, среди долинъ ща-
стливыхъ,
Далеко отъ суетъ, отъ замысловъ кичли-
выхъ,
Отъ мѣлкихъ, рабственныхъ, презритель-
ныхъ страстей,
Отъ сихъ по степени, по титламъ вели-
кановъ,

(*) Въ Крыму.

Но по дѣламъ своимъ Пигмеевъ, не людей,
Отъ сихъ лжеумниковъ, достоинства ти-
ранов ;
Въ забвеньи горестныхъ о ближнемъ, о себѣ
На жизненномъ пути и чувствъ и помы-
шленій
Я сердца гимны пѣлъ что день моей судьбѣ;
Что день, мнѣ новые дары мой добрый
Геній
Изъ нѣдръ таинственныхъ Натуры прино-
силъ;
Въ ея святилищѣ водимъ я онымъ былъ.
Младенцемъ находясь въ познаніяхъ глубо-
кихъ,
Слѣпцомъ въ дѣлахъ Творца премудрыхъ и
высокихъ,
Я вѣрилъ чувствію душевному — оно,
Сей Геній мой, меня учило, просвѣщало:
На что мнѣ бытіе разумное дано,
Откуда существа всѣ приняли начало,
Какой имѣть должны они и я конецъ,
Какія для дѣтей *тамъ* участи готовитъ
Великій въ правотѣ и милостяхъ Отецъ,
Почто *здѣсь* добраго коварный въ сѣти ло-
витъ,
И добрый не уйдетъ коварнаго сѣтей. . . ,
Суди же, не былъ ли я истинно, сердечно
Щастливымъ смертнымъ? Ахъ! но щастье
скоротечно,
Не можетъ вѣчнымъ быть удѣломъ нашихъ
дней!

Я возвращаюся подъ кровъ мой безызвѣстный,
Въ столицу гордую, и посохъ мой кладу;
Изъ области Наукъ вѣстей пріятныхъ жду,
Заранѣ веселюсь. . . . И что же? повсемѣстный
Я слышу авторовъ ужаснѣйшій раздоръ!
Возможно ли? предметъ полезнѣйшій для свѣта,
Для чувства, для ума, предметъ есть нынѣ ссоръ!
Писатель и поэтъ писателя, поэта
Гонитель, жаждущій погибели ему! . . .
Я лучше предпочту невѣждъ безвредну тьму
Такому ложному познанью, просвѣщенью;
Такому мнимому таланту, поученью
Надменнѣйшихъ умовъ! . . . Сокройтесь отъ меня,
Словесники (*)! я васъ, я вашихъ словъ бумажныхъ,
Враждою дышащихъ, страшуся какъ огня
И какъ направленныхъ на грудь ударовъ шпажныхъ!
Винюсь, что я готовъ возненавидѣть васъ!
Бѣгите отъ моихъ, Славяноманы, глазъ! . . .
И торжествуйте: я съ словесностью прощаюсь! . . .
Съ словесностью? А Музъ достойные друзья?

(*) Такъ нѣкоторые переводятъ слово *литтераторъ* (!!), если не ошибаюсь.

Не уже ли прощусь и съ вами также я?
Ахъ, нѣтъ! къ вамъ съ прежнею любовью
возвращаюсь,
И пѣнью вашему, подобно какъ весной
Внимаютъ соловьямъ, внимать съ восторгомъ буду;
Что хоры галокъ есть, я даже позабуду
При вашихъ голосахъ!... Любезный Пушкинъ, пой!

XIV.

КЪ МОЕЙ ХИЖИНѢ.

Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Кантемиръ, Сат. 1 я.

Что значатъ пышные вельможъ, царей чертоги,
Гдѣ въ мрачной гордости, съ холодною душей,
Простые смертные скрываются какъ боги
Отъ взора, отъ любви подобныхъ имъ людей, —
Что значатъ, говорю, предъ хижиной моею?
Ахъ! какъ доволенъ я, и какъ любуюсь ею!
Могу ль завидовать, Фортуны чада, вамъ?
Прямыя радости не вашимъ знать сердцамъ
Дано Природою, сей матерью благою
Своихъ покорныхъ чадъ! Ведомые рукою
И нѣжностью ея, они по миртамъ въ путь
Ко щастію тихому, но вѣрному вступаютъ;
Не золотомъ душѣ веселья покупаютъ:
Веселья купленны не пролются въ грудь!
Природа даромъ ихъ повсюду расточаетъ,
Гдѣ только чистыя сердца она встрѣчаетъ —
Такъ нашъ сказалъ одинъ любезнѣйшій Поэтъ,

Которому знакомъ довольно бѣлый свѣтъ.
Безъ щастья щастливымъ, богатымъ безъ
богатства
Быть предоставлено для Фебова собратства.
И я, по благости созвѣздья моего,
Или по дерзостной мечтѣ, въ числѣ него!
Богатства, щастія въ глаза и я не знаю;
И я, безъ тысячи неутомимыхъ рукъ,
На розахъ, какъ Лукуллъ раскошный, отдыхаю,
Покинувъ сладостны обьятія. . . . Наукъ.
Сирены льстивыя, волшебницы Армиды,
Въ обьятіяхъ у васъ сокрыты Эвмениды!

Не бронза, не фарфоръ, не мраморъ
вкругъ меня;
Но книги, но портретъ, но бюстъ людей
великихъ.
Въ нѣмой бесѣдѣ ихъ не примѣчаю дня.
А тамъ передо мной горшокъ *гвоздичекъ
дикихъ* —
Символъ невинности — съ левкоемъ дорогимъ,
Безцѣннымъ для меня: когда-то Флора имъ,
Или — что все одно — Эльвира занималась!
На немъ, на немъ печать души ея осталась:
Онъ съ *каждымъ днемъ цвѣтетъ*, и въ
новой красотѣ
Всегда является глазамъ моимъ плѣненнымъ.
Дивлюсь! Судьба ему велѣла быть нетлѣннымъ,

Подобно какъ моей прелестнѣйшей мечтѣ
О радостяхъ любви остаться вѣкъ — ме-
чтою!
Но болѣе всего я нахожу съ тобою
Забавы чистыя, другъ сердца моего,
Повѣренный всѣхъ чувствъ, движеній всѣхъ
его,
Моя смиренная, какъ самъ, — простая лира!
Ты служишь для души источникомъ утѣхъ!
И наконецъ — о день щастливѣйшій изъ
всѣхъ! —
Въ щастливой хижинѣ моей была Эльвира!

XV.

Къ Философу

рѣки Услы.

Любезнымъ, мирнымъ мудрецамъ
Всегда любезны Музы были;
Онѣ амброзіей служили
Ихъ нѣжнымъ, искреннимъ сердцамъ.
Ума за-звѣздныя паренья,
Великихъ истинъ яркій свѣтъ,
Одинъ и тотъ же вѣкъ предметъ,
Одни и тѣ же упражненья —
Для сердца тяжкій приговоръ!
Сократъ отъ *вѣчности* свой взоръ
На милыхъ *Грацій* обращаетъ,
Своей рукой ихъ украшаетъ (*);
Идетъ къ Аспазіи дѣлить
Часы пріятныхъ развлеченій,
Душей, воображеньемъ жить
Средь Аонидскихъ вдохновеній.

И ты, въ забаву отъ трудовъ,
На арфѣ, какъ Давидъ, играешь,
Творца вселенной воспѣваешь,

(*) Сократъ изваялъ Грацій.

Надежду, Вѣру и Любовь (*) —
Сіи источники благія,
награды, радости живыя
За скорби сердца для людей!
И такъ съ цѣвницею мнѣ милой
Тебѣ я воспою нельстивой
Гимнъ благодарности моей.

Коварство стрѣлы изощряло,
Скопляло для меня свой ядъ;
Шипя змѣей, главу подъяло. . .
О какъ его ужасенъ взглядъ! . . .
На честь, на совѣсть, на законы,
Играя святостію ихъ,
Возстать мечтало безъ препоны,
И въ злобныхъ челюстяхъ своихъ
Невинность растерзать стремилось;
Уже успѣхомъ обольстилось:
Но ты, подобно какъ Алькидъ,
На Гидру смѣло наступаешь!
Любовь къ добру твой мечь, эгидъ —
И злость, дщерь адскую, караешь! . . .
Чудовище (**) во прахъ падетъ,
И ярости его предметъ —
Я имъ не поврежденъ остался.

(*) Сей почтенный и любезный Философъ изобразилъ каждый изъ сихъ трехъ предметовъ Религіи нашей щастливыми стихами.

(**) Ябеда. Сочинитель имѣлъ тяжбу, которую вѣрно бы проигралъ безъ помощи сего человѣколюбиваго и дѣятельнаго Философа.

Благій твой подвигъ увѣнчался
Хвалой чувствительныхъ людей
И гласомъ совѣсти твоей!
Судъ совѣсти людскаго строже,
И тѣмъ священнѣе, дороже
Ея свидѣтельство для насъ!
Въ послѣдній страшный жизни часъ
Оно для добрыхъ освѣщаетъ
Въ могилу мрачный, темный сходъ,
И съ нею сердцу отверзаетъ
Лазурный, ясный неба сводъ!
Да будетъ *тамъ* твоя награда,
Среди нетлѣнна вертограда,
Почтенный Мужъ! за подвигъ твой.
Сей міръ для дней твоихъ преклонныхъ
Лишился прелестей ничтожныхъ,
И ты зовешь его — мечтой!

XVI.

КЪ ДРУГУ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Такъ! уваженіе друзей,
Есть жизни нашей украшенье,
Въ ея печаляхъ утѣшенье, —
Есть перло чести для людей!
И вотъ за чѣмъ себѣ желаю —
По праву сердца моего —
Я уваженья твоего:
Твоей души все свойство знаю!
Ея прекрасныхъ чувствъ вовѣкъ
Ничто *дурное* не коснется;
Въ добрѣ ты рѣдкій человѣкъ!
И духъ твой тотчасъ вознесется
Надъ слабостью, обычной намъ,
Лишь ты ее примѣтишь самъ
Въ своихъ движеньяхъ сокровенныхъ!
Ты всѣхъ сокровищь міра тлѣнныхъ
Любви сокровищамъ благимъ
Не предпочтешь — и мнишь со мною,
Что все, даемое рукою,
Рукоюжь можно возвратить,
И за услугу отплатить
Подчасъ услугою сугубой.
Съ душею чувственною, грубой

Пиладовъ и *Орестовъ* нѣтъ!
Мой другъ! цѣнить тебя умѣя
И нашу дружбу многихъ лѣтъ,
И ею въ сердцѣ пламенѣя, —
Лишь уваженіемъ твоимъ
И дорожилъ, и буду вѣчно
Я дорожить чистосердечно,
Какъ *преимуществомъ* своимъ!
И горе тѣмъ сердцамъ холоднымъ,
Къ святому дружеству не сроднымъ,
Для коихъ мнѣніе друзей,
Есть мнѣньемъ чуждыхъ намъ людей! . . .

XVII.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Какая перемѣна,
Мой другъ, съ тѣхъ поръ во мнѣ,
Какъ я съ тобой разстался!
Я сталъ совсѣмъ — не я!
Всегда унылъ, печаленъ —
Ничто не веселитъ —
За вздохомъ вздохъ изъ сердца,
Въ слѣдъ имъ потоки слезъ.
Что жъ этому виною?
Ты спросишь, милый другъ.
Увы! я самъ не знаю,
Но стражду и томлюсь!
Ахъ! можетъ быть въ задатокъ
Золъ будущихъ судьба
Предчувствіе лютѣйше
Вливаетъ въ сердце мнѣ! . . .
Съ тобой я веселился
Природой, жизнью, всѣмъ;
Теперь мертва Природа,
Жизнь бремя для меня.
И городъ многолюдный,
Въ которомъ я живу,
Мнѣ кажется пустыней,
Гдѣ я влачусь одинъ,
Одинъ съ печальной мыслью,

Терзающей меня:
На что я существую?
На что есть *что нибудь?*
Закону разрушенья
Все въ мірѣ подлежитъ,
И самый міръ не вѣченъ, —
На чтожь онъ сотворенъ?
Отвѣта нѣтъ, — вздыхаю,
Безмолвствую, гляжу
На небо — небо меркнетъ,
Увы! въ глазахъ моихъ!
Срываю алу розу,
И думаю въ себѣ:
На что ты столь прелестна?
Минутна жизнь твоя!
На что гордится Хлоя
Своею красотой?
Она увянетъ такъ же,
Истлѣетъ какъ и ты!
Тутъ горестное чувство
Ничтожности всего
Опять возобновится
Терзать мой скорбный духъ! —
Ищу душѣ отрады
Въ сообществѣ людей;
Но взоръ мой не находитъ
Души во взорахъ ихъ!
Блескъ пышности, богатства
Лишь можетъ обратить
Къ себѣ ихъ все вниманье, —
Другое ничего.
Печальный! удалися

Вь дремучіе лѣса:
Унылый видь твой скучень,
Несносень для людей;
Имь надобны забавы,
И горести твои
Чувствительность не могуть
Вь сердцахь ихь возбудить.
Гдѣ весело, тамь только
Всѣ братья и друзья;
Но гдѣ нещастный стонеть,
Тамь всякой эгоисть.

Живя уединенно
Подь кровомь тишины,
Вь обьятіяхь покоя,
Любезнаго тебѣ,
Сь дражайшею супругой
И сь милыми дѣтьми —
Сколь щастливь ты, не зная,
Мой другь, каковь есть свѣть!
Останься вь семь незнаньи,
И лишь о томь жалѣй,
Кто опыту подвержень
Печальному сему. —
Я горестень, ты видишь,
Любезный, нѣжный другь!
Утѣшь же силой дружбы,
Утѣшь меня. . . . Прости!

XVIII.

КЪ М. И. НЕВЗОРОВУ.

Другъ добродѣтели по чувству и дѣламъ!
Быть другомъ юношей все право ты имѣешь:
Ты указуешь путь ко щастью ихъ сердцамъ,
И въ души нѣжныя мораль чистѣйшу сѣешь!
Изыди на труды почтенные свои!
Предъ солнцемъ, снова къ намъ отрадой возсіявшимъ,
Изыди — стань — и мы всѣ *юноши* твои!
Повѣдай истины пріятность ихъ познавшимъ:
Отверсто поприще обширное тебѣ!
Дай чувствовать, что мы въ ужаснѣйшей судьбѣ,
Равно какъ въ щастливой, лобзать всемощну руку
Творца премудраго должны въ безмолвьи устъ;
Что Онъ во благо намъ шлетъ радость или муку;
Что цвѣтъ прелестнѣйшій надеждъ житейскихъ пустъ
Безъ упованія на милости Небесны;
Что тайны щастія намъ въ мірѣ неизвѣстны;
Что Промыслъ Божій лишь насъ губитъ и хранитъ

По нашимъ передъ Нимъ заслугамъ несо-
крытымъ;
Что жалкой человѣкъ надъ бездной часто
спитъ
Подъ небомъ, молніей, носящей смерть,
извитымъ,
Объемля райскія утѣхи въ льстивомъ снѣ,
И что не рѣдко золъ въ пучину погруженный,
Срываетъ, не вредимъ, плоды на грозномъ днѣ,
Цѣлебной силой ихъ отъ язвинъ излѣченный!

Господь благословитъ — вѣщай! и вся-
кихъ лѣтъ
Съ любовью къ ближнему, къ закону, Бо-
гу, вѣрѣ
Всю пользу для себя въ словахъ твоихъ
найдетъ,
А болѣе найдетъ еще въ твоемъ примѣрѣ!

XIX.

КЪ ТЕМИРѢ.

Блаженства небо мнѣ надежда отверзаетъ —
Надежда, что могу я быть любимъ тобой;
Но лучь ея, блеснувъ, тогда жь и исчезаетъ,
И горесть черною окинетъ душу мглой!
„Ахъ! если подлинно въ природѣ существуетъ
Симпатія сердецъ; то наши съединитъ
Она конечно долженствуетъ!
Другъ друга намъ судьбой назначено любить!"
Въ восторгѣ часто я, Темира, восклицаю,
И сердце томное мое
Мечтою сей одушевляю! . . .
Темира! преврати въ существенность ее —
И безызвѣстный мой удѣлъ благословляю!
Мнѣ жизнь считать добромъ, Темира, безъ тебя
Не льзя, не льзя! . . . И дни мученіемъ ужаснымъ,
И даромъ бѣдственнымъ, нещастнымъ.
Я буду находить всечасно для себя!

*

Когда ты въ первый разъ съ улыбкою прелестной
Взглянула на меня: мгновенно ощутилъ

Я въ сердцѣ огнь небесной,
И жребій мой тебѣ въ молчаніи вручилъ!
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ ты обитаешь
Съ владычествомъ въ душѣ моей;
Всѣ мысли, чувства всѣ, весь разумъ занимаешь;
Все щастье зрю мое въ одной любви твоей!

*

Я былъ по случаю свидѣтель,
Сколь сердцу твоему любезна добродѣтель!
Съ какою нѣжностью лила
Ты въ грудь болѣзненну отрады, утѣшенье!
Ты Ангеломъ тогда, не смертною была!
Я видѣлъ вкругъ тебя восторгъ и умиленье!
И время случая сего
Не приведетъ въ забвенье
До гроба моего!

*

Пусть самый злой тиранъ, съ жестокостью своею,
Въ той, кто мила ему, увидитъ хотя разъ
Сію любовь къ добру — и вѣрно въ тотъ же часъ
Полюбитъ онъ добро; захочетъ вмѣстѣ съ нею
Нещастныхъ утѣшать, чтобъ ей пріятнымъ быть,

Ея вниманіе, улыбку заслужить —
И сердце лютое со временемъ смягчится,
Благимъ, любезнымъ учинится!

*

Ахъ! часто стражду я душевною тоской,
И свѣтъ мнѣ кажется тогда унылъ, печаленъ, —
Пустыней страшною, гдѣ злобною судьбой
Я въ жертву горестямъ, отчаянью оставленъ:
Но только ты очамъ, прекрасная, моимъ
Предстанешь, и душа какъ солнцемъ озарится!
Съ небеснымъ образомъ твоимъ
Веселость, радость — все, все сердцу возвратится!
Темира! лишь тобою
Могу я возвращенъ себѣ и свѣту быть!...
Увы! съ душевной пустотою
Кто можетъ для себя, для свѣта съ пользой жить?

XX.

КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Въ Полуденную Россію, на письмо XXXIV (*).

Любезный юный Философъ!
Скажи, какъ могъ въ такія лѣта
Ты стать въ ряду большихъ умовъ,
И силы пріобрѣсть Атлета,
Чтобъ заслужить отъ Музъ вѣнокъ? . . .
Подобно какъ весенній токъ,
Стремишься съ юною душою,
Куда она влечетъ тебя;
Обширный смѣлою рукою
Чертишь кругъ дѣйствій для себя,
И силъ души весь блескъ являешь,
Когда, какъ выспренній Платонъ,
О человѣкѣ размышляешь;
Объ обществѣ, въ которомъ онъ
Быть можетъ щастливъ иль нещастенъ,
По мѣрѣ, сколь страстямъ подвластенъ —
Симъ бурямъ сердца — духъ его;
Когда рисуешь для него
Жан - Жака кистію прелестной
Картину нравственныхъ утѣхъ;

(*) Перваго изданія.

Той чистой роскоши небесной,
Сладчайшей для души изъ всѣхъ,
Котору умъ и вкусъ вливаютъ
Въ изящныя сердца людей,
И прелесть жизни составляютъ
Для нихъ въ юдоли скорбной сей;
Когда, какъ Франклинъ, совершенства
Моральнаго познавъ пути,
Зовешъ для нашего блаженства
Въ слѣдъ добродѣтели идти.

Цвѣти, сынъ Феба! и плодами
Трудовъ, успѣховъ богатѣй;
Плѣняй насъ прозой и стихами
И будь въ словесности Протей (*)!

(*) Желаніе мое, или лучше сказать пророчество не осталось тщетнымъ: любезный Путешественникъ, какъ извѣстно, кромѣ многихъ прекрасныхъ стиховъ, имъ написанныхъ, издалъ разнаго рода переводы и нѣсколько отличныхъ Журналовъ, также въ разныхъ родахъ.

XXI.

КЪ ЭЛЬВИРѢ.

Умремъ, Эльвира! . . . Ахъ! умремъ, мой милой другъ!
Оставимъ свѣтъ, людей, всю горесть жизни вдругъ!
Не *тамъ* ли щастье ждетъ насъ чистое, прямое?
Здѣсь имя, тѣнь его — ничто, ничто иное!
Тамъ злости, суеты, неправды, мести нѣтъ;
Тамъ страсть у всѣхъ одна, одинъ у всѣхъ предметъ:
Любить, вселять любовь, дышать любовью — вѣчно!
Здѣсь щастье и любви такъ быстро, скоротечно!
Руссо — который зналъ, что нужно для сердцъ;
Въ чемъ истина, обманъ; гдѣ скорби, наслажденья —
Руссо зоветъ меня въ небесныя селенья! . . .
Тамъ на челѣ его блистательный вѣнецъ —
Награда вѣрная надежды несомнѣнной,
Что есть безсмертіе и міръ другой, нетлѣнной,
Въ которомъ радости нетлѣнны, какъ и онъ,
Безсмертны какъ душа; гдѣ щастіе — законъ

Для чувствѣ, для сердца — сихѣ всегдашнихѣ жертвѣ и цѣли
Тиранства времени и участи земной! . . .
Когда и гдѣ найти и сохранить умѣли
Блаженство ясное страдальцы подѣ луной?
Пока живемѣ, душа заключена вѣ темницѣ,
И сердце, чувства, умѣ дѣлятѣ неволю сѣ ней!
Но смерть освободитѣ отѣ тягостныхѣ цѣпей,
И возвратитѣ душѣ, какѣ истинной царицѣ,
Надѣ чувствами, умомѣ и сердцемѣ полну власть
Творить блаженную намѣ вѣ новой жизни часть! . . .
Эльвира! тамѣ ничто — ничто не нарушаетѣ
Тѣхѣ кроткихѣ радостей, которыя сѣ тобой,
Близѣ сердца твоего душа моя вкушаетѣ! . . .
Ахѣ! вѣрь Религіи: она свѣтильникѣ твой!
Она для глазѣ твоихѣ завѣсу поднимаетѣ,
Которая отѣ глазѣ *Спинозы* сокрываетѣ
Предвѣчны таинства о нашей тамѣ судьбѣ! . . .
Иду *туда*, иду сѣ восторгомѣ при тебѣ!

XXII.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Въ то время, когда она была у объдни.

Во храмѣ Божіемъ, предъ олтаремъ святымъ
Эльвиру вижу я душевными очами.
Не суеславія ничтожный, грубый дымъ,
Куримый красотѣ опасными льстецами,
Но вѣрой чистою возженный ѳиміамъ,
Пріятный для Творца, Эльвира обоняетъ
(Кадильный ароматъ среди святыни намъ
Восторгомъ душу наполняетъ!),
И внемлетъ — не хвалы холодныхъ, скучныхъ лиръ,
Тщетѣ и гордости любезныхъ;
Но гимны голосовъ небесныхъ
Тому, Кто создалъ сей великолѣпный міръ,
Эльвира! и тебя: Кто далъ намъ сердце, душу,
Любовь и щастіе, и Кто потомъ изрекъ:
„Моихъ законовъ не нарушу;
„Послѣдуй имъ, и будь блаженнымъ, человѣкъ!"
Нигдѣ и никогда прелестнѣе, милѣе
Не представляется взоръ женщины, какъ тамъ,
Гдѣ благочестіе всѣхъ чувствъ другихъ сильнѣе

Въ ея душѣ! Тогда сама она есть храмъ,
Святилище всего изящнаго во нравахъ,
Великаго въ сердцахъ! . . . Невѣріе умамъ
Прилично мудрецовъ суровыхъ, а не вамъ!
И въ философіи, подобно какъ въ забавахъ,
Вы нѣжны, кротки — и для насъ
Сотворены служить примѣромъ всякой часъ!
Спинозы вашихъ чувствъ конечно не имѣли —
Илибъ невѣрію учить не захотѣли!
Эльвира! если бы въ присутствіи Того,
Чей храмъ — вселенная, и Чьими олтарями
Должны лишь быть сердца; Кто властвуетъ царями
И жребіемъ людей; съ Кѣмъ равныхъ — никого,
Я принялъ твой обѣтъ: любить — любить до гроба;
И руки и судьбу соединивъ душой,
Эльвира! мы съ тобой
Упали на колѣна оба,
Чтобы благодарить всещедраго Отца! . . .
Но ты теперь предъ Нимъ стоишь, благоговѣешь,
И молишь. . . . не о томъ, о чемъ молю Творца
Съ тѣхъ поръ, какъ сердцемъ ты, душей моей владѣешь! . . .
Но да исполнитъ Онъ желанія твои!
Его же Промыслу ввѣряю и мои.

Е 2

XXIII.

КЪ НЕЙ ЖЕ,

КОГДА ОНА БЫЛА ВЪ ТЕАТРѢ.

Вѣ то время какѣ твой умѣ, глаза, вниманье, чувства
На хитры дѣйствія обращены искуства;
Когда окружена ты множествомѣ людей;
Когда передѣ тобой, когда вѣ душѣ твоей
Повсеминутныя, различныя движенья:
Цѣль удовольствія, источникѣ наслажденья, —
Тогда, вѣ безмолвіи, одинѣ сѣ самимѣ собой,
Я занимаюся, Эльвира! лишь тобой,
Твоими мыслями и чувствами твоими;
Угадываю то, завидую тому,
Что удостоено хвалы, вниманья ими,
Что кѣ удовольствію служило твоему! —
Чего бѣ не отдалѣ я за прелесть дарованья,
Которымѣ бы твое могѣ сердце я плѣнить!
Цѣною бѣ многихѣ лѣтѣ готовѣ я былѣ купить
Тобой, душей твоей блаженство обладанья! —
Нѣтѣ, не однѣ твои наружны красоты,
Эльвира! страсть вѣ груди моей воспламенили:
Твой тихій, кроткій нравѣ, презрѣнье суеты,

Печшенье къ должности началомъ страсти
были,
И будутъ жизнію, душей ея навѣкъ! — —
Для щастія рожденъ царь міра, человѣкъ!
Но властенъ ли сей царь надъ участью своею?
Ахъ! часто рабствовать онъ осужденъ
предъ нею!
Казаться для другихъ не тѣмъ, что
есть — одно
Къ отрадѣ средство намъ природою дано.
Отрада тяжкая! . . . Не вѣрь, не вѣрь,
Эльвира!
Холодности моей! Скрываясь отъ тебя,
Скрываю въ мрачности могильной самъ
себя! . . .
И солнце красныхъ дней, и прелести всѣ міра
Тамъ только для души, для сердца моего,
Гдѣ вижу образъ твой! Но я бѣгу
его! . . .
Зачѣмъ? — не спросишь ты! . . . Я *стра-
сти* отвѣчаю:
„На урнѣ Вертера судьбу мою читаю!"
И буду равную, одну я съ нимъ имѣть,
Когда со жребіемъ: *Не мнѣ тобой владѣть,*
*Не мнѣ дѣлить съ тобой и радости и
горе* —
Эльвира! стану ядъ любви съ твоихъ очей,
Ядъ, чувствамъ сладостный, питать въ
груди моей!
Ахъ! можетъ быть другой прерветъ нить
жизни вскорѣ!

Нѣтъ нужды! жизнь — мечта, тѣнь, призракъ для того,
Кто дышетъ воздухомъ, и больше ничего;
Для каждаго — обманъ всегдашнія надежды,
До самыхъ тѣхъ минутъ, когда сомкнутся вежды
И не раскроются на здѣшнемъ свѣтѣ вновь! —
Но если бы тебѣ всесильная любовь
Хоть слабый знакъ ея мнѣ оказать внушила,
Тогда бы я упалъ къ ногамъ твоимъ — навѣкъ!
Тогда бы въ истину Эльвира превратила
Все то, что горестный страдалецъ, человѣкъ,
Блаженствомъ ложнымъ называетъ;
Чему не вѣритъ онъ — и, ахъ! чего желаетъ.

XXIV.

КЪ А. И. ПОЛЕТИКѢ.

Ah! ne l'oublions pas, à la ville, au village,
Le bonheur le plus doux est celui qu'on partage.
Delille.

Взглянулъ на юный лугъ, и сердце взвол-
новалось;
Въ воображеніи все ясно начерталось
Любезное душѣ и памяти моей
Тѣхъ милыхъ для меня и незабвенныхъ дней,
Когда мы всѣ часы, мой другъ, съ тобой
дѣлили,
И вмѣстѣ подъ твоимъ смиреннымъ кро-
вомъ жили!
Безцѣнные часы! . . . Ахъ! вспомни, нѣж-
ный другъ!
Какъ вышли въ первый разъ мы на весен-
ній лугъ;
Какъ всякой травкою, листочкомъ любо-
вались;
Какъ живо прелестьми Природы наслажда-
лись:
Съ какими чувствами климатъ щастливый (*)
твой

(*) Малороссію.

Хвалилъ я, и желалъ въ немъ вѣчно жить
съ тобой;
Какіе замки мы на воздухѣ творили;
Какіе родники блаженства находили;
Съ какимъ восторгомъ душъ спѣшили каж-
дый день
Рабуховскихъ (*) березъ и липъ въ прохлад-
ну тѣнь!
Сей Англійскій твой садъ — богатый кра-
сотою
Природы лишь одной, гдѣ все ея рукою,
Безъ поту и трудовъ людей, подобныхъ
намъ,
Къ веселью чистому доставлено глазамъ;
Гдѣ Гиршфельдъ не имѣлъ участья ника-
кова,
И гдѣ не встрѣтится вамъ бюстъ Нерона
злова (**) —
Былъ сценою для насъ пріятнѣйшихъ часовъ:
Тамъ въ сладкой тишинѣ прекрасныхъ ве-
черовъ
Друзья на зелени Китайскій нектаръ пили
Изъ рукъ Харитиныхъ; рѣзвилися, шу-
тили;
Мораль, политика входили въ разговоръ,
И въ воздухѣ гремѣлъ Софистовъ жаркой
споръ.

(*) Имя рощи его.

(**) Я видѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ садовъ бюсты Нерона, Калигулы, Агриппины и подобныхъ имъ: не знаю, можетъ ли сердце находить удовольствіе тамъ, гдѣ попадаются такіе предметы!

Вдругъ видимъ : на лугу тѣнь длинная
ложится,
Сближается — и что жь? съ улыбкою явится
Корнелій-Непотъ (*) къ намъ — безцѣн-
ный сердцу кладъ!
Какъ искренно ему изъ насъ былъ каждый
радъ!
Веселье новое нашъ кругъ одушевляло;
Смѣхъ громкій эхо тамъ за холмомъ по-
вторяло.
Нашъ Непотъ тысячу вѣстей, каррикатуръ
Роспишетъ тотчасъ намъ, и всякой разъ
Амуръ
Началомъ и концомъ его картинамъ слу-
житъ.
Мой рыцарь съ нимъ живетъ — и щастливъ,
и не тужитъ;
И кто съ товарищемъ, друзья, любезнымъ
симъ
Не будетъ жребіемъ доволенъ ввѣкъ своимъ?
Съ нимъ хижина — чертогъ, скамейка —
тронъ Моголовъ. . . .
По крайней мѣрѣ, съ нимъ ни золота, ни
троновъ
Сіянье ложное не ослѣпитъ очей
Ахъ! благомъ истиннымъ, вѣрнѣйшимъ жиз-
ни сей
Во всякой долѣ бъ я съ Дельфирой насла-
ждался,
И надъ фортуной бы отъ всей души смѣялся!

(*) Общій нашъ пріятель, которому мы дали это имя.

Но ежели любовь мой скромный въ мірѣ путь
Не краситъ розами, и ежели мнѣ въ грудь
Блаженства своего — увы! — не проливаетъ:
То дружба дни мои щастливитъ, украшаетъ.
Ея щедротамъ вновь обязанъ я тобой;
Она, мой милый, насъ и сердцемъ и душой
(Имѣю опыты) навѣкъ соединила;
Она источникомъ обильнѣйшимъ служила
Отрады сладкой мнѣ, и будетъ ввѣкъ слу-
жить,
Далеко ль, близко ль рокъ съ тобой велитъ
мнѣ жить.

Все это вспомните, разсмѣйтесь — и
вздохните,
Любезные мои! Такъ, вздохомъ принесите
Дань другу вашему, который часто вамъ
Сердечну дань сію, друзья! приноситъ самъ.

XXV.

КЪ В. А. КОЛОБОВУ.

Мелькнулъ — какъ солнце въ дни осенни —
Нашъ милый другъ (*) въ глазахъ моихъ,
И мрачныя унынья тѣни
Покрыли снова все для нихъ! —
Пять дней, не больше, проводили
Мы вмѣстѣ; но душѣ моей
Пять дней сіи наградой были
За тысячу печальныхъ дней! —
О дружество, небесный пламень,
Источникъ радостей живыхъ!
Ахъ! въ чьей груди лежитъ не камень,
Тотъ рай въ объятіяхъ твоихъ
Найдетъ — и щастьемъ насладится,
Котораго во всемъ другомъ
Обрѣсть напрасно сердце льстится!
Оно. лишь въ дружествѣ святомъ. —
Мы все припомнили, чѣмъ мило,
Любезно память намъ питатъ;
Что насъ когда-то веселило,
О чемъ. . . . я буду ввѣкъ вздыхать!
Какъ мы, мой другъ! всѣ вмѣстѣ жили
Въ палаткѣ, иль худой избѣ;
Отечеству, Царю служили;

(*) Е. С. Ю.

Упрековъ не творя судьбѣ,
Довольны малымъ быть умѣли,
Считали радостями дни,
И только лишь того *хотѣли*,
Чтобъ вѣчно такъ текли они.
Какъ въ длинны вечера музыкой
(Ты помнишь) забавлялись мы;
Или полезною наукой
Старались просвѣщать умы.
Любя Поэзію прелестну,
Мы нектаръ почерпали въ ней,
И сильну власть ея, чудесну
Мы познавали на людей.
Не разъ читая *Россіяду*,
Позабывали пищу, сонъ. . . .
„Не самъ ли нашу *Иліаду*
Писалъ богъ пѣсней — Аполлонъ?"
Въ восторгѣ душъ мы восклицали —
И чувства пламенны рѣкой
Въ словахъ несвязныхъ изливали.

Увы! жестокою судьбой
Теперь другъ съ другомъ разлученны,
Мы можемъ только вспоминать
Тѣ дни прелестные, блаженны,
Которыхъ намъ ужъ не видать!
Отъ мысли сей перо упало
Изъ рукъ моихъ — и сердце вдругъ
Въ груди моей затрепетало.

Но, можетъ быть, любезный другъ,
Когда нибудь Судьбы смягчатся,

И разлученные друзья
Навѣкъ, навѣкъ соединятся! . . .
Надеждой оживляюсь я. — —
Припамятуй о сихъ прекрасныхъ,
Мой другъ, стихахъ изъ *Аонидъ*:
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны:
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира,
Жить будетъ съ милою семьей.

XXVI.

Къ достопочтенному сосѣду,

ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЖЕРЕБЦОВУ,

Когда бичь страшный нашихъ дней,
Ниспосланный на землю Богомъ —
Чтобъ въ жребіи правдиво-строгомъ
Смирить надменный духъ страстей,
Противныхъ Небу, щастью вредныхъ,
Въ своемъ успѣхѣ самомъ бѣдныхъ;
Когда Аттила и Неронъ,
Воскресшіе въ лицѣ ужасномъ
(Но больше міру не опасномъ),
Подъ именемъ: *Наполеонъ*;
Когда сей, словомъ, извергъ злобы,
Исшедшій ада изъ утробы,
Убійственной рукой своей
Разсѣялъ кровныхъ и друзей
По отческой странѣ обширной,
Лишивъ обители ихъ мирной
И чуждыми заставивъ быть
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили и родились,
Дѣтьми своими веселились;
Гдѣ вѣкъ надѣялись дожить
Въ спокойной, щастливой судьбинѣ,
И гдѣ холодный пепелъ нынѣ:
Тогда нечаянно со мной,

Къ отрадѣ сладкой мнѣ, въ сосѣдствѣ
Почтенный благодѣтель мой,
Нужнѣйшій намъ всѣхъ прочихъ — въ
дѣтствѣ.

Открыть съ началомъ жизни путь
Для насъ по склонностямъ врожденнымъ,
Есть — Прометеевъ огнь вдохнуть
Къ успѣхамъ въ свѣтѣ вожделѣннымъ;
Есть лучшее изъ лучшихъ благъ
Намъ въ мірѣ семъ, гдѣ первый шагъ
Рѣшаетъ участь нашу темну —
И мы по тернамъ, иль цвѣтамъ
Проходимъ нравственно вселенну. . . .
Я опытомъ извѣдалъ самъ
Сего закона непреложность:
Ты подалъ къ щастью мнѣ возможность,
Открывъ съ началомъ жизни путь
По склонностямъ моимъ врожденнымъ;
И ежели не могъ вдохнуть
Огня къ успѣхамъ вожделѣннымъ;
То скудный даръ тому виной
Природы - мачихи скупой!
Но благодарностью хранимый,
Пылаетъ огнь неугасимый
Въ груди моей, какъ ѳиміамъ
На олтарѣ передъ святыней:
Душа моя есть вѣчный храмъ,
Гдѣ съ Добродѣтелью - богиней
Сліянъ почтенный образъ твой,
Сосѣдъ, Благотворитель мой!

Но мой ли только? — И недавно
Подобный подвигъ ты свершилъ:
Какъ для меня, отцомъ ты былъ,
Для юноши, и пекся равно
О щастьи вѣрномъ для него.
Благодѣянья твоего
Я бывъ посредникомъ, дивился
Двумъ случаямъ, столь сходнымъ симъ;
Мечталъ, что въ юношѣ родился
Я снова сыномъ быть твоимъ. . . .
И быть имъ въ сердцѣ не престану,
Доколѣ чувствомъ не увяну
И не сойду въ могильный сводъ!
А ты вкушай сладчайшій плодъ
Твоихъ святыхъ благотвореній!
Да сохранитъ тебя твой Геній
Среди житейскихъ частыхъ бурь
Спокойнымъ, здравымъ, невредимымъ!
И солнце благъ незаходимымъ
Да жизни твоея лазурь
На гарнизонтѣ ввѣкъ сіяетъ
И слѣдъ твои къ небу озаряетъ!

XXVII.

КЪ ТОНЧІЮ.

Сосѣдъ, любимецъ Музъ и Грацій,
Воспѣтый славнымъ другомъ ихъ (*);
Апеллъ, которому *Горацій*
Принесъ на звукахъ струнъ златыхъ
Дань благодарности нетлѣнной
За образъ свой, одушевленной
Безсмертной кистью на холстѣ!
Привѣтствую тебя стихами!
И въ сладостной своей мечтѣ
Дерзаю стать въ ряду съ пѣвцами,
Достойными тебя, сосѣдъ,
Который самъ большой Поэтъ!

Но ты и Философъ любезной;
Премудрости знакомъ ты съ *бездной*,
Съ ученой древностью сѣдой
И съ новомодными умами;
Играешь мыслями, словами
Съ щастливой легкостью порой;
Въ чемъ хочешь, каждаго увѣришь
Всесильной Логикой своей;
Мгновенно область всю измѣришь

(*) Г. Р. Державинымъ, котораго уже оплакали онѣ, вмѣстѣ со всѣми почитателями сего безсмертнаго Поэта.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Тончайшихъ, выспреннихъ идей,
И на ладонѣ весь представишь
Метафизическій намъ міръ, —
Благоговѣть предъ нимъ заставишь;
Велишь парить съ собой въ эѳиръ,
И взоръ души туда направить,
Гдѣ истину укажешь ей,
Безъ ослѣпительныхъ лучей,
Но въ наготѣ — однимъ прелестной,
И непріятной для другихъ —
И жить съ богинею небесной
Вселишь желаніе въ благихъ!
Всесокрушающему (*) Канту,
Сему Натуры Корибанту,
Перчатку бросивъ иногда
(Твоя невинная забава),
Восторжествуешь ты всегда —
И честь тебѣ, сосѣдъ, и слава!

Но вопрошу тебя, сосѣдъ:
Когда-нибудь имѣлъ ли свѣтъ
Такое множество, какъ нынѣ,
Философическихъ задачь
О недовѣдомой *судьбинѣ*
Людскихъ успѣховъ, неудачь
На всемъ земномъ шару извѣстномъ
И времени въ кругу столь тѣсномъ?
Тогда какъ для подобныхъ дѣлъ
Столѣтій нуженъ былъ предѣлъ

(*) Эпитетъ, данный ему *Іудейскимъ Сократомъ*, Мендельзономъ, по увѣдомленію *Рускаго Путешественника* въ его письмахъ изъ Берлина.

И уголокъ одинъ въ подлунной;
Тогда какъ вѣкъ ученой, умной —
Гораздо болѣе вѣковъ
Перикла, Августа, всѣхъ бывшихъ —
Грозилъ позоромъ намъ оковъ,
Для варваровъ стыдомъ служившихъ!
Какой противорѣчій духъ!
И всё творятъ *Китайски тѣни* (*)! . . .
Но гдѣ раздоровъ адскихъ другъ,
И гдѣ *волшебны бюллетени*? . . .
Другъ мира, истины, добра
На нихъ возсдвигнулъ *вся благая!* —
Всему есть очередь, пора!

Скажу, Посланье заключая,
И къ оправданью сихъ стиховъ,
Что всѣмъ системамъ мудрецовъ
Я *Оптимизмъ* предпочитаю:
Ты сталъ *по случаю* моимъ
Сосѣдомъ близкимъ, дорогимъ —
И Музъ къ себѣ я призываю,
И имъ работу задаю,
И хоть не складно, да *пою*.

(**) Такъ называетъ г. Тончи людей, въ отношеніи къ ихъ тѣлесному состоянію.

XXVIII.

КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ

НА НОВОСЕЛЬЕ.

Вхожу въ твой новый домъ съ пустыми я
рунами,
Но съ полнымъ сердцемъ и душой
Желаній искреннихъ, чтобъ твердо Небесами
Хранимы были ввѣкъ здоровье и покой
Хозяина подъ кровомъ мирнымъ;
Чтобъ украшался онъ
Любовью, дружбою; чтобъ Музы, Аполлонъ
Вновь поселилися съ тобой, и звукомъ лир-
нымъ
Манили бы со всѣхъ сторонъ
Къ тебѣ, по прежнему, своихъ питомцовъ
милыхъ;
Чтобъ съ ними и съ самимъ собой
Не вѣдалъ ты отнюдь дней пасмурныхъ,
унылыхъ;
Чтобъ, словомъ, былъ своей доволенъ ты
судьбой,
И наконецъ свершилъ столь общее желанье,
Пріятное для всѣхъ исполнилъ обѣщанье,
Которымъ, нѣкогда польстивъ намъ, измѣ-
нилъ! . . .
Но я, какъ гражданинъ, нимало не жалѣю,

И выгодамъ Царя, Отечества радѣю:
Отечеству, Царю ты съ вѣрностью служилъ! . . .
Но время, чтобы *нашъ* ты навсегда ужъ былъ.
И я къ почтенному, желанному сосѣду
Не рѣдко буду приходить
Для чувства и ума въ полезную бесѣду,
И пищу въ ней душѣ и мыслямъ находить.
Учиться никогда не поздно!
Вся наша жизнь не что, какъ школа, гдѣ судьбы
Взоръ обращенъ на насъ то съ ласкою, то грозно,
И всякой день беремъ ея уроки мы.
Я буду для себя другіе брать уроки
Въ сообществѣ твоемъ. Тамъ вѣрный, тонкій вкусъ,
Идеи и слова игривы и высоки —
Хотя послѣднія не кончатся на *усъ* —
Для прозы и стиховъ мнѣ будутъ вновь компасомъ,
Который велъ меня чрезъ бездны по волнамъ
Къ незримымъ мной еще странамъ,
Когда на челнокѣ сближался я съ Парнассомъ;
Когда подъ вѣяньемъ прелестнѣйшихъ надеждъ
Стремился ко брегамъ цвѣтущимъ Иппокрены,
Не думая о томъ, что гордыхъ злость невѣждъ

Откроетъ предо мной прискорбнѣйшія сцены,
Что вмѣсто критики найду я только
брань —
Ума заблудшаго корысти ниску дань —
И вмѣсто шутокъ благородныхъ
Пасквили плоскіе въ стихахъ, *пѣвцамъ*
несродныхъ!
Въ твоемъ кругу такихъ *твореній* никогда
Я видѣть, къ щастію, не буду,
И, можешъ статься, навсегда
О нихъ, какъ о ночныхъ фантомахъ, по-
забуду;
Но въ сферѣ истинныхъ талантовъ ощу-
щать
Начну ихъ дѣйствіе благое,
И духъ мой ими насыщать,
И чувствовать свое существованье вдвое.
Тибуллъ и Лафонтенъ,
Попеременно даръ восторга сообщая,
Мнѣ приведутъ на мысль вѣкъ славныхъ
тѣхъ временъ,
Когда плѣняла свѣтъ ихъ лира золотая. —
Одинъ пріятный день дороже, чѣмъ весь годъ,
И смѣхъ — сокровище скучавшимъ жизни
драмой!
Не рѣдко острою, забавной эпиграммой
Развелюсь — хотя бъ на собственный свой
счетъ.
И кто изъ насъ въ себѣ смѣшнаго не
имѣетъ?
Кто совершенствами со всѣхъ сторонъ
владѣетъ?

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно —
Умнѣйшимъ сказано Поэтомъ,
Врагомъ сатиры злой, — и я согласенъ въ этомъ;
Но въ самолюбіи насъ должно пощадить, —
Для стрѣлъ Аттическихъ искуснымъ Грекомъ быть!
Но наши грубые, безъ вкуса *Силлографы*
Не слѣдуютъ тебѣ, — и все для нихъ предметъ
Насмѣшекъ площадныхъ: Гомеры, Стерны, Сафы —
Спасенья никому и въ царствѣ мертвыхъ нѣтъ!

Въ саду твоемъ съ тобой я буду Эпикуромъ,
По наслажденію роскошному души;
Приду подчасъ гулять съ женою и Амуромъ. . .
Всѣ будутъ для меня минуты хороши
Въ твоей обители прекрасной!
Но всѣ ихъ описать — трудъ былъ бы мой напрасной:
Онъ выше силъ моихъ!
Другіе скажутъ *все* тебѣ въ стихахъ своихъ,
И лучше моего: Поэта новоселье —
Музъ праздникъ, пиршество, веселье!

XXIX.

КЪ Б* К* Б***,

крестному отцу моей дочери.

Вотъ новый сердца долгъ, пріятный и священный —
Долгъ сердца моего — благодарить тебя,
Другъ истинный, нелицемѣрный,
Путь добродѣтели избравшій для себя
И вѣрною стопой по немъ всегда идущій,
Безъ уклоненія къ приманчивымъ страстямъ;
Душевной чистоты надежный щитъ несущій
Рукою твердою — да смертоносны намъ
Ихъ стрѣлы мѣткія въ обломкахъ отразятся!
Сто опытовъ явивъ любви своей къ отцу,
Судьбою дочери желаешь ты заняться!
Желаешь дать отчетъ Всевышнему Творцу
И въ чувствахъ и въ дѣлахъ тобою воспріятой
Отъ сей таинственной купели, гдѣ омытъ
Грѣхами человѣкъ объятой,
И жребій гдѣ его блаженнѣйшій сокрытъ!
Такъ! вѣры истинной святые чтя уставы,
Ты дочери моей въ грудь юную вливать
Ученіемъ своимъ благіе будешь нравы
И добродѣтели примѣры подавать.

Ты къ дѣтямъ собственнымъ дитя мое
причислишь,
Усыновить, мой другъ, его
Во глубинѣ души, внутрь сердца своего.
Ахъ! ты не такъ, какъ *всѣ*, и чувству-
ешь и мыслишь!
За то не всѣ, какъ ты, и щастливы — собой,
Своею совѣстью, и сердцемъ и душой.
Они источники благъ временныхъ и вѣчныхъ
Для озареннаго Религіей ума!
Другіе суть мечта дней бренныхъ, скоро-
течныхъ,
Суть идолы умовъ, которыхъ знанья — тьма,
Надежды — призракъ, цѣль — ничтоже-
ство могилы;
Которымъ выгоды лишь собственныя милы!
Но ты всего скорѣй забудешь о своихъ,
Когда для ближняго твои услуги нужны;
Не вѣсишь на безмѣнъ и не считаешь ихъ;
Не тщетныя слова и виды не наружны,
Но дѣйствія: — вотъ твой въ семъ слу-
чаѣ девизъ!
Моимъ же есть, была и будетъ благодарность:
Одно, что мнѣ въ удѣлъ фортуны далъ
капризъ;
Чѣмъ я могу платить . . . прочь, фразъ
высокопарность! . . .
Я просто говорю: чѣмъ я могу платить
За все, безцѣнный другъ, тобою
Содѣланное мнѣ! . . . Могу еще любить,
Какъ любишь ты: со всей душою!
Такая лишь любовь достойна есть тебя!

Но еслибъ милостей достоинъ былъ небесныхъ
Твой вѣрный другъ; то онъ желалъ бы для себя
На остальной свой вѣкъ завидныхъ дней, прелестныхъ:
Патріархальнаго близъ крова твоего
Жить подъ своимъ смиреннымъ кровомъ.
О какъ бы щастіе украсило его!
И сколько бъ я нашелъ въ существованьи новомъ
Источниковъ утѣхъ, донынѣ вовсе мнѣ,
Душѣ моей, уму и сердцу не знакомыхъ!
Тамъ въ мирной, радостной, полезной тишинѣ,
Напрасно въ обществѣ искомыхъ,
Обрѣлъ бы множество я вѣрныхъ средствъ къ тому,
Чтобы образовать по плану своему
Созданье милое, сей цвѣтъ въ моральномъ мірѣ,
Краса творенья и вѣнецъ, —
Назначенный Творцемъ для щастія сердецъ,
Нѣтъ нужды, въ рубищѣль возникнетъ, иль порфирѣ! . .
Но лучшей выгодой для дочери моей
Твоя бесѣда бы служила;
Она конечно-бъ ей
Жан-Жаковъ, Локковъ замѣнила!

XXX.

КЪ МОЕЙ ПОДРУГѢ.

Тебѣ одной стихи писать
Еще не скоро перестану;
Пока душею не увяну,
Все будешь мило мнѣ сказать
Простыми, легкими стихами
И не отборными словами,
Но ясными, какъ образъ твой;
Сказать, что въ сердцѣ происходитъ;
Гдѣ радость, грусть оно находитъ;
Ввѣрять его тебѣ одной!

Извѣстно, что для Музъ и Грацій
Питомцевъ ихъ скучна зима;
Что съ нею блекнетъ цвѣтъ ума;
Что самъ Виргилій и Горацій,
Овидъ, Корнель, Руссо (*), Вольтеръ
Въ брань были заводимы *Крономъ*
Съ миролюбивымъ Аполлономъ:
Какой урокъ, какой примѣръ!
„Умѣй, поэтъ, остановиться!"
Поэтъ же нѣкогда сказалъ:
„Судьбѣ всеобщей покориться,
Когда ты даръ свой уважалъ:

(*) Поэтъ.

Онъ *былъ*, онъ *есть* пріятенъ, славенъ,
Но *будетъ* скученъ, сухъ, не нравенъ. . . .
Ахъ! времени таковъ уставъ!"
Наставникъ мой конечно правъ.

Все сносно лѣтъ во цвѣтѣ, силѣ:
Безсонница, насмѣшка, стыдъ.
Мнѣ Голіаѳъ предсталъ въ Зоилѣ:
Иду сразиться, какъ Давыдъ.
Нѣтъ нужды, что не мнѣ побѣда
Вручила лестный свой вѣнокъ:
Я также веселъ у сосѣда,
Какъ будто Пиндаръ я, Клопштокъ.
Но въ лѣтахъ опытовъ, разсудка
Покой, покой всего милѣй!
Шумъ славы — Франклинова дудка (*),
Гремушка пожилыхъ дѣтей.
А быть дитятей съ сѣдиною
Куда какъ горестно душѣ!
Хочу имѣть лишь хлѣбъ съ водою
И жить безвѣстно въ шалашѣ,
Чѣмъ *вѣкъ* платить цѣной покоя
За слово похвалы (не стоя,
Легко быть можетъ, и того!),
Тогда какъ пять другихъ его
Безжалостно опровергаютъ
И часто вмигъ уничтожаютъ!
Вѣкъ строитъ башни на пескѣ!
За часъ утѣхъ быть день въ тоскѣ!
Нѣтъ, нѣтъ! я болѣ не плѣняюсь

(*) Извѣстное сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Франклинова дудка.*

Терновымъ поприщемъ пѣвцовъ;
Смиренно, тихо удаляюсь
Отъ Аполлоновыхъ борцовъ
И, общу дань платя Природѣ,
Не стану, на примѣръ искать
Вѣнка въ холодной драмѣ, одѣ;
Но стану иногда писать —
Ни Музъ, ни Грацій не тревожа —
Посланье скромное къ тебѣ
(На Музъ и Грацій ты похожа:
Тебя звать буду я къ себѣ).
Всѣ тайны сердца предъ тобою
Открою съ чистою душою;
Ты будешь безпристранный ихъ
Во всемъ, всегда судья, свидѣтель;
И если благость, добродѣтель
Найдешь любезными для нихъ;
То знай, что чувствами моими,
Не тщетными дарами сими —
О другъ безцѣнной, милой мой!
Я одолженъ тебѣ одной.

Такъ всѣмъ умомъ своимъ, стихами
Проперцій одолженъ любви. —
Она теряетъ власть надъ нами
Съ послѣдней искрою въ крови!

XXXI.

КЪ К* Д* Д* Ц — ву,

ПОДАРИВШЕМУ МЕНЯ СОЧИНЕНІЯМИ Г — НА БАТЮШКОВА.

Соперникъ Прометея,
Дающій жизнь съ душой
Волшебною рукой
Холстинѣ, печатлѣя
На ней мои черты,
Желанныя Алиной (*);
Или Природы дивной
Отличны красоты;
Знатокъ во всѣхъ искуствахъ,
И — что еще важнѣй —
Знатокъ въ изящныхъ чувствахъ
Съ талантами людей;
Судья неподкупимый
И другъ твореній ихъ,
И Музами любимый
Отъ юныхъ лѣтъ своихъ;
Но скромности примѣрной,
Законамъ строгимъ вѣрной,
Таящій ласки сихъ

(*) К. Ц., превосходно рисующій, имѣлъ снисхожденіе написать мой портретъ для жены моей.

Богинь, не тароватыхъ
На ласки — я узналъ
Изъ опытовъ богатыхъ! —
О! кто тебѣ сказалъ,
Мой утѣшитель Геній,
Что Рускаго Парни
Плѣнительныхъ твореній —
Которыя одни
Библіотеки стоятъ —
Въ моей недостаетъ? . . .
Цѣну ея удвоятъ
Прозаикъ и Поэтъ —
Сынъ щастливѣйшій Феба,
На сѣверный Парнассъ
Цвѣты другаго неба
Принесшій въ даръ для насъ;
Цвѣты съ полей прелестныхъ,
Съ веселыхъ береговъ
Гдѣ родина стиховъ,
Едва досель извѣстныхъ
Въ отечествѣ зимы, —
И сладкимъ звукамъ мы
Внимаемъ лиры новой;
Гармоніей ея,
Сынъ Бальтики суровой,
Разнѣженъ въ чувствахъ я; —
Бесѣдую съ пѣвцами
Геройства и любви —
Огонь въ моей крови;
И, кажется, очами
Взираю я на нихъ,
И слышу голосъ ихъ

На языкѣ мнѣ миломъ —
На языкѣ отцовъ.
„Почто такихъ пѣвцовъ" —
Я говорю въ уныломъ
Раздумьи самъ себѣ —
„У насъ столь мало было,
Когда меня плѣнило
Служеніе тебѣ,
О богъ стиховъ и прозы! . . .
Но сыну моему
Твои готовы розы —
Завидую ему!"

А ты, мой добрый Геній!
Прими благодареній
Чистѣйшій ѳиміамъ:
Онъ сердцемъ и душою
Возженъ передъ тобою
И не угаснетъ тамъ!

СМѢСЬ.

СТИХИ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Цари благіе, образъ Бога,
Державѣ, скиптру блескъ даютъ,
И щастье съ трона, изъ чертога
На всѣхъ неутомимо льютъ:
Такъ небо вѣчны посылаетъ
Дары свои природѣ всей —
И Фебъ равно для всѣхъ сіяетъ
Въ величіи злашыхъ лучей.

*

Но что сравниться можетъ въ мірѣ,
Когда съ цвѣтущей красотой
Мы добродѣтель зримъ въ порфирѣ?
Когда прелестною рукой
Отерты слезы сокрушенья
И горесть сердца отнята?
Когда намъ чувство сожалѣнья
Вѣщаютъ Ангельски уста?

*

Когда Царица пол-вселенной
Желаетъ лишь однихъ сердецъ?
Когда любовью откровенной
Во всѣхъ дѣлахъ Своихъ вѣнецъ
Преданности, благодаренья
Стяжаетъ каждый въ жизни часъ?
Когда восторга, умиленья
Несется къ Ней отвсюду гласъ?

*

Когда таланты и познанья
Санъ Царскій возвышая въ Ней,
Вливаютъ жаръ соревнованья
Въ грудь окружающихъ людей
Царицу скромную, младую?
Когда средь пышности Двора
Она проводитъ жизнь простую
Въ утѣхахъ книги и пера?

*

Когда художества, искуства
Она подъ кровъ пріемлетъ Свой?
Когда Поэзія и чувства
Смѣшеньемъ истины съ игрой
Царицы разумъ занимаютъ?
Когда съ Владычицей моей
Въ бесѣдѣ Граціи бываютъ,
Подобно какъ съ сестрой своей? . . .

*

Но я дерзнулъ, не бывъ Апелломъ,
Изобразить Твои черты!
Вина въ моемъ поступкѣ смѣломъ —
Скажу ль? — Сама, Царица! Ты:
Взыскавъ меня Своей щедротой
Въ странѣ, гдѣ я отъ злыхъ враговъ
Терпѣлъ, какъ гражданинъ, съ охотой....
Царица! дань прими стиховъ!

СТИХИ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАМЕНСКОМУ.

Оставя бранной славы путь,
Ты лучшей славы путь проходишь:
Нещастныхъ, горестныхъ находишь,
И льешь отраду въ скорбну грудь!
Ихъ слезы, въ перлы обращенны
Благодѣяніемъ твоимъ,
Творятъ тебѣ вѣнецъ нетлѣнный!
Мужъ благости! красуйся имъ!
Въ вѣнцахъ лавровыхъ и Аттилы
Сіяютъ — къ ужасу людей!
За то навѣки сихъ бичей
Скрываютъ мрачныя могилы!

*

Но истинный, какъ ты, Герой,
Есть человѣчества другъ нѣжный!
И жребій общій, неизбѣжный
Своей всемощною рукой
Не прекратитъ его дней въ мірѣ:
Добра герою — храмъ сердца!
Гимнъ вѣчный — на нельстивой лирѣ

Добромъ плѣненнаго пѣвца!
Каменскій! для тебя готовы
Сей храмъ и лира и пѣвецъ!
Печальнымъ радостей творецъ,
Тебѣ любезны бѣдныхъ кровы!

*

И ты любезенъ для того,
Кто чтитъ сердечно добродѣтель! —
Заочный дѣлъ твоихъ свидѣтель,
Благодѣянья твоего
Нещастной жертвѣ злаго рока
Посредникомъ щастливымъ бывъ (*),
Гласъ слабый чувствія глубока —
Души стремительный порывъ —
Я возношу къ тебѣ, Мужъ славы
Безсмертной, какъ твои дѣла! . . .
Восторгъ мой здѣсь — не похвала! . . .
Ты любишь съ Музами забавы!

*

Прими же даръ стиховъ простой,
Какъ самъ питомецъ Музъ безвѣстной!
Ему наградой будетъ лестной
Взоръ снисходительный лишь твой!
Тебѣ должна моя *Аглая*
Благодареніемъ своимъ:

(*) Графъ Сергей Михайловичь, по увѣдомленію моему чрезъ журналъ объ одной нещастной женщинѣ, вовсе ни свѣту, ни ему не извѣстной, послалъ ей въ первый разъ сто рублей, а въ другой пять сотъ.

Ее въ изданьяхъ замѣчая,
Ты былъ Читателемъ моимъ.
Какая честь и утѣшенье
За все, что въ авторской судьбѣ
Встрѣчаемъ горькаго себѣ! . . .
Прими сей жертвы воскуренье!

ПОЭТЪ.

Ни римвы, ни размѣръ, ни красота, ни сила
Реченій и фигуръ, ни знанье правилъ всѣхъ,
Которымъ въ школѣ насъ Піитика учила
(Не рѣдко противъ Музъ на неотпускный
грѣхъ) —
Нѣтъ! способы сіи еще не составляютъ
Поэта — нѣтъ! они *единственно* бываютъ
Полезными для тѣхъ, которые своей
Поэзіи земной земныя ждутъ и пищи:
Имъ нужны дѣйствія обычныя людей,
Чтобъ кстати ихъ воспѣть; иль Музы,
въ духѣ нищи,
Стихослагателей — вотъ имя сихъ пѣвцовъ —
Безмолвствуютъ, и взоръ холодный поту-
пляютъ:
Нѣтъ *случая* — и нѣтъ для нихъ пред-
мета, словъ!
Поэтъ! твое же все! всѣ сферы состав-
ляютъ
Необозримый кругъ полета твоего —
И видимыхъ существъ міръ тѣсенъ для
него!
Поэтъ творитъ и міръ и существа иныя;
Возносится умомъ къ Началу всѣхъ вещей —
Туда, гдѣ вѣченъ свѣтъ, гдѣ истины нагія —
И тамъ, могуществомъ фантазіи своей,
Всѣ таинства познавъ, передаетъ ихъ долу:

Онъ зрѣлъ Вину всего, ея внималъ глаголу —
И скудный смертнаго органъ души, языкъ,
Въ устахъ твоихъ, Поэтъ! тогда боговъ
языкомъ
Бываетъ вподлинну!... Какъ важенъ онъ,
великъ
На поприщѣ твоемъ, столь важномъ, столь
великомъ!
Какой огонь тогда въ груди твоей го-
ритъ!
Подобно какъ сама Природа — не словами
Поэтъ въ восторгѣ чувствъ изящныхъ
говоритъ;
Но выражается разительно вещами!
Мы слышимъ, видимъ все, что слышалъ,
видѣлъ ты —
И вдохновенныя, Поэтъ! твои мечты
Переселяютъ насъ въ страны очарованья, —
Въ Эдемъ прапраотца (*), въ Армидины
сады (**),
Въ чертогъ Любви (***)!... О власть!
о сила дарованья!
Въ вѣкахъ временъ твои произрастутъ
плоды,
Съ ихъ первой свѣжестью, съ ихъ первыми
цвѣтами:
И вотъ безсмертіе, вотъ жизнь твоя,
Поэтъ!...

(*) Потерянный рай.

(**) Освобожденный Іерусалимъ.

(***) Генріада.

Уже ты прахомъ сталъ; но благодарный
свѣтъ
Тебѣ приноситъ дань — твоими же сти-
хами:
Онъ память о тебѣ, священную чрезъ
нихъ,
Питаетъ и хранитъ! . . . А вы, пѣвцы
юдольны,
Творимы случаемъ! вы въ пѣніяхъ своихъ
Лишь пресмыкаетесь — и тѣмъ уже до-
вольны!
Но вашъ ничтожный гласъ къ потомству
не дойдетъ,
Иль равнодушіе возмездіемъ найдетъ!

Вы скажете: Пѣвецъ живетъ съ своимъ
героемъ;
Безсмертенъ, какъ и онъ? — Конечно! если
сей
Былъ благодѣтелемъ, красою былъ людей;
Но если вашъ герой кровавымъ только боемъ,
Гдѣ пали тысячи, извѣстенъ міру сталъ;
Когда оружіемъ единственно блисталъ
И лавры пожиналъ чужими лишь руками:
То ваши пѣсни суть *реляціи въ стихахъ!* . . .
Стихи безъ вымысла не затвердятся нами (*):
Ихъ прелесть, ихъ магнитъ, ихъ рос-
кошь — въ чудесахъ

(*) Jl n'y a de bons vers que ceux qu'on relit et qu'on retient malgré soi.

Вольтеръ.

Которымъ истину, для мыслящаго свѣта,
Умѣютъ лишь придать талантъ и кисть
Поэта!

Еще въ тебѣ, Поэтъ! плѣнительны
для насъ
Картины чувствъ, страстей и мудрости
уроки.
Какъ мило намъ добро, какъ гнусны намъ
пороки,
Какъ нѣжны сердцемъ мы, иль гнѣвны
всякой разъ
По волѣ кисти сей, которая Поэту
Одной могущею Природою дана;
Которою Поэтъ жизнь каждому предмету
Въ чреду свою даетъ! — и кисть его видна
Въ простыхъ чертахъ, равно какъ въ живо-
писи полной:
На нихъ отличія лежитъ печать. — Такъ
оной
Зевксисовъ ученикъ, пришедшій посѣтить
Знакомца своего, въ жилищѣ не находитъ,
И углемъ на стѣнѣ одну черту проводитъ,
О посѣщеніи своемъ чтобъ извѣстить.
При взглядѣ на черту хозяинъ догадался,
Безъ всякаго труда, чьей знакъ руки
остался!

Но ты, Парнасскихъ странъ — скажу —
простой народъ!
Подъ пышнымъ именемъ поэмъ, траге-
дій, одъ,

Ты *мѣщанина* мнѣ *въ дворянствѣ* представляешь :
Желая важничать , смѣяться заставляешь!

Сынъ Фебовъ ! твой романсъ читаемъ, тріолетъ ,
И мыслимъ внутрь души : Поэтъ всегда Поэтъ !

ГОСТЕПРІИМСТВО.

Печать блестящая вѣковъ неозаренныхъ
Чрезъ Промешеевъ даръ, — народовъ отдаленныхъ
Отъ гордой области ума, наукъ, искуствъ;
Черта безцѣнная нелицемѣрныхъ чувствъ;
Святая, милая для сердца добродѣтель;
Либви ко ближнему божественный свидѣтель —
Гостепріимство! твой прелестный образъ намъ
Представленъ древностью въ Бавкидѣ, Филемонѣ!
У смертныхъ нѣкогда сидѣло ты на тронѣ,
Съ простертою рукой! . . . Сидишь и нынѣ — тамъ,
Гдѣ время сильное людей не измѣнило
Ни въ нравахъ, ни въ судьбѣ! Не много сихъ людей;
Но между ними ты все свойство сохранило
Сей чистой благости, услуги нѣжной сей;
Вниманья и заботъ, для странника готовыхъ,
И угожденій сихъ, и ласкъ всечасно новыхъ,
Которыми пришлецъ подъ кровомъ у тебя
Находитъ радостнымъ и щастливымъ себя! —

Гостепріимство! ты лишь именемъ, лишь
тѣнью
Присутствуешь у насъ — за чѣмъ? чтобъ
призракъ твой,
Чтобъ твой языкъ, въ устахъ холодныхъ
звукъ пустой,
Уподоблялися подчасъ благотворенью! . . .
Такъ чуждо нынѣ ты, гостепріимство,
намъ!
И мы тебя въ своихъ поступкахъ оскор-
бляемъ,
Когда священный твой характеръ прини-
маемъ! . .
Не въ нашихъ обществахъ, гдѣ ложно все,
твой храмъ —
Нѣтъ! нѣтъ! тщеславіе и суетность съ
тобою
Не могутъ вмѣстѣ быть — ты убѣгаешь ихъ;
Но другомъ бывъ сердецъ безхитростныхъ,
простыхъ,
Жилища скромнаго лишь служишь ты
красою!

ГИМНЫ.

I.

ГИМНЪ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЮ,

пѣтый въ день годичнаго торжества въ Странноприимномъ Домѣ

ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА.

23 Февраля 1819 года.

Образъ благости небесной,
Воспріятый смертнымъ вновь;
Чувства перло, даръ прелестной —
Къ человѣчеству любовь!

Ты явилась, и страдалецъ
Улыбнулся на земли;
Сирота, вдовица, старецъ
Пристань мирну обрѣли!

Радость кроткая встрѣчаетъ
Твой таинственный обѣтъ;
Умиленье лобызаетъ
Благодѣтельный твой слѣдъ.

Ты златишь пути тернисты
Вопреки самой судьбѣ. — —
Здѣсь твой храмъ, здѣсь жертвы чисты
Воскуряются тебѣ.

Здѣсь блаженство созидаетъ
Юныхъ дѣвъ твой Геній вновь;
Здѣсь щедроты разливаетъ
Къ человѣчеству любовь.

Щастливъ другъ тоски и стона,
Чтущій сердцемъ твой законъ! . . .
Щастливъ! . . . Тамъ, у горня трона,
Мзду — вѣнецъ — пріиметъ онъ.

II.

ГИМНЪ СМИРЕНІЮ.

О ты, другъ вѣрный тихихъ дней
И щастья кроткаго содѣтель,
Узда губительныхъ страстей,
Безмолвный нашихъ жертвъ свидѣтель,
Изящныхъ чувствъ краса, вѣнецъ,
Души благое умиленье,
Сокровище простыхъ сердецъ —
Святое, нѣжное смиренье!
Ты проповѣдано Самимъ
Небеснаго Владыки Сыномъ —
Въ дѣяніяхъ, свершенныхъ Имъ!
Въ тебѣ, въ тебѣ уже единомъ
Его Божественность мы зримъ!
Владыкою всесильнымъ міра,
Отцу подобно, бывши Самъ,
Средь яслей первый лучь эѳира
Пріялъ младенческимъ очамъ!
Терпѣлъ хулы, сносилъ гоненье,
И смерть преступника вкусилъ! . . .
Какой примѣръ тебѣ, смиренье!
Блаженъ, кто въ грудь свою излилъ
Твой бальзамъ, сердцу благотворный
Противу тяжкихъ оныхъ ранъ,
Которыя, страстямъ покорный,
Ему наноситъ свѣтъ - тиранъ!

О будь мнѣ паче огражденьемъ
Отъ слабости души моей,
Когда, водимый гнѣвомъ, мщеньемъ,
Дамъ гордости всю власть надъ ней!
И люди сильные въ то время
Безсильны будутъ для вреда!
Съ тобой снесу все жизни бремя;
Роптать не стану никогда;
Прощу врагамъ, мнѣ зла хотящимъ,
И научуся ихъ любить;
Прощу врагамъ, мнѣ зло творящимъ,
И буду имъ добро творить!

III.

ГИМНЪ КРАСОТѢ.

Царица взоровъ и сердецъ,
Предметъ всегдашній удивленья,
Любви, восторговъ, поклоненья,
Начало страсти и конецъ —
О красота, богиня міра!
Предстанешь, и златая лира
Тебѣ хвалою возгремитъ,
И кисть холстину оживитъ,
Рѣзецъ въ холодный мраморъ чувство,
Огонь и душу водворитъ!
Тебѣ Природа и искуство
Своимъ обязаны вѣнцомъ!
Лапландцы, Кафры, Патагоны
Чтутъ сладостны твои законы:
Велишь, и лютый врагъ съ врагомъ
Какъ съ братомъ братъ въ союзѣ будетъ;
Польстишь улыбкой, и забудетъ
Нещастливый о рокѣ зломъ,
Мудрецъ о строгости, и воинъ
О лаврѣ Марсовыхъ полей!...
Какъ щастливъ тотъ, кто удостоинъ
Улыбки, Красота, твоей!...
Блажу тебя, богиня міра,
Царица взоровъ и сердецъ!

Въ тебѣ намъ съ горняго эѳира
Свой образъ ниспослалъ Творецъ!
На западъ дней моихъ безвѣстныхъ
Ты сыплешь розы юныхъ лѣтъ;
Съ тобой, въ мечтахъ души прелестныхъ,
Еще люблю и жизнь и свѣтъ!

IV.

ГИМНЪ ЛѢНОСТИ.

О лѣность милая! хочу тебя хвалить:
Ты миръ въ душѣ моей одна возстановила;
Съ тобой и въ старости надѣюсь щастливъ быть;
Ты дни мои лучемъ чистѣйшимъ озарила!
Ахъ! изъ какихъ заботъ, ошибокъ и суетъ
Выводишь ты того, тебѣ кто предается!
Съ любовью къ тишинѣ обмановъ горькихъ нѣтъ!
Тобой спокойствіе какъ бальзамъ въ душу льется.
Ты въ сердце между бурь вселяешь сладкій миръ;
Безумнѣйшихъ отрастей волненья укращаешь,
И до презрѣнія блистательныхъ порфиръ,
Богатства, почестей духъ часто возвышаешь! —
Желаній суетныхъ ничто не насытитъ,
И быстрый ихъ полетъ отнюдь границъ не знаетъ;
Душа, которую тщеславіе томитъ,
Среди утѣхъ своихъ утѣхи не вкушаетъ.

Хочу къ богинѣ сей любовь вовѣкъ пи-
питать:
Она сердечныя движенья умѣряетъ;
И лѣности дары хочу предпочитать
Дарамъ, которые намъ гордость предла-
гаетъ.

СТИХИ

на годичное торжество въ Странноприімномъ Домѣ Графа Шереметева.

Не Царскіе ль я зрю блестящіе чертоги,
И не гордынѣ ль дань несутъ сюда къ стопамъ? . . .
Нѣтъ! здѣсь покоятся болящіе, убоги!
Здѣсь добродѣтели, благотворенья храмъ!
И нынѣ . . . *торжество* ихъ въ храмѣ семъ нетлѣнномъ! —
Святое торжество! . . . и, въ сердцѣ умиленномъ,
Я чувствую, среди толпящихся людей,
Присутствіе Того, Кто показалъ примѣры
Любви ко ближнему — и твердой, сладкой вѣры,
Что тамъ есть Судія и общій всѣмъ Отецъ;
Что есть возмездіе для добраго вѣнецъ,
Для злаго совѣсти всечасные упреки;
Что есть за гробомъ жизнь на безконечны вѣки!

И се въ святилище Евангельскихъ щедротъ
Съ благоговѣніемъ вступая,
И мысли жребіемъ взыскуемыхъ сиротъ,
Ихъ Благодѣтелемъ безсмертнымъ занимая,

Какое зрѣлище вдругъ вижу предъ собой!...
Рядъ милыхъ, юныхъ дѣвъ, съ поникшею
главой;
Предъ ними урна роковая:
Въ ней скрыта ихъ судьба благая,
Надежды, радости! — Трепещущей рукой,
Съ румянцемъ на щекахъ, *невѣста* извле-
каетъ
Даръ милосердія. . . . И зритель раздѣляетъ
И щастье и восторгъ ея,
Съ ней въ равной степени! — А тамъ,
вдали, семья
И — можетъ быть — женихъ твой, дѣва,
нарѣченной
Встрѣчаютъ каждый взглядъ любезныхъ
имъ очей
Съ волненіемъ въ груди, слезами окро-
пленной! . . .
Безмолвны ихъ уста; но пламенной душей
Они благословляютъ —
Незримаго творца отрадныхъ дней своихъ,
И взоры къ небесамъ, обители благихъ,
Жилищу днесь его, стократно обращаютъ!
Быть можетъ, дни твои увялибъ какъ
цвѣтокъ
Въ пустынѣ дикой, неизвѣстной;
И жизни вѣкъ златой, прелестной
Промчался бы какъ мутный токъ,
И одиночество печальное удѣломъ
Готовилось тебѣ! . . . Ахъ! друга въ мірѣ
цѣломъ,
Быть можетъ, ты бы не нашла!...

Но милосердіе нашло тебя: отнынѣ
Грусть тайныхъ думъ и чувствъ не омрачитъ чела
И сердца твоего; о щастливой судьбинѣ
Уже мечтаешь ты. . . . и щастіе съ тобой!

*

Сыны фортуны! вотъ примѣръ для васъ святой
Ея даровъ употребленья! . . .
Пусть время истребитъ сей храмъ благотворенья;
Но память о его зиждителѣ въ вѣкахъ,
Подобно истинѣ живой на небесахъ,
Къ отрадѣ смертныхъ сохранится,
И *торжество* средь нихъ его не прекратится! —
Все гибнетъ подъ луной: таланты, слава, честь;
Для добродѣтелей всегда потомство есть!

СТИХИ

на поднесеніе Папѣ твореній Н. М. Карамзина въ переводѣ на Италіянскій языкъ г.-мъ Четти.

Что значитъ яростный свистъ зависти-змѣи
Предъ истиннымъ талантомъ, превосходнымъ!
Онъ мститъ молчаніемъ, ему лишь только сроднымъ,
И памяти во храмъ творенія свои
Въ безмолвіи несетъ — рукою Славы!
Такъ днесь подъ громами дѣлъ Россійской Державы
Ея Писатель, вслѣдъ безсмертія сынамъ,
Въ единый съ нею входитъ храмъ!

КЪ Б* К* Б***.

На рожденіе сына.

Что есть пророчество? поэзія души,
Сильнѣйшимъ чувствомъ вдохновенной,
И къ таинствамъ небесъ симъ чувствомъ
пріобщенной.
Какъ всѣ черты ея любезны, хороши
Въ картинѣ щастія, которую представитъ
Она устами сихъ Оракуловъ - людей —
Красы, врученныхъ имъ талантомъ, олтарей! —
И вѣрить щастію заставитъ.
Такъ! вѣрь ему, когда я предскажу тебѣ,
Лучемъ пророчества на - время озаренной,
Что первый плодъ любви священной
Взроститъ и кончитъ вѣкъ въ щастливѣйшей судьбѣ!
Ты, съ матерью его, и сердцемъ и душою,
И нравомъ и умомъ своими надѣливъ
(Ни въ прозѣ, ни въ стихахъ другъ истины не льстивъ),
Созданье слабое надежною рукою
Къ прямымъ достоинствамъ и чести поведешь;
Примѣромъ собственнымъ ко благу привлечешь;
Научишь уважать заслуги, дарованья;

Гнушаться подлостью, пронырствомъ, клеветой,
Постыдной праздностью, ничтожной суетой;
Научишъ покорять строптивыя желанья
Разсудку, должности и выгодамъ другихъ;
Научишь признавать, на разность не взирая
Именъ и участи, за братіевъ своихъ
Подъ солнцемъ всѣхъ людей; богатымъ нелаская,
Убогаго принять съ отверстою душой;
Печальнымъ, горестнымъ служить всегда слезои,
Которая въ стократъ бываетъ имъ милѣе
Сокровищь Крезовыхъ: она скорѣй, вѣрнѣе
Осушитъ влажные нещастнаго глаза. —
Ахъ! какъ безцѣнна ты, сердечная слеза! —
Научишь подражать себѣ въ родствѣ и дружбѣ, —
Какъ важность узъ такихъ святыней почитать;
Заставишь жизни часть провесть на Царской службѣ,
И духъ любовію къ Отечеству питать.
Женевскій гражданинъ съ Фернейскимъ Аполлономъ,
Которыхъ Генію приносишь должну дань;
Но заблужденій ихъ не чтишь себѣ закономъ
И часто съ оными ведешь жестоку брань —
Жан-Жакъ и Аруэтъ послужатъ наставленьемъ
При украшеніи ума, таланта въ томъ,

Кто долженъ для тебя быть въ жизни утѣшеньемъ;
Кому отказывать не долженъ ты ни въ чёмъ,
Какъ скоро рѣчь идетъ о пользѣ или славѣ:
Источникъ щастія — въ познаніяхъ и нравѣ!
Для первыхъ собраны тобою мудрецы (*);
Въ послѣднемъ лучшіе учители отцы.
О! кто ихъ замѣнитъ въ заботахъ, попеченьяхъ,
Которыхъ требуетъ моральный сей цвѣтокъ?
Но кто и превзойдетъ въ отрадѣ, въ наслажденіяхъ,
Когда успѣхами обрадуетъ ихъ рокъ?

Твой сынъ. . . . пророчество симъ словомъ заключаю:
Явитъ въ себѣ отца: онъ будетъ философъ,
Творецъ пріятнѣйшихъ стиховъ
И лучшій человѣкъ. . . . Завѣсу опускаю.

(*) Разумѣется библіотека.

СОСѢДКА.

Кого ты арфой тихострунной
И нѣжнымъ голосомъ своимъ,
Близъ оконъ сидя въ вечеръ лунной —
Кого очарованьемъ симъ
Привлечь. . . . къ ногамъ своимъ желаешь?
О комъ ты думаешь, мечтаешь?
И кто щастливый смертный сей,
Предметъ гармоніи твоей? . . .
Кому онъ внемлетъ, съ кѣмъ проводитъ
Часы минутъ волшебныхъ сихъ;
Гдѣ щастье, радости находитъ;
Почто онъ не у ногъ твоихъ? . . .
Я слышу, кажется, стенанье
И арфы и души твоей, —
И струнъ и сердца трепетанье,
И вижу слезы изъ очей:
Такъ быть должно! . . . Неблагодарный!
Кого предпочитаешь ей? . . .
Или жестокій богъ, коварный
Равно коваренъ и жестокъ
Для всѣхъ. . . . и для сосѣдки милой! . . .
Ахъ, нѣтъ! со всею властью, силой
Не можетъ онъ — не можетъ рокъ
Заставить *Ангела* людскія
Мученья, горе испытать! —
И доля Ангеловъ иныя

Надежды, чувствія питать!
Сосѣдка - ангелъ! ты мечтаешь —
Въ желаньяхъ тайныхъ и живыхъ —)
О томъ, кого. . . . еще не знаешь;
Или бъ онъ былъ — уногъ твоихъ!

АЛИНА ЗА ПЯЛЬЦАМИ.

Пусть Шиллеры поютъ Лауръ *за клави-*
синомъ,
И собираютъ имъ охотну дань съ сер-
децъ;
Пускай для нихъ Киприду съ сы-
номъ
Низводятъ съ горнихъ странъ нетлѣнный
плесть вѣнецъ!
Я написать хочу *за пяльцами* Алину;
Любовь мнѣ очинитъ, надѣюсь, каран-
дашъ:
Она вливаетъ жизнь и въ мраморъ и въ
холстину;
Она всесильный Генiй нашъ!
Но я не думаю о похвалѣ, о славѣ:
Алину не прельстятъ онѣ!
Алина щастiя не ищетъ въ ихъ отравѣ;
Она его нашла — въ сердечной тишинѣ.
Для самого себя, безъ всякаго искуства,
Хочу Алину написать
Такъ точно, какъ ее люблю воображать;
Такъ точно, какъ ее мнѣ представляютъ
чувства.

Въ диванной храминѣ, въ святилищѣ
любви
Невинной и святой, гдѣ щастiе сказало:

„Здѣсь радость вѣкъ живи!“ —
И скукѣ двери указало;
Гдѣ солнечны лучи играютъ на цвѣтахъ,
Разставленныхъ рукою Флоры
Въ приличныхъ имъ мѣстахъ;
Гдѣ все плѣняетъ мысли, взоры: —
Алина, Грацiей одѣтая самой,
Такъ просто, такъ легко! съ гребенкою одной
Въ прелестныхъ волосахъ, которыми Зефиры
Не налюбуются, подобно мнѣ, весь день....
Забыты ими всѣ на этотъ разъ *Темиры*...
Ахъ! льзя ли предпочесть, скажите, свѣту тѣнь?...
Алина подъ окномъ открытымъ,
Питаясь воздухомъ весеннимъ, свѣжимъ, чистымъ,
Сидитъ за пяльцами съ довольною душой,
Со взоромъ ангельскимъ, ни чѣмъ не развлеченнымъ,
И на щастливую *канву* лишь устремленнымъ.
Все оживляется подъ творческой рукой;
Все дышетъ чувствомъ тѣмъ, которое проводитъ
Искусною иглой искусныя черты —
И наконецъ *ландшафтъ* прелестнѣйшiй выходитъ.

Какая живопись! какія красоты!
Какая мысль, — *мечта!...* Но какъ сама
Алина
Прелестна въ скромности своей!
Изящной кажется другимъ ея картина,
И *сущею бездѣлкой* ей! —
Такъ! суетность съ прямымъ талантомъ
несовмѣстна!
Алинѣ суетность — по имени извѣстна;
Но въ сердце никогда не смѣетъ загля-
нуть:
Для нѣжныхъ чувствъ къ нему открытъ
лишь только путь.
Что значитъ ѳиміамъ *богинѣ*? —
Одинъ простой, холодной дымъ!...
Минерву находя въ Алинѣ,
Могу ли звукомъ словъ пустымъ
Надѣяться занять, плѣнить ея вниманье?
Какъ ни былибъ слова пріятны, хороши:
Для похвалы ее все былибъ безъ души!
Алину *начертать* — вотъ все мое ста-
ранье!...
Алина! вспомнишь ли, съ какимъ бы-
вало я
Безмолвіемъ гляжу на образъ твой не-
бесной?
Ахъ! жизнію тогда, по истинѣ, прелестной
Могла назваться жизнь моя!...
Я щастливъ былъ твоимъ однимъ лишь
только взглядомъ,
Въ которомъ вся душа какъ въ зеркалѣ
видна!

„Кто“ — мыслилъ я — „со мной въ блаженствѣ станетъ рядомъ!“
Алина! ты была всѣмъ щастьемъ мнѣ одна —
И есть Но, ахъ! судьбы Завѣсу опускаю! . . .
Портретъ твой въ сердцѣ дописываю.

КЪ РЕЗЕДѢ.

Ты красотою не блистаешь,
И взоровъ не дивишь собой;
Не важенъ видъ нимало твой:
Но ты, мой другъ, благоухаешь
Пріятнѣе другихъ цвѣтовъ
Прелестныхъ, пышныхъ, горделивыхъ,
Своимъ величіемъ щастливыхъ —
Подобно людямъ средь даровъ
Фортуны странной, непонятной,
Глупцамъ всегда благопріятной,
Врагу талантовъ и ума,
Готовой одѣлять чинами
Рожденныхъ съ нискими душами,
Слѣпцовъ — такихъ же, какъ сама!

Вхожу въ свой кабинетъ смиренной,
И тотчасъ чувствую тебя;
Какъ ни скрываешь ты себя
Въ тѣни окна уединенной,
Или подъ сводомъ розъ, левкой;
Но воздухъ, дышущій тобой,
Цвѣточекъ милый! объявляетъ
Мнѣ о присутствіи твоемъ;
Твой ароматъ мнѣ сообщаетъ,
И роскошь сладостнѣйшу въ немъ. —
Такъ скромныя заслуги въ свѣтѣ
Безъ шума, блеска любятъ жить;

Не суетность у нихъ въ предметѣ;
Но цѣль ихъ — пользу приносить.
Пусть злоба съ хитростью змѣиной,
Коварство съ гнусною личиной
Шипятъ и ползаютъ вкругъ нихъ:
Вреда не нанесутъ имъ вѣчно;
Съ стыдомъ останутся конечно
Отъ подлыхъ замысловъ своихъ.

Благоухай, цвѣточекъ милой,
Въ покойной участи своей!
Вотще со всею лютой силой
Ярится вкругъ тебя Борей:
Ты подъ щитомъ, мой другъ, надежнымъ,
Хранимый попеченьемъ нѣжнымъ
И вѣрною любви рукой,
Безбурно вѣкъ окончишь свой!

ПИРЪ.

Гдѣ былъ ты, скромный другъ блистательныхъ пировъ,
Веселья шумнаго и лакомыхъ столовъ,
Когда своимъ Лукуллъ дней нашихъ, удивляя
И зрѣніе и вкусъ отличныхъ знатоковъ,
Представилъ образъ намъ языческаго рая!
Тамъ нектаръ въ дорогомъ граненомъ хрустале,
Въ сребрѣ амброзію Гебеи разносили,
И взоры и уста къ дарамъ своимъ манили;
И все, что рѣдкаго въ моряхъ и на землѣ
Природа смертному въ удѣлъ ни сотворила —
Все роскошь хитрая въ минуту тамъ явила,
И чародѣйныя фортуны щедрый сынъ
Всѣхъ климатовъ, всѣхъ странъ, — надъ міромъ властелинъ!

*

Гдѣ былъ ты, вѣрный другъ ума и дарованій,
Когда, оставивши храмъ Комовъ, перешли
Любимцы Феба, Музъ въ святилище познаній (*),
И божествамъ своимъ тамъ жертву принесли —

(*) Въ библіотеку.

Въ экспромтахъ, въ бу-риме, въ шара-
дахъ, въ каламбурахъ, —
Чертили надписи на Граціяхъ, Амурахъ,
Дышащихъ въ мраморѣ любовью — и любовь,
Воспламенившая въ Поэтахъ геній, кровь,
Текущіе рѣкой стихи воспламеняла,
И Мнемозинѣ ихъ сама передавала!

*

Другъ нѣги, гдѣ ты былъ, когда мла-
дыхъ Сиренъ
Небесны голоса восторгъ въ сердца вливали,
И душу каждаго влекли въ сладчайшій плѣнъ,
И грудь прелестными мечтами волновали!...
Воображеніе стремилося за сводъ
Пылающей въ заряхъ огромной галлереи
Къ жилищу Ангеловъ, къ обители красотъ,
Въ безвѣстныя страны сокрывшейся Астреи!

*

Гдѣ, гдѣ ты былъ, искуствъ волшеб-
ныхъ нѣжный другъ,
Когда подъ тонкими покровами вокругъ
Безмолвныхъ зрителей носились Терп-
сихоры,
Иль въ группахъ пламенныхъ, сплетясь
рука съ рукой;
Или Зефирами во слѣдъ одна другой;
То плавны, медленны, то живы, быстры,
скоры
Въ таинственныхъ своихъ движеньяхъ, но
сердцамъ

Понятныхъ какъ языкъ простой, обыкновенный;
То очарованнымъ являются глазамъ
Нѣмыхъ Армидъ черты внезапно обнаженны! . . .
О, гдѣ ты былъ, мой другъ! . . . Ты знаешь, что съ тобой
Еще бы я своей довольнѣй былъ судьбой!

*

Ты въ жизни потерялъ день рѣдкихъ наслажденій,
Которыя мудрецъ умѣетъ съединять
Со благомъ истиннымъ полезныхъ упражненій,
И щастія дары улыбкой замѣнять!

ПРИЗЫВАНІЕ АПРѢЛЯ.

Слети съ лазуревыхъ небесъ,
Слети скорѣе, благодатный,
Творецъ любезнѣйшихъ чудесъ,
Для сердца, для души пріятный,
Апрѣль! — и бѣлый, хладный кровъ —
Натуры грозная одежда —
Преобразится въ ткань цвѣтовъ;
И щастіе, любовь, надежда
Обнявшись, выдутъ на луга,
Покрыты бархатомъ пушистымъ;
И Нимфы легкая нога
По юнымъ рощицамъ душистымъ
Съ весельемъ будетъ пробѣгать:
И вѣстникъ утра (*) съ Филомелой
Начнутъ концерты запѣвать;
И пастушокъ рукой не смѣлой
Фіялку милой поднесетъ;
Въ замѣну ландышъ отъ прекрасной
Съ восторгомъ радости возметъ,
И у груди приколетъ страстной.

Но кто щастливѣе меня
Тобою, гость желанный, будетъ?
Съ восходомъ радостнаго дня
Душа моя всю грусть забудетъ! —

(*) Жаворонокъ.

Изъ гордыхъ мраморныхъ темницъ,
Жилища бѣдности надменной,
Отъ хладныхъ, истуканныхъ лицъ
Уйду — и въ хижинѣ смиренной
Простыхъ, любезныхъ поселянъ,
Какъ въ мирной пристани, щастливой,
Забывши бури, Океанъ,
Предамъ забвенью свѣтъ кичливой,
И стану жить, дышать одной
Любовью, дружбой и свободой! . . .
Алина! буду я съ тобой
И съ милою для насъ Природой!

Слети съ лазуревыхъ небесъ,
Слети скорѣе, благодатный,
Творецъ любезнѣйшихъ чудесъ,
Для сердца, для души пріятный,
Апрѣль! — и вмигъ тебѣ свирѣпый Аквилонъ
Оставитъ, какъ тиранъ царю благому,
тронъ!

ВЪ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ АЛЛЕѢ.

Съ улыбкой радости и съ горькою слезой
Спѣшу подъ тѣнь твою уйти отъ глазъ людей,
И тайну всю души моей,
Какъ другу, данному нечаянно судьбою,
Ввѣряю съ полною безпечностью тебѣ,
Сказавъ съ восторгомъ самъ въ себѣ:
„Коварства, хитрости, измѣны ты не знаешь;
Ласкающей рукой кинжала не скрываешь!
Но люди! . . . Ахъ! они ужаснѣе звѣрей
Въ движеньи бѣдственномъ подлѣйшей изъ страстей:
Корысти собственной! Она для нихъ святѣе
Всего священнаго; она для нихъ милѣе
И дружбы и родства! . . . И въ жертву ей одной
Готовы принести холодною рукой
Все щастье ближняго, всѣ радости людскія,
Которыхъ чужды вѣкъ сердца и души злыя!"

О Провидѣніе! дерзну ли вопросить,
По что невинные страдаютъ отъ коварныхъ?
Уже ли иначе никакъ не можетъ быть?
Уже ли твой законъ въ сердцахъ неблагодарныхъ

За жизнь, за щастіе, равно какъ и въ
благихъ
Одинъ и тотъ же? . . . Нѣтъ! различны
доли ихъ
Различенъ и законъ! . . . Тебя не обвиняю! . . .
Злой торжествуетъ *здѣсь*, а добрый будетъ
тамъ
Въ вѣнцѣ нетлѣнномъ — твердо
знаю!
Въ сей тайной истинѣ порука сердце намъ!
Мы будемъ въ чувствахъ тамъ сво-
бодны;
Языкъ съ душею будутъ сходны;
Мы станемъ смѣло говорить —
Безъ всякихъ мрачныхъ подозрѣній —
О радостяхъ любви! . . . Мы будемъ тамъ
любить!
Любовь питается восторгомъ увѣреній!
Я вижу райскія долины предъ собой:
На вѣчномъ злакѣ ихъ мы будемъ ввѣкъ съ
тобой,
О другъ души моей! щастливы, неразлучны!
Не будемъ знать, что есть минуты въ
жизни скучны;
Что есть гонители сердецъ,
Взаимной склонностью, не властью сопря-
женныхъ;
Увидимъ горестей конецъ
Съ началомъ ясныхъ дней блаженныхъ!
Пока сойдемся *тамъ*, будь здѣсь всегда
моимъ

Небеснымъ Ангеломъ, блюстителемъ всечаснымъ
Надъ сердцемъ, слабости подвластнымъ!
Будь для меня, мой другъ, источникомъ благимъ
Невинныхъ, добрыхъ дѣлъ, всегда тебя достоиныхъ,
И чувствъ безбурныхъ и покойныхъ!
Пусть образъ кроткій, милой твой
Въ лучахъ величія присутствуетъ со мной
Во всѣ часы, во всѣ минуты —
И совѣсти терзанья люты
Не испытаю вѣкъ! . . . и щастіемъ тебѣ
Я долженъ буду въ сей и будущей судьбѣ!

Эльвира! посѣти мою аллею милу,
И вспомни друга тамъ! . . . Ахъ! если и могилу,
Ты посѣтишь его: онъ улыбнется въ ней,
И воспаритъ *туда* съ любовію твоей!

КЪ ЮЛІИ.

Пускай мущина покосится
За то, что истинѣ святой
Рукою смѣлой воскурится
Чистѣйшій ѳиміамъ. . . . Одной
Своей онъ требуетъ богинѣ
Всѣхъ жертвъ на свѣтѣ, олтарей . . .
„Богинѣ щастія? судьбинѣ?"
Нѣтъ; гордости: онъ служитъ ей!
Но, Юлія! тебѣ ль сердиться
На то, что всякой часъ душой
Желаю къ истинѣ стремиться?
Я нахожу въ ней образъ твой:
Она, какъ ты, мила, прелестна —
И можетъ ли иною быть,
Когда богамъ она любезна? . . .
„Я женщина — и такъ дѣлить
Вниманья смертныхъ не согласна
Вовѣкъ съ соперницей моей;
И если истина прекрасна,
Клянуся не встрѣчаться съ ней" —
Въ глазахъ у Юліи читаю
Моей богинѣ приговоръ;
Въ безмолвной горести вздыхаю
И потупляю томный взоръ! . . .

ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ СЕСТРЫ МОЕЙ,

при подаркѣ простымъ золотымъ колечкомъ.

Такѣ братская любовь проста и безконечна!
Эмблемою ея твой братѣ тебя даритѣ,
Сѣ желаньемѣ пламеннымѣ: да радость вѣкѣ сердечна
Дни тихіе твои всечасно золотитѣ!

ВЕСНА (*).

Здравствуй, милая, прелестная,
Жизнь, душа всего творенія,
Дочь благихъ Небесъ любимая,
Гостья для земли безцѣнная,
Божество сердецъ чувствительныхъ:
Я тебя, весна! привѣтствую —
Не въ стѣнахъ высокихъ города,
Не на шумныхъ его улицахъ,
Не изъ оконъ храмовъ Крезовыхъ —
Нѣтъ! а въ полѣ — вмѣстѣ съ птичками,
Гимнъ со мной тебѣ поющими.

Здѣсь на образъ твой прекраснѣйшій —
На лицо румяно-свѣжее,
На улыбку гордо-кроткую,
На одежду разноцвѣтную,
На корону лучезарную
И на скипетръ благодѣтельный
Я вблизи смотрю — плѣняюся,

(*) Говорятъ, что „*Руские стихи* принадлежатъ если не къ лучшимъ формамъ Поэзіи, то покрайней мѣрѣ къ приличнѣйшимъ языку нашему." Не знаю, основательно ли такое заключеніе; знаю только, что симъ размѣромъ писать стихи поруски гораздо легче, нежели какимъ-либо другимъ. Не взирая на это, изъ множества подобныхъ стиховъ весьма не многіе написаны правильно — и въ *дактило-хореической* стопѣ не рѣдко находимъ первые слоги стопы *ямбической*.

И восторгъ мою колеблетъ грудь. —
Ты съ любовію горячею
Обняла Природу томную —
И Природа оживилася;
Радость въ нѣдра пролилась ея,
И Природа благодарная
Пиръ даетъ тебѣ прекраснѣйшій.

Рощи листьями атласными
По ея желанью мощному
Вдругъ одѣлися, украсились;
И концерты разнотонные
Загремѣли въ юной зелени;
На душистой тамъ черемухѣ
Соловей изъ груди пламенной
Выливаетъ трели яркія,
И раскатами чудесными
Выражаетъ страсть безмѣрную;
Тамъ въ кусточкахъ размариновыхъ,
Нѣжно-томная малиновка
Сладкимъ голосомъ любви самой
Приглашаетъ сердце — вѣкъ любить.
Тамъ на гибкой ивѣ пѣночка,
На дубу высокомъ зяблица,
На шиповникѣ овсяночка
Составляютъ тріо дивное.
Эхо чуткое, проворное
За Орфеями воздушными
Повторяетъ пѣсни огненны.
Ландышъ съ скромною фіялкою
(Образомъ души Эльвириной),
Колокольчики съ сиренгами

Въ честь веснѣ свой ѳиміямъ курятъ.
Ручейки по гладкимъ камешкамъ
Зажурчали, зарѣзвилися,
Засверкали бриллiянтами,
И долинамъ злачнымъ, шолковымъ
Красоту волшебну придали.
Наконецъ — сердца невинныя
Сельскихъ мирныхъ обитателей
Съ пиршествующей Природою
Восхитилися тобой, весна!
И лужайки хороводами
Полевыхъ красавицъ истинныхъ,
Какъ цвѣтами, распестрилися.
Все твоимъ приходомъ радостнымъ,
Другъ, царица щастья кроткаго!
Взвеселилось, ощастливилось,
И къ надеждамъ усладительнымъ
Путь открылся въ души чистыя.

О весна, весна любезная!
О Природа всемогущая!
Кто холоденъ къ вашимъ прелестямъ,
Нечувствителенъ ко благостямъ,
Равнодушенъ къ удовольствiямъ —
Тотъ не скажемъ горькой истины . . .
Ахъ, Эльвира! какъ прiятности
Полевыя, безыскуственны
На обманчивы промѣнивать,
И вздыхать всегда о городѣ?
Въ немъ твоя, не спорю, суетность
Съ честолюбiемъ утѣшены
Ахъ! въ какой душѣ не кроются

Честолюбіе и суетность! . . .
Но кому ты красотой своей —
Сими взорами прелестными,
Сей улыбкою плѣнительной,
Тонкимъ, острымъ, пылкимъ разумомъ,
Вкусомъ чистымъ и разборчивымъ
И талантами небесными —
Всѣмъ — кому, скажи, обязана?
Не Природѣ ли единственно? . . .
Должно, должно благодарною
Быть, Эльвира! къ щедрой матери,
И для щастія сердечнаго,
(Безъ котораго всѣ радости
Пролетаютъ метеорами)
Возвращаться къ ней въ объятія
Отъ блестящихъ свѣтскихъ призраковъ
Съ нѣжной дѣтскою горячностью!

СТОНЪ ПРИ ГРОБѢ МОЕГО К*** (*).

Нѣтъ больше ужь тебя! . . . засыпанъ и
землею! . .
Ахъ! милой прахъ! кропись всякъ часъ
слезой моею! . .
Жестокой рокъ! . . . Стенать лишь въ горести могу;
Но страждущей душѣ ничѣмъ непомогу! . . .
Ударъ судьбы какъ громъ изъ черныхъ
тучь сорвался,
Внезапно поразилъ — нѣтъ друга! . . . я? —
остался!
На что жь мнѣ бытіе, коль жизни не дѣлю
Съ любезнѣйшимъ душѣ; — но горести
терплю? . . .
Я слышу въ воздухѣ, сгущенномъ вкругъ
могилы,
Гдѣ прахъ дражайшій скрытъ, слова сіи
унылы:
„Утѣшься, нѣжный другъ! не вѣчность
насъ дѣлитъ,
„Но Парка дней твоихъ насъ вновь соединитъ;

(*) Сіи стихи суть первое произведеніе Музы моей, можетъ быть обязанной рожденіемъ своимъ — горести; но никогда не отдѣлятся отъ сочиненій моихъ по драгоцѣнности предмета и воспоминанія. Простите автору столь безгрѣшный эгоизмъ!

„Завѣса тонкая насъ нынѣ раздѣляетъ;
„Но лишь подымется — твой другъ тебя
встрѣчаетъ,
„Съ простертыми къ тебѣ руками и лицемъ,
„Являющимъ восторгъ разлуки предъ кон-
цемъ.
„Не будетъ тамъ она страшна уже намъ
болѣ
„Сноси ее, сноси, о нѣжный другъ! дотолѣ."
Мечта прелестная! скорбь сердца услаждай!
Въ отчаянной душѣ надежду возраждай!

КЪ ДРУГУ МОЕГО СЕРДЦА.

Одинъ — одинъ съ моей тоскою
Брожу по рощамъ, по лугамъ,
Какъ нѣкогда гулялъ съ тобою,
Мой милой другъ! . . . и все мнѣ тамъ,
Увы! тебя напоминаетъ,
И щастіе протекшихъ дней . . .
Слеза грудь томну окропляетъ —
Полсердца слабо бьется въ ней.
Почто оно, почто не бьется
Всегда у сердца твоего?
Почто въ одно съ нимъ не сольется? . . .
Иль только грусть есть часть его!
Грусти же, сердце, и питайся
Одною горестью своей;
Одной лишь ею занимайся,
И всей ищи утѣхи въ ней,
Доколѣ темною судьбиной
Опять не сѣединишься ты
Съ другой твоею половиной;
Доколѣ щастія цвѣты,
На мѣсто терніевъ колючихъ,
Не разцвѣтутъ передо мной;
Доколѣ вмѣсто слезъ горючихъ,
Слезъ радости не лью рѣкой —
Грусти! . . . Пусть эхо повторяетъ
Твой стонъ, и жалобы твои;
Пускай ихъ воздухъ увлекаетъ

Вѣ пространства горнія свои!
Но гдѣ печальный облегченье
Найдетѣ страданью своему?
Одна Природа утѣшенье,
Какѣ матерь нѣжная ему.

Всегда ее мы свято чтили,
Любезный другѣ души моей!
Всегда пріятность находили,
И щастіе вѣ бесѣдѣ сѣ ней.
Одна она теперь внимаетѣ
Стенаньямѣ друга твоего;
Она сѣ нимѣ горесть раздѣляетѣ,
И вѣ ней отрада вся его!

РОЩА.

Опять въ твоихъ прохладныхъ тѣняхъ,
О роща милая моя!
На мягкихъ дерновыхъ постеляхъ
Пришелъ вкусить спокойство я,
И тихо жалобы сердечны
Твоей глубокой тишинѣ
Ввѣрять опять! Ахъ! слезы вѣчны
Судьбой назначено лить мнѣ! —
Твое печальное, уныло,
О роща! время протекло:
Весны дыханье оживило
Тебя — и въ радость облекло.
Ужь ты красуешься цвѣтами,
Журчащими межъ нихъ ручьями,
И зеленью плѣняешь взоръ;
Уже гремитъ пернатыхъ хоръ
Въ кудрявыхъ липъ твоихъ вершинахъ,
На древнихъ вязахъ и осинахъ;
Ужь ты зовешь меня къ себѣ. . . .
Ахъ! я пришелъ — пришелъ къ тебѣ;
Но съ тоюжь грустію, тоскою,
Въ которой видѣла меня
Ты прошлою, мой другъ, весною,
Своимъ мнѣ эхомъ состеня!
Мой рокъ, увы! не премѣнился —
Печали тѣ же сердце рвутъ;

Веселья лучь вѣ душѣ затмился,
И дни во млѣ мои текутѣ! . . .
Стенижь опять, стени со мною,
О роща, мой безмолвный другѣ!
Растерзанный судьбы рукою,
Вѣ тебѣ лишь успокою духѣ!

Къ моей розѣ.

Цвѣтовъ царица, пышна роза,
Какъ ты блистаешь красотой!
Нарциссъ, лилея, тубероза —
Ничто въ сравненіи съ тобой!
Когда цвѣтешь ты вмѣстѣ съ ними —
Они печальны при тебѣ, —
Рабами кажутся твоими. . .
Ты взоры всѣхъ влечешь къ себѣ.

*

Твою я участь премѣняю,
О роза милая моя!
Тебя для Лизаньки срываю —
Ты будешь на груди ея.
Но тамъ твой блескъ . . . увы! затмится!
Простись съ владычествомъ своимъ!
Тамъ лилій роза, знай, стыдится,
И уступаетъ славу имъ.

НАДЕЖДА.

Какъ слабымъ смертнымъ ты играешь,
Надежда, въ цѣлый вѣкъ его!
Всечасно птичкой вкругъ летаешь;
Но онъ къ тебѣ — ты отъ него!
Не гонишся — ты близко снова,
И крыльями шумишь надъ нимъ,
И, кажется, сама готова, —
Желаешь схвачена быть имъ . . .
Пустое! . . . Ты уже вiешься
Подъ облаками, лишь хотѣлъ
Простерть онъ руку — не успѣлъ! . .
Ты простотѣ его смѣешься! . .

*

И мной какъ перышкомъ зефиръ,
Надежда, часто ты играешь!
Блаженства храмъ мнѣ представляешь;
Въ немъ — радости, спокойство, миръ.
Съ восторгомъ въ сердцѣ, съ твердымъ мнѣньемъ,
Что истину — не призракъ зрю —
Спѣшу къ нему — спѣшу съ стремленьемъ,
И думаю, что отворю
Навѣрно дверь но что же? — бездна
У ногъ моихъ! — а щастья храмъ
Сокроетъ въ мигъ завѣса черна,
И страхъ предстанетъ лишь очамъ!

*

Въ любви Лизеты я ласкался
Найти прямой для сердца рай.
Мечтой сей жилъ я, восхищался! . . .
Мнѣ Лиза говорила: „Знай,
Мой милой другъ, что солнце прежде
Престанетъ землю согрѣвать,
Чѣмъ жаръ въ груди къ тебѣ питать
Престану я!" — И въ сей надеждѣ,
Столь лестной, вѣрной, и любя,
Я чтилъ щастливѣйшимъ себя

*

Но вдругъ судьба насъ разлучаетъ!
„Ты въ сердцѣ ввѣкъ живешь моемъ" —
Лизета съ клятвой подтверждаетъ —
„Со мной ты не разлученъ — въ немъ."
Разстались мы. . . . минута злая! . . .
И я Лизетой позабытъ! . . .
Надежда льстивая, златая!
Гдѣ свѣтлый лучь твой? — мракомъ
скрытъ!

*

Не разъ съ тобою я прощался,
Надежда! и опять къ тебѣ —
Къ мечтамъ твоимъ я возвращался,
Ища отрады въ нихъ себѣ!
Безъ нихъ душѣ еще грустнѣе,
И бремя жизни тяжелѣе —
Увы! лишь съ истиной одной! . . .
Мирясь, надежда, я съ тобою,
Мирюсь тогда же и съ судьбою,
И нѣкій чувствую покой.

КЪ ЭЛЬМИНѢ.

НА ПОДАРОКЪ ПЕРЬЯМИ.

La grace est tout, avec elle tout passe.

Parny.

Какимъ ты Геніемъ внушенна,
Подарокъ сдѣлала мнѣ сей?
Иль мысль тобою сокровенна
Проникнута въ душѣ моей?
Ты кисти мнѣ сама вручаешь —
Тебя, твой нравъ изображать
Сама мнѣ случай открываешь —
Велишь. . . . Апеллу подражать! . . .
Беру — и смѣлою рукою
Пишу въ восторгѣ твой портретъ.
Онъ, знаю, слабо будетъ мною
Изображенъ! . . . Но нужды нѣтъ:
Простишь ты вѣрно неискуство —
И взглянешь только на одно
Живое, пламенное чувство:
Пусть водитъ кистію оно.

*

Какъ свѣтлый Май, всегда спокойство
Сіяетъ на лицѣ твоемъ;
Души и сердца мило свойство

Живописуется на немъ;
Въ очахъ твоихъ прелестно - томныхъ
Блистаетъ разумъ съ остротой;
Во взорахъ нѣжныхъ, кроткихъ, скромныхъ
Любезность нрава съ простотой;
Въ улыбкѣ вѣчной устъ пунцовыхъ,
Какъ облако въ струяхъ перловыхъ
Изображается ручья —
Невинность такъ видная твоя.
Но что въ тебѣ всего милѣе,
И что влечетъ къ тебѣ сильнѣе: —
Любовь къ изященному всему;
Твое ко злобѣ отвращенье,
Къ добру сердечное стремленье,
Почтенье къ знаніямъ, уму.

*

Вотъ слабое изображенье
Небесныхъ прелестей твоихъ!
Рафаэля воображенье
Потребно для оттѣнки ихъ;
Но кисть кладу я — и не смѣю
Равняться въ дарованьи съ нимъ;
Я только чувствовать умѣю;
Искуство отдаю другимъ.
Но . . . ахъ! и чувствія со днями
Тупятся и слабѣютъ въ насъ!
Прощайся съ милыми мечтами,
Лишь юный огнь въ душѣ угасъ!
Воображенье не представитъ
Красотъ волшебныхъ намъ тогда;
Хладъ мрачной старости заставитъ

Разстаться съ ними навсегда.
Печальна мысль! . . . Но я имѣю
Чудесный даръ изъ рукъ твоихъ,
Которымъ вѣрно разогрѣю
Въ зимѣ суровой дней моихъ
Замерзшу кровь — и вображенье
Весенне солнце озаритъ;
Прольется въ сердце восхищенье
И юность пылку возвратитъ!

ЭЛЕГІИ.

I.

На смерть

А*** Е*** М — й (*).

Когда гармонія своей волшебной силой
Лила мнѣ въ грудь восторгъ и нѣжила
мой слухъ;
Тогда надъ свѣжею твоей, увы! могилой
Носился мой смущенный духъ! . . .
И вѣчный мракъ ея и небо предъ собою
Я видѣлъ . . . трепеталъ и умилял
ся вновь.
Какую власть тогда имѣла надо мною
Гармонія! . . . То въ ледъ, то въ пламень кровь
Мою всечасно превращала! . . .
Ахъ! въ первый разъ еще такъ живо ощу-
щала
Душа моя тщету, ничтожность благъ
земныхъ! . . .
Минута, и слѣдовъ уже не видимъ ихъ! . . .
Давно ль ты жизнію, здоровьемъ насла-
ждалась?

(*) Авторъ былъ въ концертѣ, когда узналъ о внезапной ея смерти.

Давно ли чувства огнь блисталъ въ твоихъ очахъ?
Давно ли радостно съ друзьями улыбалась?
А нынѣ . . . тлѣетъ твой подъ хладнымъ камнемъ прахъ! . . .
И завтра о тебѣ всѣ въ мірѣ позабудутъ:
Уставъ, предписанный Натурою сердцамъ!
Онъ благо въ бѣдной жизни намъ!...
„Не вѣчно обо мнѣ лишь горки слезы будутъ
Дѣлившіе со мной все щастье дней моихъ,
Печаль и скорби ихъ!"
Скажу, глаза свои навѣки закрывая;
И мыслію пріятной сей
Ужасный, тяжкій сходъ въ могилу облегчая,
Съ отрадой лягу въ ней.
Морозова! ахъ, нѣтъ! кто зналъ тебя, не взглянетъ
Безъ чувства горести на гробъ смиренный твой;
Достоинства твои вспомянетъ
И окропитъ его сердечною слезой!

II.

На смерть

Н*** А*** Х — й.

Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin:
Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin.

Malherbe.

Гдѣ розы, лиліи? гдѣ прелести весенни?
Гдѣ щастье, радости любезныхъ Майскихъ дней?
Повѣялъ съ бурею свирѣпый вѣтръ осенній —
И щастье, радости исчезли вмигъ съ полей!...
Коснулась люта смерть рукой своей ужасной —
И юность, красота увяли вдругъ какъ злакъ!...
Увы! на утренней твоей зарѣ прекрасной,
Хераскова! густой расплался, вѣчной мракъ!
Цѣпь щастья все тебѣ лишь въ будущемъ являло;
Надежды и мечты злашыя юныхъ лѣтъ —

Все, все тебѣ еще на свѣтѣ семъ ласкало...
И что жь? ужь для тебя несуществуешъ
свѣтъ!
Ужь въ нѣдра хладныя земля тебя сокрыла;
Уже ты тлѣешь въ нихъ — уже ты
перстъ — ты прахъ! — —
Тамъ кроткая твоя, смиренная могила;
Надъ нею Геній твой въ уныніи, въ слезахъ!
Пойду — и тамъ спрошу: на что ты на-
чинала
Жить, если жизни былъ твоей таковъ
предѣлъ?
Почто судьба, почто твой вѣкъ тогда
прервала,
Когда онъ для тебя лишь прелести имѣлъ?
Спрошу — и тихою, горячею слезою
Скорбь сердца излію!... Ахъ! кто не
ощутитъ
Живѣйшей скорби тамъ, гдѣ юность съ
красотою
Въ сырой землѣ лежитъ!

III.

НА СМЕРТЬ

РОДНОЙ.

Tout homme doit pleurer, tel est l'arrêt suprême.

Delille.

Родная! нѣтъ тебя! . . . *нѣтъ!* . . сердце повторило —
И слезы . . . ахъ! онѣ не льются изъ очей!
Ихъ чувство горести въ груди остановило . . .
Онѣ тѣснятъ ее . . . онѣ пылаютъ въ ней! . . .
Родная! чѣмъ тебѣ за всѣ благодѣянья,
За матерню любовь нѣжнѣйшую твою,
За попечительность, заботы воспитанья —
За все, за все — — ахъ! чѣмъ тебѣ я воздаю? . . .
Слезами . . . горестью . . . надъ хладною могилой,
Въ которую, увы! трепещущей рукой,
Съ душею мрачною, растерзанной, унылой,
Твой прахъ я опустилъ, покрывъ его землёй?
Вотъ все, что сдѣлать могъ я для тебя, родная!
Одинъ изъ тысячи исполнилъ долгъ лишь сей! . .

О горькой долгъ! . . . Но тамъ, Рука гдѣ
всеблагая
Мзду добродѣтели ждала воздать твоей;
Гдѣ радость чистая всѣ горести земныя,
Все, что ни терпимъ здѣсь, въ забвенье
погрузитъ;
Гдѣ всѣ обнимемся какъ ближніе, —
родныя;
Другъ друга гдѣ уже ничто не раздѣлитъ;
Гдѣ никакимъ вовѣкъ ненастіемъ, грозою
Не возмущается спокойство, ясность дня —
Тамъ вновь я нѣкогда увижуся съ тобою,
И къ сердцу своему ты вновь прижмешь
меня!
А ты, которая съ ней вмѣстѣ раздѣляла
Съ любовью тягости заботъ о сиротахъ (*);
Которая всегда примѣромъ наставляла
Насъ добродѣтели и должностей въ путяхъ;
Съ которою теперь дѣлимъ мы огорченье —
Родная! все велитъ намъ цѣлу жизнь свою
На то лишь посвятить, чтобъ радость,
утѣшенье
Украсили еще преклонну жизнь твою!

(*) Родная сестра оплакиваемой мною. Она вмѣстѣ съ нею воспитывала меня и сестру мою, которая осталась со мною, по смерти матери нашей.

ДРУГУ ДУШИ МОЕЙ

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Какъ праздновать мнѣ день безцѣнный,
Мой другъ, рожденья твоего? . . .
Ему всѣмъ щастьемъ одолженный,
Могу лишь въ сердцѣ чтить его! —
Съ минутой первою твоею
Судьбы мнѣ щастье изрекли;
Рукой невидимой своею
Къ тебѣ, мой другъ, меня вели. . . .
Взглянулъ, и сердце освѣтилось
Предчувствія златымъ лучемъ;
Блаженство вышнее явилось
Мнѣ въ образѣ, мой другъ, твоемъ! . . .
„Она — или никто на свѣтѣ —
Составитъ благо дней моихъ;
Она — она должна въ предметѣ
Лишь только быть вовѣкъ для нихъ!"
Сказалъ я самъ себѣ — и въ волю
Судебъ вручилъ весь жребій мой
Судьбамъ благодарю за долю:
Другъ милой, я любимъ тобой!

О ДРУЖБѢ.

Къ Дельфирѣ.

O divine amitié, félicité parfaite!
Seul mouvement de l'âme où l'excès soit permis,
Change en bien tous les maux où le ciel m'a soumis.

Voltaire.

Плѣнясь прекрасными стихами (*),
Поэта нѣжнаго душой,
Съ сердечными въ очахъ слезами
Ты мнѣ сказала: „Милый мой!
И ты о дружбѣ драгоцѣнной,
О сладостяхъ ея не пѣлъ? . . .
Ахъ! что достойнѣй во вселенной
Ея для лиры ты имѣлъ!"
Я долженъ пѣть ее конечно
О нѣжный другъ души моей!
Она была и будетъ вѣчно
Моихъ отрадой, щастьемъ дней! —
Ахъ! чтобы смертный въ сей юдоли
Безъ дружбы благотворной былъ?
Печальной, горестнѣйшей доли
Всечасноб жертвою служилъ!
Рожденный съ нѣжною душою,
Съ щастливымъ, пламеннымъ умомъ,

(*) Дружбѣ — въ пятой части *Иппокрены.*

Нещастнѣй былъ бы всѣхъ судьбою:
Пустынюбъ зрѣлъ, звѣрей кругомъ!
Но Небо смертному хотѣло
Прекрасный даръ свой ниспослать —
И дружество къ нему слетѣло
Печали жизни услаждать.
Любезной, милою рукою
Отерлась горести слеза;
Къ отрадѣ, радостямъ, покою,
Открылись томные глаза;
Цвѣты путь жизненный устлали,
И ароматы, прелесть ихъ
Питать и нѣжить чувства стали,
Открывъ источникъ щастья въ нихъ.
Но дружбы всѣхъ даровъ безцѣнныхъ
Кто удостоенъ такъ, какъ я? . . .
Въ ея объятіяхъ священныхъ
Блаженствуетъ душа моя! —
Твоей, мой другъ, любви небесной
Я долженъ щастьемъ дней моихъ;
Ты въ жизни сей печальной, слезной,
Творишь прямымъ мнѣ раемъ ихъ!
Тобой владѣя — всѣмъ владѣю,
Что къ щастію дано людей;
Въ тебѣ я Генія имѣю,
Хранителя судьбы моей! . . .
Душа моя — твой храмъ, Дельфира;
Любовь и дружба — жертвы въ немъ! —
Прельститъ ли сердце скиптръ, порфира,
О другъ мой! въ жребіи моемъ?

НА КОНЦЕРТЪ РОМБЕРГА,

когда онъ игралъ пѣсню: *Ахъ! чтожъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь.*

Какое торжество, *голубчикъ*, для тебя!
Едва ли узнавалъ ты самого себя,
Въ восторгахъ нѣжныхъ, страстныхъ млѣя
На струнахъ Ромберга-Орфея!

КЪ Е*** Г*** Ц—й,

при посылкѣ переведенной мною Исторіи Генриха IV.

Когда Исторія любезнаго Царя
И подъ моимъ перомъ улыбку одобренья
Заслужитъ отъ тебя; то я у олтаря
Подругъ твоихъ искалъ не даромъ вдохновенья!

ТРІОЛЕТЪ

Наташѣ.

Какъ годъ тебѣ еще свершится —
Опасна будешь ты сердцамъ!
Съ свободой не одинъ простится,
Какъ годъ тебѣ еще свершится.
Блестящимъ прелестямъ курится
На свѣтѣ вѣчно ѳиміамъ.
Какъ годъ тебѣ еще свершится —
Опасна будешь ты сердцамъ!

КЪ МОЕМУ САДИКУ.

Tous les hommes se rappellent avec attendrissement les jeux de leur enfance.

J.-J. Rousseau.

Свидѣтель юности моей,
Безпечныхъ, радостнѣйшихъ дней —
Любезный садикъ, драгоцѣнный
Воображенью моему!
Твоими тѣньми осѣненный,
Даю свободу всю ему
Мечтать о дѣтскихъ крошкихъ лѣтахъ,
О щастіи, забавахъ ивъ. —
Какъ съ К*** (*) въ рыцарскихъ колетахъ
(Такъ звали мы въ мечтахъ своихъ
Жилетки наши съ рукавами),
Дубовы сабли обнаживъ,
На гибкихъ тросточкахъ верхами
Скакали въ тѣнь густую ихъ;
Со трепетомъ воображая
Гигантовъ страшныхъ предъ собой,
И робко саблями махая
По воздуху надъ головой —
„Ура! побѣду одержали!" —
Съ восторгомъ радостнымъ кричали.
Или подъ мракомъ вечерка

(*) Незабвенный другъ моей юности.

На груши, яблони взбирались,
Съ біеньемъ сердца озирались;
И шумъ малѣйшій вѣтерка,
И шорохъ листьевъ — все пугало
Героевъ бранныхъ. . . Но въ тотъ часъ,
Какъ щастье подвигъ нашъ вѣнчало,
Кто могъ довольнѣе быть насъ?

*

Гдѣ, гдѣ вы, лѣта столь прелестны
Спокойныхъ, беззаботныхъ дней? . .
Вамъ не были еще извѣстны
Ужасны бури жизни сей!
Не знали вы страстей волненья;
Текли подобно ручейку,
Который кротко, безъ стремленья
Журчитъ по чистому песку! . . .
Невольная слеза катится
Изъ сердца моего — и грудь
Чрезмѣрно вздохами тѣснится. . . .
Увы! кто можетъ вспомянуть
Тебя, о юность драгоцѣнна!
И слезъ сердечныхъ не пролить? . .
Нѣтъ, нѣтъ! не можешь ввѣкъ забвенна
Ты въ мысляхъ, сердцѣ нашемъ быть.

*

Подобно мирту, въ кроткихъ тѣняхъ,
О садикъ милый мой! твоихъ
Я цвѣлъ предъ взоромъ, на колѣняхъ
У нѣжныхъ матерей моихъ (*)!

(*) Авторъ лишился матери почти при рожденіи. Нѣжныя, великодушныя тетки его заступили мѣсто ея,

Ты видѣлъ всѣ ихъ попеченья
О слабой юности моей!
Ты былъ свидѣтель восхищенья
Сихъ несравненныхъ матерей,
Когда урокъ мой я предъ ними
Исправно, твердо говорилъ
Какъ былъ я лобызаемъ ими!
Какъ прижимаемъ къ сердцу былъ!

*

Ахъ! чѣмъ воздамъ вамъ? — Но какая
Достойна мзда быть можетъ васъ?
Лишь благодарность къ вамъ живая
По смертный въ сердцѣ будетъ часъ!
Но тамъ — гдѣ Милость награждаетъ
За кажду добродѣтель — тамъ
Вѣнецъ васъ вѣчный ожидаетъ:
Онъ благъ мірскихъ дороже вамъ!

*

Теперь, теперь, мой садикъ милой,
Я часто въ мирну тѣнь твою
Съ душею прихожу унылой,
И часто слезы горьки лью!
О чемъ? . . и самъ подчасъ незнаю;
Но сердце тайной грустью, злой
Терзается — и слезъ рѣкой
Лишь грусть изъ сердца изливаю.

и со всею материнскою попечительностію, любовію старались о его воспитаніи.

На причащеніе

А* Ф* Т***.

Вѣ комѣ разумѣ не угасѣ, сѣ тѣмѣ кѣ истинѣ святой
Еще приближиться возможно,
И указать ему спасительной, неложной
Свѣтѣ добродѣтели прямой —
Сказалѣ ты самѣ! И, ахѣ! вѣ сердечномѣ заблужденьи,
Вѣ душевной слабости и чувства вѣ усыпленьи
Ты долго Но почто смущать твой нынѣ духѣ!
Уже отверзлися глаза твои и слухѣ
Ко добродѣтели, ко истинѣ прелестнымѣ,
И разумѣ твой плѣненѣ сіяньемѣ ихѣ небеснымѣ!

Такѣ! всѣхѣ изящныхѣ чувствѣ щастливѣйшій союзѣ
Скрѣпленѣ Религіей священной!
Кто не хранитѣ ее, тотѣ не хранитѣ и узѣ
Ни сладостной любви, ни дружбы драгоцѣнной;
Вѣ томѣ сердце хладное, вѣ томѣ мрачная душа!

Но какъ того вся жизнь спокойна, хороша;
Какъ чисты, безмятежны нравы,
Кѣмъ уважаются премудрые уставы —
Благая цѣль путей великаго Творца —
Въ Природѣ, въ Откровеньи!
Взгляни на жалкаго надменнаго слѣпца
Умомъ и чувствами: въ своемъ ожесточеньи,
Въ ужасной ярости своей
Онъ гонитъ истину, онъ гонитъ добро-
дѣтель,
А съ ними радости и щастье нашихъ дней!
Страна плачевная (*) была тому свидѣ-
тель.

Да Небо насъ хранитъ отъ грозныхъ
сихъ слѣпцовъ,
Отъ сихъ безумныхъ мудрецовъ,
Которымъ суетность, тщеславіе милѣе,
Пріятнѣе того, что намъ дано въ предметъ
Блаженства — *здѣсь* и *тамъ*! Всѣхъ золъ
они суть злѣе,
И власти, царства ихъ страшиться дол-
женъ свѣтъ!

(*) Франція во время революціи.

На кончину

Князя Николая Васильевича Репнина.

Свершилъ путь жизни сей!... Какъ солнце закатился
На тихомъ западѣ своихъ прекрасныхъ дней!
Тамъ — съ радостнымъ лицемъ въ сонмъ Ангеловъ явился —
И мзда твоя — вѣнецъ ужъ на главѣ твоей.
Почтенный человѣкъ! краса людей, Природы!
Нѣтъ болѣе тебя! Ты тамъ — на небесахъ —
Но солнце протечетъ стократъ эѳирны своды —
И жить ты будешь *здѣсь* — въ чувствительныхъ сердцахъ!

Кто урну, кто твою, рыдая, обнимаетъ?
Кто слезы пламенны при гробѣ льетъ твоемъ?
Кто въ горести души, въ отчаяньи взываетъ:
„Лишились мы отца — лишились друга въ немъ?"
Убогій, сирота, вдовица и нещастный!

Вотъ дѣти — вотъ друзья, оставшiесь
твои !
Ихъ слезы, горесть ихъ — твой монументъ прекрасный !
Что бронза, мраморы богатые сiи,
Когда *холодная* рука ихъ созидаетъ;
Когда сердечная горячая слеза
Со стономъ горести ихъ ввѣкъ не омываетъ ? . . .
Они не трогаютъ, — прельщаютъ лишь
глаза ! —
Репнинъ ! но взглянетъ ли съ холодною
душою,
Безъ умиленныхъ чувствъ на твой кто
мавзолей ?
Нѣтъ ! каждый окропитъ его души слезою
И скажетъ: *Здѣсь лежитъ другъ бѣдныхъ,*
другъ людей !
Другъ бѣдныхъ ! . . . другъ людей ! . . . О титла драгоцѣнны !
Блаженъ, кто въ жизни могъ снискать
васъ, заслужить ! . . .
Сiи названiя любезныя, священны,
Репнинъ! давно, давно умѣлъ ты получить.

Служа отечеству всю жизнь свою со
славой,
Въ щастливой тишинѣ сокрывшись наконецъ,
Не Сибаритскою питалъ свой духъ забавой,
Но утѣшенiемъ, но щастiемъ сердецъ
Печальныхъ, горестныхъ, гонимыхъ злой
судьбою !

Твой взорЪ встрѣчаемЪ былЪ — какЪ скоро оставлялЪ
Ты одрЪ спокойный свой — сиротЪ, вдовицЪ толпою —
И плодЪ заслугЪ своихЪ ты сЪ ними раздѣлялЪ.
Благословенія со всѣхЪ сторонЪ гремѣли
Тебѣ, почтенный МужЪ! . . . Но ахЪ! тебя ужЪ нѣтЪ, —
И сирый и вдова опять осиротѣли! . . .
Но ты — ты перешелЪ отсюда вЪ лучшій свѣтЪ!

ПОТРЕТЫ.

I.

Всеслава.

Умильно поглядѣть, плѣнить двумя словами,
Которыхъ сильну власть ты знаешь надъ
сердцами;
Увѣриться въ своей побѣдѣ — и конецъ
Надеждѣ и мечтамъ для жертвы легковѣрной!
Томиться въ горести безмѣрной —
Вотъ жребій *бѣднаго*, и лучшій твой вѣ-
нецъ!
Къ нещастью, сей портретъ съ тобою
Такъ сходенъ, что ты въ немъ являешся
живою!

II.

Зелія.

Рисуетъ какъ Апеллъ, играетъ какъ Орфей,
Поетъ какъ соловей
И шьетъ какъ Менеида.
А нравомъ? — Эвменида!

III.

О Н Ъ.

Трехъ футовъ отъ земли, въ готическомъ кафтанѣ,
Съ колодой картъ въ рукахъ, а иногда съ перомъ;
Но чаще съ нектаромъ въ стаканѣ;
Утѣха дней *его*: игра, стихи, да ромъ.

КЪ К. Н. И. КУРАКИНОЙ,

при посылкѣ моихъ романсовъ, для которыхъ она желала сочинить музыку.

Улыбкой наконецъ богъ лиры, Аполлонъ,
Щастливые мои романсы удостоитъ:
Талантъ небесный твой имъ дастъ волшебный тонъ,
Съ душею, съ жизнію — и цѣну ихъ утроитъ!

ЧУВСТВО

при извѣстіи о награжденіи, опредѣленномъ Россійскою Академіею за новую Трагедію М. М. Хераскова, по смерти его.

На аломъ Западѣ, гдѣ нѣтъ громовыхъ тучь,
Угасъ послѣдній Феба лучь;
Но свѣтъ и жаръ его остались въ атмосферѣ:
Не видимъ ли мы въ семъ разительномъ примѣрѣ
Судьбу, — безсмертіе Пѣвцовъ —
Утѣхи своего и будущихъ вѣковъ!

ЭКСПРОМТЪ

НА ИГРУ НЕСРАВНЕННАГО ВІОЛОНЧЕЛИСТА РОМБЕРГА.

О Ромбергъ! какъ ты могъ движеньемъ рукъ своихъ
Похитить сильну власть Природы надо мною?
Печалюсь, радуюсь, блаженствую душою
По волѣ всемогущей ихъ!

На благородный спектакль

Катерины Владимировны Апраксиной,

въ день ея рожденія.

Тогда какъ зрители плѣнялися искуствомъ,
Талантомъ, красотой на сценѣ у тебя;
Могло ли что-нибудь съ твоимъ сравниться чувствомъ:
Щастливой матерью ты видѣла себя!

КЪ Н*** П*** Г—й (*).

Явилась, и сердца во взоры перешли;
Запѣла, и мечты душею овладѣли;
Тобой, къ тебѣ всѣхъ чувства пламенѣли;
Таланты, прелести — все, все въ тебѣ нашли,
Что къ жизни насъ манитъ, и чѣмъ гордятся въ свѣтѣ!
Вездѣ ты Грація — на сценѣ, на паркетѣ;
Вездѣ соперница любезнѣйшихъ богинь:
Эвтерпы, Терпсихоры!
Куда ты наконецъ ни кинь
Свои побѣдоносны взоры, —
Повсюду торжество и власть увидишь ихъ! . . .
Амуровъ рой живыхъ,
Толпясь вокругъ тебя, твои слѣды лобзаетъ,
И мать утѣхъ — Киприду забываетъ!
Но смертный при тебѣ забудетъ ли объ ней? . . .
Онъ месть ея въ душѣ почувствуетъ своей!

(*) Которая играла въ Оперѣ благороднаго спектакля.

КЪ О*** М*** С—й,

въ день ея рожденія.

Прими не ложное въ словахъ коротких
сихъ
Пророчество поэта:
Ты будешь славою и щастіемъ родныхъ,
И украшеньемъ свѣта!

ВЛАСТЬ ГАРМОНІИ.

On aime à redire ce que on aime à ſentir.

Сердце трепещетъ
Въ томности сладкой;
Пламень ліется
Въ душу рѣкой.

*

Чувство за чувствомъ,
Душу и сердце
Сильно волнуя,
Къ щастью влекутъ.

*

Къ щастью безсмертныхъ,
Къ радостямъ новымъ —
Здѣсь неизвѣстнымъ, —
Къ жизни прямой.

*

Мысли стремятся
Быстрымъ полетомъ
Смѣло за тѣсный
Разума кругъ;

*

Видятъ возможность
Вѣчнаго щастья,
Участь блаженну
Сердца, души.

*

Горести, скорби,
Скука, печали —
Вдругъ все забыто. . . .
Щастье въ груди.

*

Что же виною
Райскихъ восторговъ,
Сладости сердца,
Щастья души? . . .

*

О всемогуща
Музыки сила!
Ты преселяешь
Въ небо меня.

*

Ты мнѣ познанье
Благъ безконечныхъ,
Тамъ намъ готовыхъ —
Ты подаешь!

*

Ты мнѣ, Софія!
Въ душу и сердце,
Чувства сладчайши,
Ты мнѣ ліешь!

КЪ БЕРЕГАМЪ ПРѢСНЕНСКИХЪ ПРУДОВЪ.

Безбурныхъ, тихихъ водъ прелестные брега!
Гордитеся, — не тѣмъ, что служите красою
И удовольствіемъ славнѣйшей подъ луною
Столицы, — нѣтъ! но тѣмъ, что строй-
ная нога —
Изящный образецъ для самаго Кановы (*) —
Касается подчасъ,
Брега щастливы! васъ, —
И прелести даритъ вамъ новы!
Но тѣмъ, что въ зеркалѣ кристалла своего
Вы зрите иногда Природы украшенье,
Которому еще Природа ничего
Не создала въ сравненье;
Съ которымъ, втрѣтившись Психея, мать
Любви,
И сами Граціи, конечно бъ ощутили
Отраву зависти въ крови,
И смертными себя простыми бъ находили!
Но тѣмъ гордитесь, наконецъ,
Что сромная владычица сердецъ —
Алина милая гуляетъ
По вашимъ Англійскимъ дорожкамъ, золо-
тымъ! . . .
И лучшую хвалу, и блескъ и славу имъ
Алина составляетъ
Присутствіемъ своимъ!

(*) Знаменитый нашего времени ваятель въ Римѣ.

КЪ Г*** С*** А*** П—й,

которую Авторъ не узналъ - было въ ея новомъ для него нарядѣ.

Встрѣчаю смертную, не знаемую мной,
Съ осанкой Граціи, съ чертами Никофоры;
Дивлюсь, безмолвствую и устремляю взоры;
Смущаюсь разумомъ, душой! . . .
Откуда? кто? . . . Страшусь соперницы опасной,
Соперницы твоей! . . . Но страхъ мой былъ напрасной! . . .
Ахъ! это ты сама была:
Нарядомъ лишь своимъ въ обманъ меня ввела!

Я ПОМНЮ.

Я помню этотъ взоръ — небесъ изображенье,
Когда, въ день Майской, ихъ чистѣйшая лазурь
Вселяетъ въ душу рай, восторгъ, благоговѣнье,
И мысли нѣтъ въ умѣ о страхѣ грозныхъ бурь!

*

Я помню голосъ сей, ліющій въ сердце радость,
Неизъяснимую на языкѣ людей! . . .
Ахъ! кто изобразитъ ту несравненну сладость,
Котору чувствуемъ въ златой мечтѣ своей! . . .

*

Я помню устъ твоихъ улыбку — не коварну,
Но . . . богъ любви ее присвоилъ бы себѣ,
Чтобъ власти покорить своей неблагодарну
Психею новую подобную тебѣ!

*

Я помню все — и такъ я помню безъ сомнѣнья,
Чего не льзя забыть, проведши часъ съ тобой:
Все щастіе души и сердца всѣ мученья —
И не хотѣлъ имѣть вовѣкъ судьбы иной!

КЪ ИСТОРІОГРАФУ ИМПЕРІИ.

Вѣ негодованіи на яростныхѣ Зоиловѣ
Таланта твоего, источника ихѣ мукѣ,
Отважно подвигѣ я хотѣлѣ свершить Ахил-
ловѣ:
Величіе твое исторгло мечь изѣ рукѣ!

КЪ ГОСПОЖѢ СЕМЕНОВОЙ,

въ роли Клитемнестры.

Я видѣлѣ торжество таланта и искуства!
Я видѣлѣ матери ужаснѣйшія чувства
Вѣ прелестномѣ образѣ; я видѣлѣ наконецѣ
Царицу грозную. . . . царицей всѣхѣ сер-
децѣ!

ОТВѢТЪ

на вопросъ Темиры: Отъ чего весною грустно?

Весна есть время возрожденья
Природы, щастья, наслажденья, —
Есть время нѣжности, любви,
Огня и томности въ крови.
Посмотримъ вкругъ себя: не все ли насъ заводитъ
Въ прелестныя мечты? Тамъ бархатный лужокъ;
Здѣсь въ *незабудочкахъ* журчащій ручеёкъ;
Тамъ пестру бабочку нашъ жадный взоръ находитъ,
И все по *новости* своей
Въ грудь чувства новыя вливаетъ;
Воображеніемъ, душей
Съ чудесной силою играетъ!
Цвѣточекъ ли свою головку наклонилъ:
Намъ кажется, что онъ лобзается Зефиромъ.
Какъ рѣзвый мотылекъ съ подружкою намъ милъ!
Все дышетъ роскошью!... И мы *забыты міромъ* (*),

(*) Темира, послѣ своего вопроса, сказала: Кажется, что *весною* мы оставлены цѣлымъ свѣтомъ.

И мы оставлены судьбой ;
Мы въ царствѣ радостей снѣдаемы тоской ! . . .
За чѣмъ ? . . . Но повѣсть мы *Наталіи* читали
И отъ нее самой узнали ,
Какъ нѣкогда *весной* ей показалось вдругъ ,
Что всѣ цвѣтки ростутъ *сам - другъ* ;
Что птички *парами* летаютъ ;
Что всѣ предметы рай какой - то представляютъ ! . . .
Темира ! наконецъ усердца своего
Развѣдай тайну всю — и *грустно* отъ чего ,
Оно тебѣ вѣрнѣе скажетъ ,
И *узелъ Гордіевъ* развяжетъ.

СКУКА.

Сердецъ чувствительныхъ припадокъ неизбѣжный,
О скука! гдѣ источникъ твой?
Или гдѣ вѣрный кровъ, надежный
Отъ ядовитымъ стрѣлъ, бросаемыхъ тобой?
Вчера въ сей хижинѣ укромной
Я всѣмъ доволенъ былъ, — смѣялся, говорилъ,
Читалъ или писалъ, и — словомъ — щастливъ былъ.
Сегодня для меня все видъ пріемлетъ томной,
А то же, также все, какъ было и вчера!
Ничто не трогаетъ души оцѣпенѣлой;
Исчезли прелести и книги и пера;
Берусь за все рукой не смѣлой
И оставляю — для того
Чтобы не дѣлать ничего!
Но, ахъ! сей врагъ души сильнѣе нападаетъ
Въ минуты праздности, когда душа ничѣмъ,
На зло самой себѣ, заняться не желаетъ;
Когда ей немило ни съ кѣмъ!
Жестокіе часы! . . . Ахъ! если въ самомъ дѣлѣ
Глупцы не вѣдаютъ сей немощи сердецъ,
Извѣстной моему: пускай же на недѣлѣ
Я буду раза три глупецъ!

СОНЪ.

Et j'ai dit au plaisir: Pourquoi m'as tu trompé?

Ecclésiaste.

Я видѣлъ Юлію во снѣ;
Она любовію ко мнѣ,
Какъ Сафо страстная, пылала;
И ласками меня, Фаона своего,
Съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ осыпала.
Я былъ щастливѣе любовника сего:
За славой тщетной не гонялся;
Одной любовью наслаждался;
Пилъ чашу роскоши, въ восторгахъ серд-
ца млѣлъ
На пламенной груди, среди красотъ небес-
ныхъ,
И умереть хотѣлъ
Въ объятіяхъ прелестныхъ! . . .
Но, ахъ! открылъ глаза —
И съ жизнью новою, постылой
Исчезло щастье вслѣдъ за милой!
Осталась горькая слеза
Въ дань истинѣ — увы! жестокой:
Томиться горестью глубокой,
Въ любовномъ тлѣть всегда огнѣ;
А щастье. . . . находить во снѣ!

Не

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ

на полученіе Ордена.

Увѣнчанный стократъ руками Грацій, Музъ
За твердый съ ними, ихъ достойнѣйшій
союзъ,
Ты нынѣ новый даръ пріемлешъ отъ Монарха
И отъ Отечества, признательныхъ къ
тебѣ. —
Въ потомствѣ *Карамзинъ* близъ *Тацита,
Плутарха*
И *Тита-Ливія* назначилъ ужъ себѣ
И мѣсто вѣрное и должныя награды! —
Пусть зависть ядъ ліетъ, отъ вѣчныя
досады,
На имя славное; но блѣдныя уста
Нещастной зависти сомкнутся, онѣмѣютъ;
Успѣха злобнаго разсѣется мечта,
И взоры Фуріи угаснутъ, помертвѣютъ!

ГЛАЗНОМУ ОПЕРАТОРУ ПОЗИНУ.

Другъ человѣчества! незнающій тебя,
Незнаемый тобою,
Но добродѣтели съ горячностью любя,
Тебѣ приноситъ дань сердечною слезою,
Растроганный въ душѣ своей
Твоимъ спасительнымъ искуствомъ,
А болѣ благостью твоей
И состраданія святымъ, небеснымъ чувствомъ! —

Ужасная судьба! среди семьи родной
Томится старецъ нищетой
И бѣлый свѣтъ ему темница:
Лишенный лучшаго изъ Божескихъ даровъ —
Зрѣть солнце и любезныхъ лица,
Тобой пріемлется подъ безкорыстный кровъ;
И тамъ рука твоя — для смертныхъ жизнь вторая,
Слѣпца покоя и питая,
Природы красоту и милый взоръ дѣтей,
Супругу и друзей —
Всѣ старцу радости земныя возвращаетъ,
Семейству вновь даетъ отца,

Вѣ обитель скорби вдругѣ блаженство водворяетѣ (*)! . . .
Достоинѣ подвигѣ твой гражданскаго вѣнца! . . .
Но *тамѣ* тебя вѣнецѣ нетлѣнный ожидаетѣ!

(*) См. № 31, стран. 866, параграфѣ 35 Московскихѣ Вѣдомостей на 1817 годѣ.

ТЯЖБА.

(Въ записную книжку И* И* Д***.)

Ѳемида съ Аполлономъ
Однажды ссорились Зевеса передъ трономъ,
Вь присутствіи Харитъ,
За ихъ питомца. — „Мнѣ," богъ свѣта говоритъ
„Онъ мнѣ принадлежитъ —
Судьба того хотѣла —
И долженъ быть моимъ безъ всякаго раздѣла:
Хариты милаго питомца своего
Науки и любви моей вручили вами."
Слава его
Потверждены тремя сестрами.
Но — справедливости богиня говоритъ —
Онъ больше мнѣ принадлежитъ!
Отецъ боговъ, рѣши: для свѣта что нужнѣе,
Пѣвецъ, или Судья? И тотъ, кто всѣхъ честнѣе,
Не долженъ ли навѣкъ слугою быть моимъ! —
„Владѣй Пѣвцомъ щастливымъ симъ!"
Ѳемидѣ рекъ Зевесъ: „но только лишь на время;
Пусть облегчитъ онъ бѣдныхъ бремя,
Отретъ слезу сиротъ, вдовицъ;
Вѣсы въ рукахъ твоихъ уставитъ,

На разность не смотря къ тебѣ идущихъ лицъ,
И Судіямъ примѣръ изящнѣйшій оставитъ.
Довольно!" И потомъ онъ къ Фебу обратясь,
Сказалъ ему: „Твои права равно священны:
Наставленный тобой, тобою вдохновенный,
Изъ храма истины въ твой храмъ уединясь,
Подъ сѣнью чистой славы,
Въ кругу Парнасскихъ дѣвъ и искреннихъ друзей,
Вкушая мудрыя забавы,
Да проведетъ своихъ остатокъ мирныхъ дней!"
И все сбылося такъ. Сынъ неба благодарной
Златыми струнами на лирѣ лучезарной
Волшебный, сладкій издалъ гласъ,
И возвѣстилъ, что нашъ Пѣвецъ опять у насъ.

ДОБРО.

Напрасно будете хвалить
Добро прекрасными словами:
Его не трудно полюбить
Вѣ словахѣ магическихѣ — устами;
Устами только — не душой!
Лишенный слуха не познаетѣ,
Сколь сладокѣ нѣжной арфы строй:
Ему безѣ пользы онѣ внимаетѣ!

*

Вотѣ случай бѣдному помочь;
Онѣ вѣ мукахѣ сердца предо мною:
Я *Ирѣ* для бѣднаго — и прочь
Иду сѣ холодною душою!
Но вотѣ утѣхѣ отверстый храмѣ;
Цирцей вѣ немѣ зритѣ мой взорѣ прельщенной:
Я тотчасѣ *Крезѣ* — и сыплю тамѣ
Дары средь нѣги утонченной.

*

Ахѣ! должно сердцемѣ испытать
Добра пріятность, наслажденье!
Принудьте рука разѣ подать —
И радость ждетѣ васѣ вѣ награжденье;

Не та, которой въ путь идетъ
Угрюма скука съ сожалѣньемъ;
Но радость — щастья милый цвѣтъ —
Съ чистѣйшимъ сердца упоеньемъ.

*

Пролить отраду и покой
Въ грудь бѣдной матери съ нещастной,
Лишенной крова сиротой;
Пылать къ добру любовью страстной,
И тайны слезы отереть
Красавицы, забытой рокомъ,
Готовой лучше умереть,
Чѣмъ опятнать себя порокомъ

*

Ахъ! сердцу въ цѣломъ мірѣ семъ
Ничто не можетъ быть милѣе!
Другое все лишь призракъ въ немъ! . . .
Спѣшите къ горестнымъ скорѣе,
Чтобъ щастье райское вкусить;
Ихъ щастье, радость — дѣло ваше —
Васъ будетъ вѣчно веселить,
И жизнь покажется вамъ краше!

ВЕСНА.

Еще пою тебя, дочь милая Природы!
И какъ твоихъ красотъ и благости не пѣть
Тому, кто другъ полей, другъ тишины,
свободы?
Ахъ! какъ бы я желалъ небесный даръ
имѣть
Делиллевъ, Томсоновъ! Что Креза всѣ стяжанья
Съ его холодною, безчувственной душой!
За алчность къ золоту всю муку наказанья
Онъ терпитъ съ Танталомъ! проводитъ
въ кладовой —
Въ святилищѣ его постыднаго кумира —
И день и ночь — и чтожь? ни дня, ни ночи нѣтъ
Щастливыхъ для него! ему пустыня свѣтъ,
Не милы прелести ликующаго міра
И люди всѣ враги! Онъ самъ себѣ позоръ;
Онъ всюду сирота!... Ужасная картина!
Ужасная судьба!... Я отвращаю взоръ —
И вижу: тамъ въ цвѣтахъ зеленая долина;
Тамъ пурпуръ запада верхи рисуетъ горъ;
Тамъ Цинтія взошла надъ синими лѣсами,
И смотрится въ кристаллъ журчащаго
ручья,
Который у меня течетъ передъ глазами —
И гимнъ въ душѣ моей!... Но пѣнье соловья

Мой умъ и чувства развлекаетъ,
И гимнъ достойнѣйшій Природѣ возсылаетъ!
Внимаю: трель гремитъ; вдругъ слышенъ ровный тонъ;
Перемѣняется, — и страсти всѣ движенья:
Надежда, радости, отчаянье и стонъ,
Ліютъ мнѣ въ грудь рѣкой всю сладость восхищенья
И горечь всю тоски; — пылаетъ, стынетъ кровь;
Вотъ дѣйствіе твое, весна! твое, любовь!
Орфей лѣсовъ свою ждетъ къ сердцу Эвридику.
Ахъ! онъ щастливѣе Фракійскаго пѣвца:
Природа съединитъ два страстныя сердца;
Любовь нетронула подземнаго владыку!

Какъ мирно вкругъ меня, и какъ душа моя
Съ вечерней роскошью, возсѣдшею на тронѣ —
Который всюду ей, весна, рука твоя
Поставила младой природы въ нѣжномъ лонѣ —
Душа моя паритъ далеко отъ суетъ, —
Пороковъ гибельныхъ и вѣтреннаго свѣта!
Уже прошли мои мечтательныя лѣта,
И въ людяхъ, въ обществѣ мнѣ больше нужды нѣтъ! —
Но сердцу милые (имѣю васъ!), придите,
И щастье тихое со мною раздѣлите!
Бываетъ *хорошо* намъ въ жизни и безъ васъ,

Но съ вами *лучше* восто разъ!
Что чувствую теперь, кому я открываю? . . .
Слова мои зефиръ разноситъ по лугамъ,
И можетъ ихъ принесть къ холоднѣйшимъ
сердцамъ!
Въ сей мысли посреди веселья унываю! —
Любовь къ Природѣ, будь всегда щитомъ
моимъ
Противу Рока и Фортуны!
Пусть надо мной гремятъ перуны, —
Спокоенъ буду я подъ нимъ!
И ежели въ груди моей ты не увянешъ,
Доколѣ не увяну самъ,
И не сойду во гробъ, — то въ жизни по
цвѣтамъ
Всегда водить меня ты станешь! . . .
Ахъ, нѣтъ! на жизненномъ пути
Такъ много тернія, что смертнымъ невоз-
можно
Всегда по немъ безъ ранъ чувствительныхъ
идти:
Намъ дань сію платить законамъ Неба
должно!
Я невредимъ — но другъ, но ближній мой
Печальны слезы проливаетъ;
Или въ часъ грозной роковой
Глаза навѣки закрываетъ! . . .
Могу ли щастливъ быть одинъ?
Могу. . . . благоговѣть предъ тайной Про-
видѣнья!
Природы-матери смиренный, нѣжный сынъ,
Могу еще взирать съ улыбкой наслажденья

На пиршество земли, на красоту небесъ,
И въ непостижности здѣсь видимыхъ чудесъ
Свой жребій постигать тамъ — жизни за предѣломъ. . .
Тамъ вѣчная весна для добрыхъ есть удѣломъ!

ИЗМѢНЧИВОСТЬ НАДЕЖДЫ.

Представьте бездну подъ ногами,
Которая отъ вашихъ глазъ
Сокрыта пестрыми цвѣтами:
Вы къ нимъ еще шагнули разъ —
И. . . ужасъ въ сердцѣ ощущаю!
И взоръ и мысли отвращаю
Отъ бѣдственной картины сей! . . .
Надежда то же для людей:
Она предъ нами озаряетъ
Сіяньемъ ложнымъ темный путь,
И въ сладкомъ нектарѣ вливаетъ
Ядъ лютый, смертоносный въ грудь:
Почувствуемъ его — но поздно!
Увидимъ въ образѣ благомъ. . . .
Не вѣримъ — смотримся кругомъ. . . .
Чудовище увидимъ грозно —
И охладѣетъ въ жилахъ кровь! . . .
Ахъ! еслибъ не было цвѣтовъ
Надъ бездною, сокрытой ими;
И еслибъ льстивыми своими
Надежда призраками вѣкъ
Души и сердца не плѣняла:
То былъ бы щастливъ человѣкъ,
И только бъ Парка окончала
Его спокойны, мирны дни:
Природой намъ даны они!

ЖЕНЩИНА.

Въ чемъ тайна власти надъ душою
Прелестной женщины для насъ?
Какою точно *красотою*
Блаженство рая каждый часъ
Для сердца, мыслей, вображенья
Она даритъ, какъ Фея, намъ?
Что служитъ силой привлеченья
Вниманью, чувству и глазамъ,
Когда *съ прелестною* бываю —
Одинъ ли въ сладкой тишинѣ,
Гдѣ цѣлый мiръ я забываю;
Иль въ шумѣ общества, гдѣ мнѣ
Она всего и всѣхъ милѣе? . . .
Улыбка, слово, взоръ ея
Проникнутъ молнiи быстрѣе
Мнѣ въ томну грудь — и щастливъ я! . . .
Любезность, умъ, иль нѣжность чувства,
Или наружны красоты,
Иль тонкость хитраго искуства,
Или волшебныя мечты,
Которыя играютъ нами,
Которыя творимъ мы сами,
Или все вмѣстѣ наконецъ
Магнитомъ истиннымъ, вѣрнѣйшимъ,
Утѣхъ источникомъ чистѣйшимъ
Дано вамъ небомъ для сердецъ,
О женщины! о полъ прелестный! . . .

О Лила, другъ души моей! . . .
Что жизнь? путь темный, неизвѣстный
Для жалкихъ странниковъ - людей!
Куда? за чѣмъ? . . . не отвѣчаю;
Но если я на немъ встрѣчаю,
Какъ Ангела, твою любовь:
Путь трудный радъ начать я вновь!

КЪ АЛИНѢ.

Мнѣ о любви твоей довольно
Одной щастливѣйшей мечты!
Ахъ! не разстанусь добровольно
Я съ нею ни за что! . . . А ты? . . .

*

Всѣ блага свѣта почитаю
За призракъ, ложь и суеты;
Тобою только занимаю
Всю душу, сердце, умъ! . . . А ты? . . .

*

Для глазъ моихъ блестятъ напрасно
Въ *Темирахъ*, въ *Хлояхъ* красоты:
Я взорами ищу всечасно
Твоихъ прелестныхъ глазъ! . . . А ты? . . .

*

Инаго дни текутъ такъ точно,
Какъ струйки свѣтлаго ручья;
Иной въ любви блаженство прочно
Вкушаетъ цѣлый вѣкъ! . . . А я? . . .

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ.

Мы щастливы — въ мечтахъ; нещастны — въ самомъ дѣлѣ;
Печаль — существенность, а радость — призракъ, сонъ:
Законъ, начертанный для каждаго въ удѣлѣ,
И каждому извѣстенъ онъ!

СЛАВА.

Желаю славы — для чего?
Что бы дѣлить ее съ Эльвирой;
Чтобъ трогать душу въ ней, и мысль и сердце лирой;
А безъ того
Мнѣ слава — ничего.

УСПѢХЪ.

Призвавъ на помощь Сатану,
Фирстъ въ карты выигралъ побольше мил-
лiона;
Купилъ прекрасный домъ, деревни и жену,
И наслаждается. . . . плодами слезъ и стона!

ЭКСПРОМТЪ.

Какое щастiе, Плѣнира, быть съ тобою!
Но какъ опасно имъ себѣ и сердцу льстить!
Ты можешь власть любви взять тотчасъ
надъ душою;
Но можешь ли сама любить?

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Лаира *фениксомъ* однажды названа
 Въ стихахъ моихъ. Вотъ смыслъ: она
 Останется навѣкъ *одна* —
За тѣмъ что съ красотой душа ей не дана!

ТУАЛЕТЪ.

Все утро занята Эфразія собою:
Наряда выборомъ, уборкой головы.
 За чѣмъ? — увы! . . .
Чтобы остатокъ дня казаться всѣмъ смѣшною!

РАЗНИЦА.

Михей наслѣдникомъ сталъ дядина имѣнья,
Но не наслѣдовалъ его благотворенья!

ВОПРОСЪ.

Когда не безъ души Михей,
То что онъ чувствуетъ, взирая на чертоги,
Сокровищь полные, гдѣ сотни двѣ людей
Отъ скупости его чуть чуть таскаютъ
ноги?

ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ.

„Все призракъ, все мечта на свѣтѣ:
За чѣмъ же въ свѣтѣ мы живемъ?"
Другой есть свѣтъ у насъ въ предметѣ,
Гдѣ истину одну найдемъ.

На ежегодное брачное торжество

М. М. и Е. Л. Сонцовыхъ.

Богъ щастья кроткаго, другъ тихихъ, мирныхъ дней,
До капли чашу благъ своихъ, Гименъ! излей
На вѣрную чету священному обѣту,
Произнесенному предъ олтаремъ твоимъ;
Чету, подавшую примѣръ прекрасный свѣту
Въ теченіе трехъ люстръ согласіемъ своимъ!

Къ Н. Д. И.—Писареву,

при полученіи мною въ подарокъ экземпляра сочиненій его и переводовъ.

Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ украшенный плодами
Холмовъ Сіона, ты на поприще пѣвцовъ
И славы предстаешь съ достойными стихами
Любимыхъ Фебовыхъ сыновъ!

КЪ В. Л. ПУШКИНУ,

въ день его рожденія 27 Апрѣля.

Отъ странъ щасшливѣйшихъ повѣяли Зефиры
На хладный Сѣверъ нашъ — и ты родился въ свѣтъ.
Природа въ торжествѣ сказала: „Будь Поэтъ!“
И сладкій гласъ твоей давно внимаемъ лиры.

КЪ М. Ф. ЛЕНСКОЙ,

при подаркѣ ларчикомъ въ день ея рожденія.

Вотъ ларчикъ въ даръ тебѣ. Но онъ не отъ Пандоры! —
Рожденной съ прелестьми Харитъ
И съ красотою Никофоры,
Отъ золъ земныхъ тебѣ да будетъ Небо щитъ!

ДѢЙСТВІЕ ЛѢТЪ.

Какъ лѣта все перемѣняютъ —
Привычки, мысли, чувства, нравъ!
Едва оттѣнку оставляютъ
Того, что было — и забавъ,
И горести, и утѣшенья,
И склонности, и отвращенья,
Надеждъ, желаній и суетъ
Другіе надобны предметы!
Потомъ и опытовъ совѣты;
Потомъ прости, волшебный свѣтъ!

*

Бывало, напримѣръ, въ бесѣдѣ
Невѣжда хвалитъ разумъ свой;
Или на праздничномъ обѣдѣ
Въ сосѣдствѣ Вакховъ жрецъ со мной;
И гимны съ тучными парами
Несутся смѣлыми устами
Къ хозяину въ отверстый слухъ,
И утѣшаютъ слабый духъ —
За чѣмъ? для всякаго понятно:
Гостямъ такъ весело, пріятно! . . .
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно;
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно!

*

Бывало скучная вралиха,
Желая милой, умной быть;
Или сѣдая щеголиха
О грузѣ лѣтъ своихъ забыть,
Въ другихъ зѣвоту возбуждаютъ;
Меня чрезмѣрно забавляютъ;
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно:
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно!

*

Бывало рѣзвая кокетка,
Съ пустой, холодною душой,
Вертится кстати: какъ рулетка,
Своихъ рабовъ передъ толпой;
Тотъ роль играетъ Селадона,
А этотъ прямо Купидона;
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно:
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно!

*

Бывало томная жеманка
Словами гонитъ дерзкихъ прочь,
Тогда какъ на глазахъ приманка, —
И бѣдный страждетъ день и ночь —
Любовникъ мнимыя *Сусанны*
Кто, въ страсти, видитъ ложь, обманы!
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно:
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно!

*

Бывало гордостью надутый,
Какъ на ручьѣ пузырь весной,
Предъ знатными въ дугу согнутый,

Тезъ нихъ — упругой дубъ, прямой,
Хвастунъ за тайну открываетъ,
Что съ ними въ тайнахъ онъ бываетъ;
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно:
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно!

*

Бывало наши *Ликофроны*
Стихами, прозой душатъ васъ,
И вы клянете *Геликоны*,
Пермески токи и *Парнассъ* —
Весь этотъ вздоръ ничтожно-звучный,
Съ талантомъ *бѣднымъ* неразлучный;
Смѣюсь отъ сердца, хоть грѣшно:
Теперь мнѣ жалко — не смѣшно

*

Бывало полно *о бываломъ*!
Пускай останется оно
Подъ темнымъ Крона покрываломъ;
Но вотъ что мнѣ *навѣкъ* дано:
Мечтать — съ живѣйшимъ восхищеньемъ,
Съ тоской, отрадой, заблужденьемъ,
Съ огнемъ, волненіемъ въ крови —
Мечтать о щастливой любви,
О радостяхъ ея небесныхъ,
И тамъ — не знаю гдѣ — творить
Другой и лучшій міръ конечно —
Чтобъ въ немъ безъ горести любить,
Любовью наслаждаться вѣчно!

БАСНИ.

I.

Жизнь и Щастіе.

Признайся, Щастіе, что небо для меня,
Для радостей моихъ тебя въ сей міръ послало;
А ты не проведешь со мной почти ни дня,
И не заботишься о мнѣ нимало.
Не стыдно ли тебѣ?
Неблагодарное! я за тобой гоняюсь
И всѣми узами къ себѣ
Навѣки привязать стараюсь:
Богатствомъ, почестьми, пирами и молвой —
Короче же сказать: утѣхами и славой? —
Ты хочешь, Жизнь, меня заставить жить съ тобой
Смертельною отравой?
Прекрасной способъ! Нѣтъ!
Употреби другія:
Разсудокъ, чувство, умъ, при нихъ дѣла благія —
И мы навѣкъ друзья! Насъ разлучаетъ свѣтъ:
Онъ для всего даетъ тебѣ свои законы;
Ты имъ покорствуя, таишь не рѣдко стоны;
Онъ твой тиранъ; а я тирановъ не люблю,
И для того оковъ съ тобою не дѣлю.

II.

ОРЕЛЪ, СОРОКИ И ВОРОНЫ.

Великодушный сильный царь
Воздушныхъ областей, Орелъ, взираетъ
Съ презрѣньемъ на пернату тварь,
Которая ему несносно докучаетъ
Своими криками; но онъ
Терпенье наконецъ теряетъ:
Щебечущихъ сорокъ, каркающихъ воронъ
Въ когтяхъ державныхъ умерщвляетъ.

*

Такъ Критикъ-Буало подчасъ своимъ перомъ
Бросаетъ мѣткій громъ
На сихъ — увы! — сорокъ, воронъ въ Литтературѣ,
Которые на зло и людямъ и Натурѣ,
И чувству и уму
Шумятъ безъ умолка и прозой и стихами,
И воздаютъ хвалу и честь и славу сами
Таланту своему!

III.

БУМАГА И ПЕРО.

„Скажи мнѣ искренно, всегда ли умъ, иль
чувство
Меня, безмолвную, пестрить тебѣ велятъ?
Всегда ли знанье, вкусъ, искуство
Людей на счетъ мой веселятъ?"
Спросила нѣкогда страдалица Бумага
У легкаго Пера, которое въ отвѣтъ
Сказало тотчасъ ей: Мой властелинъ —
отвага;
Съ ней покоряютъ свѣтъ!

IV.

ТАЛАНТЪ И ХАРАКТЕРЪ.

„Признаться ли" — сказалъ Таланту Характеръ —
„Что мнѣ подчасъ завидно,
Подчасъ обидно,
Когда любуются — не рѣдко выше мѣръ —
Тобой однимъ; когда тебя лишь превозносятъ,
А обо мнѣ вовѣкъ не спросятъ,
Каковъ, и существую ль я! . . .
Вотъ участь при тебѣ моя!"
Будь справедливѣе — соперникъ отвѣчаетъ —
Тебя — такъ кажется — никто не замѣчаетъ,
Когда соединить угодно насъ судьбѣ;
Но, смѣло говорю, *послѣднюю* тебѣ
Приноситъ всякой дань любви и уваженья,
Или. . . . презрѣнья.

КЪ ДЕЛЬФИРѢ.

При посвященіи ей моихъ романсовъ.

Ахъ! какъ мила мнѣ лира,
Краса щастливыхъ дней!
Въ твоихъ глазахъ, Дельфира!
Учился я на ней.

Могу ль не быть пріятнымъ
Для нѣжныхъ душъ пѣвцомъ,
Когда для нихъ понятнымъ
Владѣю языкомъ?

Изъ устъ твоихъ прекрасныхъ
Я въ немъ уроки бралъ,
И всѣ оттѣнки страстныхъ,
Сердечныхъ словъ узналъ.

Улыбка, вздохъ, молчанье,
Пониклый, томный взоръ,
Задумчивость, мечтанье —
Все въ страсти разговоръ;

Все служитъ наставленьемъ,
Наукой для пѣвца:
Съ любовнымъ вдохновеньемъ
Онъ тронетъ всѣ сердца!

Дельфира! вдохновенный
Любовію твоей,
Я вижу миртъ нетлѣнный
Надъ лирою моей!

РОМАНСЫ.

I.

Сердцу надобно другое;
Одному — пустыня свѣтъ!
Съ милой все милѣе вдвое;
Въ самомъ горѣ горя нѣтъ! —

*

Такъ въ груди моей унылой
Говорило сердце мнѣ;
Взоръ искалъ повсюду *милой*;
Видѣлъ — призраки однѣ!

*

Нина томной красотою
Обѣщаетъ рай утѣхъ;
Но холодною душою
Охладитъ въ минуту всѣхъ!

*

Лила блескомъ ослѣпляетъ
И талантовъ, и ума;
Но, къ нещастью, слишкомъ знаетъ
Объ умѣ своемъ сама!

*

Вдругъ увидѣлъ я Дельфиру,
И сказалъ въ душѣ моей:
Ты красою служишь міру! . . .
Будь моихъ красою дней!

II.

Пловецъ въ волнахъ могилу
Страшится ископать,
И всю сбираетъ силу,
Чтобъ къ берегу пристать.

*

Я также устрашался
Быть жертвою любви,
И угасить старался
Огонь ея въ крови.

*

Огонь не угасаетъ
Предъ взоромъ милыхъ глазъ;
Но съ каждымъ днемъ пылаетъ
Сильнѣе во сто разъ!

*

Рѣшаюсь на разлуку —
И что же? я терплю
Ужасну горесть, муку
И болѣе люблю!

III.

Будь мнѣ отрадой, томная лира,
Въ скукѣ и грусти — спутницъ моихъ!
Щастье и радость тамъ, гдѣ Эльвира:
Я безъ Эльвиры, сердце безъ нихъ!

*

Въ дикой пустынѣ, съ хладной душою
Легче вѣкъ цѣлый, легче прожить,
Чѣмъ разлучиться на день лишь съ тою,
Дни для которой мило хранить!

*

Вижу Природу, юную снова;
Слышу весеннихъ птичекъ напѣвъ;
Все расцвѣтаетъ — лугъ и дуброва:
Мнѣ лишь послало Небо свой гнѣвъ!

*

Что же душею, томная лира,
Будетъ для тихихъ звуковъ твоихъ?
Всѣ наслажденья тамъ, гдѣ Эльвира:
Я безъ Эльвиры, сердце безъ нихъ!

IV.

Спокойныхъ и щастливыхъ
Я вижу вкругъ себя!
Ищу судьбой гонимыхъ:
Со мною нѣтъ тебя!

*

Мнѣ скорбь и грусть милѣе
Въ отсутствіи твоемъ;
Съ печалью веселѣе,
Когда я съ ней вдвоемъ!

*

Но если взоръ твой милой
Предстанетъ моему;
То вмигъ волшебной силой
Дастъ прелести всему!

*

Тогда всѣ люди въ мірѣ
Друзья и братья мнѣ;
Рука летитъ по лирѣ;
Душа моя въ огнѣ!

V.

Я лиру покидаю,
И Хлоѣ не пѣвецъ!
Щастливцамъ оставляю
И славу и вѣнецъ.

*

Всесильной, нѣжной страсти
Я лиру посвятилъ;
У Хлои былъ во власти,
И Хлоѣ въ пѣсняхъ льстилъ.

*

Любовь находитъ сладость
Отъ сердца милой льстить:
Любви дано всю радость
Въ восторгахъ находить!

*

И Хлоя Аполлону
Внимала своему;
Плела изъ розъ корону
За кажду пѣснь ему.

*

Но, ахъ! не сердце ими —
Лишь слухъ плѣняемъ былъ!
И Хлоѣ вмѣстѣ съ ними
Забавой я служилъ!

*

Нѣтъ! . . . лиру покидаю:
Я Хлоѣ не пѣвецъ!
Щастливцамъ оставляю
И славу и вѣнецъ.

VI.

Знаю, грусть, тоска! я васъ;
Знаю сердцемъ и душою!
Ахъ! кто съ грустью, кто съ тоскою
Не знакомъ, друзья, изъ насъ?

*

Но за горемъ для другихъ
Есть отрада, утѣшенье;
Мнѣ же въ горѣ облегченье
Лишь источникъ слезъ моихъ!

*

Я Дельфирой не любимъ!
Для меня пустыня въ мірѣ!
Щастья не нашедъ въ Дельфирѣ,
Я навѣкъ простился съ нимъ!

*

Жизнь мила подчасъ мечтой:
Кто простился и съ мечтами,
Тотъ оставленъ Небесами,
И забытъ своей судьбой!

VII.

Полно, сердце, заблуждаться,
Полно бабочкою быть;
На цвѣточки вѣкъ бросаться,
И терновникъ находить!

*

Ахъ! Лизета мнѣ твердила
Всякой часъ: *Люблю тебя!*
И, казалось, находила
Въ томъ все щастье для себя.

*

Лизой жилъ я, и прельщался
Жизнью сладостной моей;
Лизой только занимался;
Всю вселенну видѣлъ въ ней.

*

Но — увы! — она писала
На пескѣ слова свои!...
Вѣтръ повѣялъ, и умчала
Буря всѣ мечты мои!

*

Хлоя знаки мнѣ явила
Самой пламенной любви,
И угасшій воспалила
Снова жаръ въ моей крови.

*

Снова сердце растворилось
Къ чувству радостей живыхъ;
Снова щастьемъ обольстилось
Биться только лишь для нихъ.

*

Ахъ! я слезы лью невольно!
Ихъ велитъ мнѣ горесть лить:
Хлоя женщина! . . . Довольно!
Я клянуся не любить!

*

Полно, сердце, заблуждаться,
Полно бабочкою быть;
На цвѣточки вѣкъ бросаться,
И терновникъ находить!

VIII.

Другъ души моей со мною;
Я дѣлю съ нимъ каждый часъ —
И блаженною судьбою
Все украшено для насъ!

*

Ахъ! любовь милѣе славы!
Пусть герой летитъ на брань,
И побѣдъ вѣнокъ кровавый
Принесетъ любезной въ дань.

*

Пусть наградой за разлуку
Призракѣ щастья будетѣ имѣ;
Пусть сердечну терпятѣ муку
За холодный, тщетный дымѣ!

*

Нѣтѣ! для славы не останусь
Слезы лить вѣ тоскѣ одна;
Для любви. . . . сѣ душей разстанусь:
Жизнь для щастья намѣ дана!

*

Сѣ милымѣ свѣтѣ и люди милы;
Безѣ него несносенѣ свѣтѣ,
Люди тягостны, постылы,
И ни вѣ чемѣ отрады нѣтѣ!

*

Другѣ души моей со мною;
Я дѣлю сѣ нимѣ каждый часѣ —
И блаженною судьбою
Все украшено для насѣ!

СТИХИ

ДЛЯ АЛЬБОМОВЪ.

I.

Любезной дѣвицѣ, которую зовутъ Вѣрою.

Мнѣ должно первому (пріятный сердцу долгъ,
Которымъ ты меня почтила!)
Писать на сихъ листкахъ! Стиховъ любезный богъ!
Питомцу твоему въ Альбомѣ семъ (*) вручила
Невинность милая прелестный образъ свой:
Води же самъ моей рукой!
Невинность для тебя всего милѣе въ свѣтѣ —
И первымъ качествомъ ей должно быть въ поэтѣ!
Порокъ противенъ небесамъ;
А лесть — безславіе стихамъ!
Къ тебѣ я наконецъ, о Вѣра! обращаюсь;
Твоею благостью святою восхищаюсь!
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ и щастья для людей;
Ты солнце радости ихъ мрачныхъ, бурныхъ дней;

(*) На бѣлыхъ, и только бѣлыхъ его листочкахъ ничего еще не было написано.

Съ тобою горестный находитъ всю отраду;
Твои сопутники — надежда и любовь!
Страдалецъ видитъ въ нихъ сладчайшую
награду
За скорби въ жизни сей, и жить желаетъ
вновь.
Кто добродѣтели въ душѣ своей *не вѣритъ*;
Тотъ дѣлая добро, предъ нами лицемѣритъ!
Безъ Вѣры все мечта, все призракъ, все
обманъ;
Темница здѣшній свѣтъ, а человѣкъ --
тиранъ!
Но съ Вѣрою какъ благъ, какъ нѣженъ онъ
душою!
Какъ сердцемъ милостивъ и какъ великъ
умомъ! . . .
Довольно! съ *бѣлыми листками* твой Альбомъ
Мнѣ подалъ о тебѣ съ тобою
Пріятный случай говорить! . . .
Но помню: *все сказать, есть тайна скучнымъ быть* (*)!

(*) Le secret d'ennuyer est celui de tout dire.

II.

Е*** П*** О—й.

Альбомъ красавицы есть то же для поэта
Не баснословныхъ, — нашихъ дней,
Что Аполлоновыхъ взоръ пламенныхъ очей
Былъ для пѣвцовъ того щастливѣйшаго
свѣта,
Когда самъ богъ стиховъ имъ лиру подавалъ
И самъ играть на лирѣ —
Въ безпечности златой и въ беззаботномъ
мирѣ —
Охоту и восторгъ въ грудь смертному вли-
валъ!
А намъ красавица, съ своимъ въ рукѣ Аль-
бомомъ,
Съ улыбкой льстивой на устахъ,
Въ очаровательныхъ словахъ,
Желанье оказавъ, — чтобы *на память
въ ономъ*
Поэтъ оставилъ что-нибудь, —
Къ душѣ и сердцу тотчасъ путь
Откроетъ вдохновенью —
И онъ готовъ къ паренью! . . .
Уже покинулъ землю онъ
Уже на небесахъ. . . . Но долженъ опу-
ститься!

Таковъ, къ нещастію, законъ
Альбома строгаго! Все должно заключиться
Лишь въ двухъ, иль трехъ стихахъ:
,,Судьбой моей горжуся,
Что буду жить я въ сихъ листкахъ;
Но буду ль *у тебя* жить въ памяти — не льщуся!"

III.

НОВОЙ ЗНАКОМКѢ.

Я говорилъ съ тобой — и сердце повторяло
Въ груди моей слова любезныя твои!
Я говорилъ съ тобой — и щастье озаряло
Воображенье, мысль и чувствія мои!

*

Я говорилъ съ тобой — и въ мнѣньи утверждался,
Что ты одарена талантами, умомъ;
Я говорилъ съ тобой — и тайно восхищался,
Что *напишу стихи въ безцѣнный твой Альбомъ* (*)!

(*) Который былъ поводомъ къ разговору съ новою знакомкою.

IV.

В* И* К***.

Дозволишь ли ты мнѣ, любезный мой Поэтъ,
Подать тебѣ въ стихахъ усерднѣйшій со-
вѣтъ —
На память искренней пріязни?
По праву опытовъ моихъ, по праву лѣтъ
Сказать открыто, безъ боязни
О томъ, что нахожу полезнымъ для тебя,
Таланты, истину и ближняго любя? —
И такъ для выгоды предметовъ сихъ свя-
щенныхъ,
И слѣдственно твоей,
Я къ дѣлу приступлю. Наука *знать людей*
Должна быть съ юности наукою рожден-
ныхъ,
Какъ ты, съ чувствительной душой, —
Чтобъ послѣ не платить раскаянья слезой
За горестный обманъ наружности при-
творной
Въ любви и дружбѣ — сихъ
Властительницъ твоихъ:
Извѣстно это мнѣ. Будь рыцарь ихъ по-
корной,
Но только не герой Сервантовъ, — или ты
Игралищемъ своей останешься мечты,
И больше ничего! Съ мущинами будь скро-
менъ;
Молвь слово о себѣ, и десять жди отъ нихъ;

А съ женщинами будь ни холоденъ, ни-
томенъ, —
Учтивъ — и будешь милъ для тѣхъ и для
другихъ.
Надежность твердая, увѣренность слѣпая,
Что можемъ занимать собою всякой часъ,
И всѣхъ и каждаго, — ужасный вредъ для насъ!
Тѣнь мрачная, густая
Для нашихъ истинныхъ достоинствъ! Эго-
истъ,
Или поруски, кто безъ милости рѣчистъ,
Въ большемъ ли обществѣ, или короткихъ
съ нами,
Несносенъ съ лучшими идеями, словами!
Цѣни себя, свой даръ, познанія свои,
Но не всходи отнюдь на каѳедру въ бесѣдѣ, —
Иль будутъ тягостны всѣмъ лекціи твои,
Смѣшны и жалки! Будь на ужинѣ, обѣдѣ,
На вечеринкѣ *гость пріятнѣйшій всегда*;
И для того другимъ дай случай иногда
Блеснуть талантами — нѣтъ нужды,
что съ твоими
Равняться имъ нельзя; но ты *равняйся*
съ ними:
Вотъ т а й н а вѣрная любезнымъ прямо
быть! . . .
Но мнѣ пора перо сухое положить,
И снисхожденія просить
У юнаго Поэта
Къ усердью моего нельстиваго совѣта.

V.

Н. Д. И. — ПИСАРЕВУ.

Ты можешь, другъ-Поэтъ, по праву укра-
шать
Альбома своего листочки именами
Любимцевъ Грацій, Музъ. Но я по праву
стать
Могуль въ ряду съ безсмертными пѣв-
цами? . . .
Могу, могу, когда мнѣ *дружба* уголокъ
Отводитъ въ храминѣ у феба!
Любить, любимымъ быть — вотъ лучшій
въ мірѣ рокъ,
И лучшій даръ отъ Неба!

VI.

Е*** А*** Н — й.

Чего не говорилъ покорный вашъ поэтъ
　　Въ Альбомахъ, прозой и стихами!
Но для идей, для чувствъ границъ, я вижу, нѣтъ,
Когда мы говоришь имѣемъ щастье съ вами!
Лишь взглянешъ на *Альбомъ* — и тотчасъ фебовъ жаръ
　　Прольется быстро въ грудь рѣкою;
Родятся вмигъ слова, идеи, чувства, даръ —
И я готовъ весь день *Гомеромъ* быть съ тобою! . . .
Но, Хлоя, не страшись! я знаю, что другой
Ждетъ съ нетерпѣніемъ *любезнаго* Альбома
(Которой, думаю, бываетъ рѣдко дома);
Другаго можетъ быть милѣе стихъ, чѣмъ мой! . . .
Мысль грустная! . . . *Пѣвцовъ* — увы! — *различны доли*;
　　Не всѣ восходятъ въ Капитолій:
　　Невольно помню — и молчу,
И дань судьбѣ моей смиреніемъ плачу!

VII.

ДЛЯ МОЕГО АЛЬБОМА.

Пружина дѣйствій всѣхъ людскихъ,
Сокрытыхъ, явныхъ, непорочныхъ,
Похвальныхъ, добрыхъ, вредныхъ, злыхъ,
И замысловъ великихъ, прочныхъ,
И мѣлкихъ, вѣтренныхъ затѣй —
Всего, что въ мірѣ поднебесномъ,
Въ кругу обширномъ или тѣсномъ
Надеждъ, желаній и страстей
Ни происходитъ, ни творится —
О свято-чтима буква *Я*!
Тебѣ кѣмъ ладанъ не курится?
И такъ вотъ жертва и моя.

Проживъ, какъ день одинъ, полвѣка,
Какой я собралъ съ жизни плодъ?
Узналъ и свѣтъ и человѣка;
Узналъ жестокость непогодъ
На бурномъ океанѣ Крона;
Узналъ ничтожность суеты,
Отъ бѣдной хижины до трона;
Узналъ обманы и мечты
Ума, невѣжества, ученья;
Узналъ подъ медомъ скрытый ядъ
Въ услугахъ, въ дружбѣ увѣренья;
Узналъ волшебный, льстивый взглядъ

Любви на розахъ грудь - колючихъ;
Узналъ всю муку слезъ горючихъ
Своихъ, чужихъ; узналъ — и что жь?
Укрылся ль въ пристани надежной?
Набрегъ ступилъ ли безмятежной? . . .
Гдѣ пристань, брегъ? . . . Увы! все ложь!
Нѣтъ пристани, нѣтъ брега въ мірѣ! . . .
Есть! есть! но тамъ, въ другомъ, для тѣхъ,
Которыхъ сердце и въ порфирѣ
И въ рубищѣ любило всѣхъ;
Любило для любви небесной,
Сердцамъ холоднымъ неизвѣстной!
За то и брегъ и пристань имъ,
Съ весельемъ чистымъ и живымъ,
Не будутъ никогда извѣстны;
Ихъ будутъ окружать ввѣкъ бездны!

Внимая сердцу своему,
Спокойствомъ *нѣкогда* ласкаюсь;
Но между тѣмъ въ ладьѣ скитаюсь
По зыбкому валу сему,
Который *жизнію* зовется;
Плыву, пока не разобьеться
О камень утлая ладья
И не сойду въ пучину я;
Плыву и въ ведро и въ ненастья
За призракомъ, за тѣнью щастья,
За блескомъ водяныхъ огней,
За голосомъ Сиренъ опасныхъ;
На островъ выхожу Цирцей,
Очаровательныхъ, всевластныхъ
Но я — увы! — не Одиссей!

Все то, что истины имѣетъ
Языкъ и видъ, душой моей
Въ одно мгновенье овладѣетъ;
И я игралищемъ не разъ
Прелестныхъ словъ, улыбки, глазъ
Бывалъ и буду! Такъ стремится
По скату на лугу ручей:
Душа невольно покорится
Тому, что втайнѣ мило ей!

НАДПИСИ.

I.

К ПОРТРЕТУ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Благоговѣйными очами
Взирая на Твои божественны черты,
Въ восторгѣ думаю: Ты царствуешь надъ нами
Небесной властію душевной красоты!

II.

Къ бюсту

Жан-Жака Руссо.

Эмиль въ твоихъ очахъ, въ улыбкѣ —
Элоиза;
На сердцѣ — твоего безсмертнаго *девиза*
Священныя слова (*).... и ты передо мной:
Могу ли брать перо холодною рукой!

III.

Къ портрету

К. П. И. Багратіона.

Онъ славою своей былъ одолженъ — себѣ;
И кончилъ жизнь, служа, Отечество! тебѣ

(*) Vitam impendere vero. Т. е. *преданный истинѣ*

IV.

Къ солнечнымъ часамъ.

И радость и печаль мелькаютъ такъ, какъ тѣнь;
Но щастье совѣсти есть свѣтлый жизни день.

V.

Къ портрету

К. П. Д. Цицiанова.

Сарматъ и Персъ руки его познали громъ;
Отечество и Царь — заслуги, дарованья;
Онъ былъ великъ душей, умомъ,
И зависть осудилъ на вѣчныя терзанья.

VI.

КЪ ЕГО ЖЕ ПОРТРЕТУ.

Героевѣ истинныхѣ онѣ духѣ имѣлѣ и нравы:
Жилѣ для родныхѣ, друзей, отечества и славы.

VII.

Къ силуэту ЭЛЬВИРЫ.

Пусть взглянетѣ *Лафатеръ* на этотѣ силуэтѣ —
На тѣнь одну лица — и вѣрно вѣ немѣ найдетѣ
Всѣ качества души прекрасной, несравненной;
Умѣ, сердце нѣжное, нравѣ кроткой, откровенной.

VIII.

Къ портрету

Алины.

Пастушка чувствами, Аспазія умомъ,
Осанкой Грація и Душенка лицомъ;
Для мужа — цѣлый свѣтъ; для свѣта — украшенье;
Друзьямъ, роднымъ, семьѣ — отрада, утѣшенье.

IX.

Къ портрету.

Амуръ бы Душенькѣ невольно измѣнилъ
При первой встрѣчѣ съ К вой;
Летать бы вовсе позабылъ,
И сладость вѣрности позналъ бы въ страсти новой.

X.

Къ портрету

Б. Е. Герсеванова.

Какъ жаль, что кисть, рѣзецъ
Въ удѣлъ свой получили мало:
Не могутъ намъ для глазъ изобразить сер-
децъ!
А иначебъ твое здѣсь красотой сіяло.

XI.

Къ саду

Графа А. К. Разумовскаго,

на Гороховомъ полѣ.

Наука Гиршфельда, Ленотрово искуство,
Делилля тонкій вкусъ въ воспѣтыхъ имъ
садахъ —
Все въ очарованныхъ здѣсь зрителя глазахъ,
И все плѣняетъ вдругъ и мысль, и умъ, и
чувство!

Эпитафіи.

I.

ЕЛИСАВЕТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ ХЕРАСКОВОЙ.

Накинь печальное на взоры покрывало,
Аглая, — возстени: Херасковой не стало!
Чего лишалась ты. . . . не говори о томъ:
Не все ли сказано здѣсь въ имени одномъ!

II.

ГАВРИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ.

Здѣсь прахъ Державина! . . . Нужна ли похвала
При имени великомъ?
Нужналь она тому, чьи славились дѣла,
Кто обладалъ боговъ языкомъ?

III.

П. М. РЫМСКОМУ-КОРСАКОВУ.

И дружба и любовь оплакали его;
Онъ жилъ для нихъ, и имъ вручилъ свой
вздохъ послѣднiй.
Въ слезахъ надъ урной сей талантовъ
скромныхъ Генiй
Сказалъ: И я лишенъ питомца своего!

IV.

К. П. А. БАГРАТIОНОВОЙ.

Сложила бренiе юдоли слезной сей,
И къ вѣчности душей чистѣйшей воспа-
рила.
Тамъ Вѣра въ срѣтенье была готова ей,
И къ Богу въ торжествѣ ее препроводила.

V.

СМИСКМУ.

Любовь! на кипарисѣ, посаженный тобою,
Повѣсь изъ бѣлыхъ розъ вѣнецъ....
Жестокая! ты всѣмъ чувствительнымъ душою
Готовишь *Вертеровъ* конецъ!

VI.

МЛАДЕНЦУ.

Не слезы лить о немъ — разсудокъ говоритъ —
Завидовать его судьбѣ щастливой должно.
Но сердца истина сія не убѣдитъ:
Отцу и матери не плакать невозможно!

VII.

РОДНОИ.

Разстались здѣсь — но тамъ увидѣмся
опять!
Не вѣчную кладетъ препону намъ могила
Любезнѣйшихъ для насъ вновь радостно
обнять:
Родная! смерть лишь насъ на-время
разлучила!

VIII.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Кто въ мірѣ, такъ какъ ты, по смерти
оставляетъ
Любезну память добрыхъ дѣлъ;
Того на небесахъ съ любовью Богъ встрѣ-
чаетъ;
Тому сѣнь райская удѣлъ!

IX.

Юной дѣвицѣ.

За чѣмъ цвѣла ты здѣсь? . . . чтобъ хладною рукою
Жестокой смерти Нѣтъ! завиденъ жребій твой:
Безъ горестей въ душѣ, съ невинностью святою
Изъ міра ложныхъ благъ ты перешла въ иной.

X.

Ему.

Онъ такъ на свѣтѣ жилъ,
Что эпитафіи — увы! . . . не заслужилъ!

Конецъ.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на сію книгу.

Въ Москвѣ.

Ихъ Сіятельства:

Графиня Софья Алексѣевна Мусина-Пушкина.
Князь Андрей Петровичь Оболенскій.
Князь Сергей Сергеевичь Гагаринъ.
Князь Сергей Ивановичь Голицынъ.
Князь Петръ Дмитріевичь Циціановъ.
Князь Дмитрій Дмитріевичь Циціановъ.
Князь Владиміръ Ивановичь Долгорукій.
Князь Егоръ Александровичь Дадьяновъ.
Графъ Федоръ Ивановичь Толстой.

Ихъ Высокопревосходительства:

Иванъ Ивановичь Дмитріевъ.
Степанъ Степановичь Апраксинъ.

Ихъ Превосходительства:

Елисавета Ивановна Корфъ.
Катерина Алексѣевна Рябинина.
Надежда Николаевна Петрова.
Паисій Сергеевичь Кайсаровъ.
Павелъ Дмитріевичь Киселевъ.
Денисъ Васильевичь Давыдовъ.
Алексѣй Федоровичь Малиновскій.
Алексѣй Михайловичь Пушкинъ.
Николай Ивановичь Брусиловъ.
Константинъ Яковлевичь Булгаковъ.
Александръ Александровичь Башиловъ.
Николай Степановичь Андреевскій.

Андрей Александровичъ Петрово - Соловово.
Иванъ Петровичъ Поливановъ.
Николай Андреевичъ Шишкинъ.

Ихъ Высокородія:

Николай Евгеніевичъ Кашкинъ.
Николай Александровичъ Лунинъ.
Николай Сергеевичъ Солтыковъ.
Александръ Васильевичъ Исленьевъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Катерина Дмитріевна Муханова.
Катерина Андреевна Волкова.
Анна Львовна Пушкина.
Елисавета Львовна Сонцова.
Анна Петровна Бунина.
Катерина Алексѣевна Овчинникова.
Елисавета Семеновна Облеухова.
Платонъ Петровичъ Бекетовъ.
Василій Львовичъ Пушкинъ.
Александръ Ивановичъ Данилевскій.
Павелъ Алексѣевичъ Ржевскій.
Борисъ Егоровичъ Герсевановъ.
Александръ Степановичъ Талызинъ.
Николай Дмитріевичъ И. - Писаревъ.
Николай Алексѣевичъ Бекетовъ.
Федоръ Сергеевичъ Бородовицынъ.
Ипполитъ Петровичъ Маскле.
Адамъ Ивановичъ Челищевъ.
Петръ Александровичъ Алексѣевъ.
Сергей Герасимовичъ Савинъ.
Дмитрій Петровичъ Глѣбовъ.
Федоръ Семеновичъ Мосоловъ.

Степанъ Дмитрiевичь Нечаевъ.
Василiй Михайловичь Колосовъ.
Аркадiй Львовичь Потехинъ.
Александръ Николаевичь Соймановъ.
Ипполитъ Ивановичь Подчашскiй.
Федоръ Никитичь Спичинскiй.
Александръ Ильичь Баскаковъ.
Михайло Николаевичь Макаровъ.
Алексадръ Алексѣевичь Темешевъ.
Александръ Абрамовичь Волковъ.
Николай Михайловичь Шапровъ.
Дмитрiй Потаповичь Шелеховъ.
Иванъ Петровичь Крюковъ.
Алексѣй Михайловичь Замятинъ.
Павелъ Николаевичь Мяснаго.
Андреянъ Ивановичь Виноградовъ.
Неизвѣстная Особа.

Ихъ Благородiя:

Константинъ Алексѣевичь Охотниковъ.
Владимiръ Васильевичь Каблуковъ.
Петръ Николаевичь Сумароковъ.
Для Благороднаго Университетскаго Пансiона.

Въ Орлѣ.

Его Сiятельство,

Графъ Сергей Михайловичь Каменскiй.

Въ Санктпетербургѣ.

Ихъ Сiятельства:

Графъ Сергей Петровичь Румянцовъ.
Графъ Дмитрiй Ивановичь Хвостовъ.
Князь Петръ Андреевичь Вяземскiй.

Ея Превосходительство,
Наталья Яковлевна Плюскова.

Ихъ Высокородія:

Катерина Андреевна Карамзина.
Николай Михайловичь Карамзинъ.
Николай Ивановичь Тургеневъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Василій Андреевичь Жуковскій.
Александръ Алексѣевичь Плещеевъ.
Никита Михайловичь Муравьевъ.

Въ Липецкѣ.

Его Высокоблагородіе, Борисъ Карловичь Бланкъ.

Въ Усманѣ.

Ихъ Высокоблагородія:

Петръ Петровичь Бунинъ.
Николай Анатольевичь Бунинъ.

Въ Калугѣ.

Его Высокоблагородіе, Александръ Павловичь Механцовъ.

Въ Мирапольѣ.

Его Благородіе, Александръ Александровичь Высоцкій.

Въ Новой Ладогѣ.

Протоіерей Михаилъ Васильевичь Грузинскій.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Nij
R. 1-2

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Šalikov, Petr I.

Sočinenija

Bd.: 2. Stichi. - 1819. - 276 S.

Moskva 1819

4 P.o.russ. 4 o-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10530337-6